

АССОЦИАЦИЯ КОРЕЙЦЕВ КАЗАХСТАНА

ГАЗЕТА «КОРЕ ИЛЬБО»

*90 летию газеты
«Коре ильбо» посвящается*

СВЯЗАННЫЕ ОДНОЙ СУДЬБОЙ

АЛМАТЫ, 2013

УДК

ББК

С

***Руководитель проекта и автор текста: д.и.н., проф. Ким Г.Н.,
Заслуженный деятель Республики Казахстан***

Перевод на корейский: Чо Ын Чжон и Хан Чан Бюль

Фотографии: архива АКК, редакции «Коре ильбо», Цой Ариты В.,
Ан Виктора, Ким Игната П., Ким Брутта И., Ким Светланы Г.,
Ри Ден Хи, Ким Германа Н. и других

Издание осуществлено Ассоциацией корейцев Казахстана

С **Связанные одной судьбой.** – Тараз-Алматы: ЖИЦ Сенім,
2013. – 228 с., фото.

ISBN

В книге раскрываются страницы истории старейшей газеты, выходящей на корейском языке за пределами Кореи. За прошедшие почти 90 лет она трижды меняла названия, но осталась прежней, по сути – корейской национальной газетой. «Коре ильбо» - приемница межреспубликанской газеты «Ленин кичи», истоки которой восходят к газете «Сенбон», издававшейся во Владивостоке. Ее связывает общая судьба с корейской диаспорой, она прошла такой же долгий и непростой путь, как и читатели, которые выстояли все невзгоды и с оптимизмом смотрят в будущее. Книга написана с использованием широкого круга источников, живым и понятным языком, в ней содержатся интервью и воспоминания бывших сотрудников газеты; поздравления и пожелания коллег по журналистскому цеху. Она богато иллюстрирована и рассчитана широкий круг читателей.

ISBN

УДК

ББК

© АКК - «Коре Ильбо», 2013

© Ким Г.Н., 2013

© ТОО «ЖИЦ Сенім». Оформление, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово президента АКК Р.У. Кима, депутата Мажилиса Парламента РК.....	4
Связанные одной судьбой.....	6
1. Корейские переселенцы на русский Дальний Восток и газета «Сенбон».....	
2. Депортация, обретение новой родины и газета «Ленин кичи»	
3. Перестройка, независимость Казахстана и газета «Коре Ильбо»	
4. 세 개의 이름과 하나의 운명 («선봉» - «레닌키치»- «고려 일보»).....	
5. Заключение.....	
Поздравления к юбилею.....	
Интервью и воспоминания.....	
Служившие народу и газете.....	

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА АКК Р.У. КИМА, ДЕПУТАТА МАЖИЛИСА ПАРЛАМЕНТА РК

ДОРОГИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

Кажется, совсем недавно мы отпраздновали 85-летний юбилей нашей родной корейской газеты «Коре ильбо». А теперь уже наступило ее 90-летие и в связи с этим, я вспоминаю далекие времена своего детства, когда во многих домах поселка Уштобе, в том числе и в нашем, выписывали газету, тогда еще «Ленин кичи». Я хорошо помню, как старики с нетерпением ждали каждый номер, затем внимательно прочитывали его, от корки до корки, вчитываясь в каждую строку. Пытаясь, быть может, между строк, разглядеть то истинное и непредвзятое, что происходило с нами, советскими корейцами, в те нелегкие времена. А после они живо и подолгу обсуждали прочитанное, ибо все это, пусть в рамках жесткой цензуры, было именно о них, об их жизни.

Газета «Коре ильбо» есть зеркало нашей диаспоры, в котором отражена вся ее история. Корейцы Казахстана, России, Узбекистана и других независимых государств, образовавшихся на обломках СССР, будут отмечать в следующем году 150-летие переселения из исторической родины на русский Дальний Восток. Таким образом, история коре сарам, так себя называли себя наши отцы и деды, уходит намного глубже в прошлое, нежели чем других соплеменников, проживающих за рубежом. Судьба коре сарам оказалось многослойной, в которой черные периоды сменялись на светлые времена, горечь и разочарования - на радость и чувство удовлетворения, потери и поражения – на достижения и успехи. Безусловно, вся жизнь корейцев была вплетена в общую историческую канву всей советской страны и всех советских людей. Хотя всем понятно, что есть особые, присущие только корейцам страницы в книге общей истории.

В то же время судьба «Коре ильбо» сама по себе уникальная история, ибо она относится к одной из старейших периодических печатных органов, издающихся до сих пор на родном языке. Поэтому

мы не можем не переживать за ее будущее, мы приложим все усилия, чтобы не прервать историческую нить, связывающую всех корейцев Казахстана и передать ее в надежные руки грядущего поколения.

Поэтому, если мы порой имеем какие-либо пожелания и замечания к нашей газете, то адресованы они в первую очередь именно к самим себе. И каждое наше пожелание означает, что нам всем надо много и эффективно работать, чтобы улучшить нашу газету, и значит, улучшить нашу жизнь. И наоборот, улучшая нашу жизнь, мы улучшаем нашу газету.

Я поздравляю с юбилеем «Коре ильбо», которая вот уже 20 лет является органом печати Ассоциации Корейцев Казахстана. Желаю ей долгих лет активной и интересной жизни в яркой палитре казахстанских газет. Пусть она всегда радуется своим успехам, поддерживает в трудные минуты, сообщает нам о самом главном, что происходит в диаспоре, и впредь создает высокий имидж суверенного демократического многонационального Казахстана, который стал для нас, коре сарам, родиной!

*Президент Ассоциации Корейцев Казахстана,
депутата Мажилиса Парламента РК Р. У. Ким*

СВЯЗАННЫЕ ОДНОЙ СУДЬБОЙ

Газета «Коре ильбо», которой исполняется 90 лет, связана общей судьбой с корейской диаспорой, прошедшей долгий и непростой путь, начиная от переселения на русский Дальний Восток во второй половине XIX века и заканчивая современной жизнью в суверенных государствах, возникших после распада Советского Союза.

На следующий год исполняется 150 лет с момента переселения корейцев на русский Дальний Восток, откуда начинается отсчет истории корейских диаспор суверенных государств постсоветского пространства.

I. КОРЕЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НА РУССКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ГАЗЕТА «СЕНБОН»

Первые корейские переселенцы обосновались в 1863 году на реке Тизинхэ, а спустя шесть лет их в русском Приморье насчитывалось свыше 4500 корейцев. Царская администрация, разрешив им остаться в районе Посыета, в Приамурье, разумеется, исходила из своих интересов, считая, что корейские, как и другие переселенцы, будут способствовать освоению дальневосточных окраин России.

**Корейские
переселенцы во
Владивостоке**

Вторая причина политическая: аннексия Кореи Японией в 1910 году, переселение корейцев на восток Российской империи как бегство от произвола оккупантов. По данным всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи, накануне Октябрьской революции, в Приморском крае проживало 225 тысяч корейцев. Соответственно после укрепления корейских поселений на Дальнем Востоке постепенно оживлялась культурная и общественная жизнь, ибо среди эмигрантов были не только крестьяне, но и интеллигенция, большая часть которой посвятила свою жизнь на чужбине борьбе с японскими колонизаторами.

К 1910 г. определились основные места расселения корейцев в Приморской области. Городское корейское население общим числом в 10,477 человек проживало в основном во Владивостоке, значительно меньше в Хабаровске, Никольск-Уссурийском, Николаевске – 1,541. Городское корейское население в Амурской области проживало в Благовещенске и Зее общей численностью в 936 человек обоего пола. Численность корейских иммигрантов в Забайкальской области была незначительной – 378 человек, из которых 53 человека проживали в Чите. Всего в трех областях Приамурского генерал-губернаторства в 1910 г. проживали около 55 тыс. корейцев.

Освободительная антияпонская борьба осуществлялась через создававшиеся легальные и нелегальные, корейские национальные организации, среди которых наиболее активным являлось общество «Кунминхве», возникшее еще в 1904 году в Корее. Целью его было развитие народного образования и ремесел, достижение

**Корейские дети
в Синханчхоне –
корейской слободке
г. Владивостока**

свободы и равноправия народа, и, в конечном итоге восстановление независимости Кореи. Общество «Кунминхве», которому был нужен рупор, чтобы услышали его призывы, стало с 1909 года издавать газету «Синхан минбо».

Газета быстро завоевала популярность среди корейцев Дальнего Востока. По сведениям Владивостокского цензора произведений печати, в Приморскую область в 1914 году поступило 138 экземпляров этой газеты. Причем, в самой Корее газета распространялась весьма ограниченным тиражом из-за давления и гонений японских властей.

О чем конкретно писала эта газета? «Синхан минбо» из номера в номер призывала к консолидации корейских патриотов для революционной борьбы против японских оккупантов. А именно, газета писала: «Отсутствие единения есть самая главная причина того, что мы не продвинулись еще ни на шаг к свободе после того, как нашей страной стали управлять японские штыки. Но если мы и в

дальнейшем будем неумело работать и не объединимся в одну общую антияпонскую организацию для единодушного действия, то мы постепенно обнищаем и превратимся в японских рабов, теряя перед всем цивилизованным миром право считаться отдельной нацией» «Синхан минбо» неуклонно разоблачала «продажные души» из среды своих соотечественников, с про-японскими взглядами.

В дальнейшем российские власти значительно ослабили деятельность общества «Кунминхве», в первую очередь из-за связей с США и усиления его влияния, в результате чего многие корейцы разорвали с обществом, и, продолжая ту же антияпонскую деятельность, уходили, будучи прежде протестантами, в православие.

Затем в ноябре 1911 года во Владивостоке было открыто общество

«Квонопхве», которое было призвано отстаивать экономические интересы проживавших в Приморье корейцев, и также вело патриотическую пропаганду, направленную против японских колонизаторов. Ко времени своего учреждения общество насчитывало в своих рядах 300 членов. А к лету 1914 года его отделения были открыты в 11-ти городах и населенных пунктах Приморской области, и общее число членов общества составило 8579 человек.

За время своей активной деятельности общество открыло во Владивостоке библиотеку-читальню, где по воскресеньям устраивались лекции и беседы для корейского и русского населения. При «Квонопхве» было образовано «Общество молодых корейцев», которое занималось сбором средств на организацию корейских национальных школ.

А с марта 1912 года общество стало издавать газету «Квоноп синмун», которая снискала среди корейского населения огромную популярность. Всего вышло 126 номеров «Квоноп синмун». Газета просуществовала до августа 1914 года и прекратила существование опять же из-за репрессивных действий японских властей на территории России.

29 августа 1914 года, в день, когда был опубликован договор об аннексии Кореи, в одном из последних номеров, газета поместила редакционную статью «К сегодняшнему дню», подводившую черту периоду революционной борьбы за укрепление национального духа и самосознания. В статье говорилось следующее: «Корейцы! Знаете ли Вы, что за день сегодня. Это день прекращения нашей непрерывной тысячелетней истории, день заключения в рабские оковы нескольких миллионов наших братьев, это день отторжения нашей тысячеверстной территории. У кого же из Вас не вскипает кровь и не ощущается боль в груди? Уже пятый год, как враг ввергает в прах нашу родину, и если наши патриоты пролили ручьями свою кровь, прежде чем остыли слезы о погибшем отечестве, если нашему доблестному народу, подобно скотам, приходится подвергаться ударам вражеского бича, и если наши братья, лишённые возможности существования, вынуждены скитаться по белому свету, то знайте, что всему причиной является отсутствие родины».

Владивосток или Хясами* с самого начала корейской иммиграции стал для нее центром передовой, освободительной мысли, образования и просвещения. В начале 90-х гг. XIX в. корейское население Владивостока насчитывало 2816 человек (том числе женщин 86 и 50 человек детей). Домохозяев корейцев в городе было 29. Было образовано городское корейское общество. В 1893 году последовало пере-

**Печать корейской библиотеки
в г. Владивостоке**

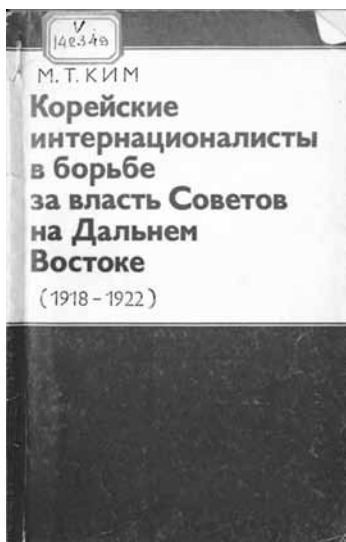
селение части китайцев и корейцев из города во вновь отведенный для них квартал - Корейская слободка (по-корейски – Синханчхон – Новокорейская слободка). Именно Синханчхон превратился в центр всей передовой корейской эмиграции. По словам российского генерального консула в Сеуле А. Сомова, накануне аннексии Кореи Японией корейцы смотрели на Владивосток «как на уцелевшую цитадель их полунезависимости, с падением которого нет больше спасения».

В последующие годы роль Владивостока как политического центра корейской эмиграции возрастала. В Государственную Думу в 1914 году было внесено представление, в котором записано: «В городе Владивостоке и его окрестностях проживает до 10 тыс. корейцев. Образовалась особая корейская слободка. Жители этой слободки в огромном большинстве корейцы-иностранцы, частью прибывшие сюда для заработков и частью эмигранты из Кореи, бежавшие отсюда вследствие преследований со стороны японских властей или вследствие острого чувства обиды за униженную родину, потерявшую свою самостоятельность. Среди эмигрантов, поселившихся в корейской слободке, немало интеллигентных, крайне озлобленных против японского режима в Корее и против японцев вообще, как своих поработителей. Корейская слободка во Владивостоке - центр умственной корейской жизни не только для корейцев, проживающих в России, но и для всей Кореи вообще».

В 1917 году, накануне Октябрьской революции в России насчитывалось около 100 тысяч корейцев. В Приморской области проживало 81 825 корейцев, составлявшие почти одну треть всего населения Приморья. Кроме того в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции против власти большевиков в европейской части России находилось до семи тысяч, Западной Сибири - около пяти тысяч корейцев.

Корейские трудящиеся, проживавшие на Дальнем Востоке, в Сибири и других регионах России, считали, советская власть защищает и отстаивает права, свободу и независимость всех угнетённых народов, поэтому с началом гражданской войны и интервенции иностранных держав корейского населения выступила с оружием в руках в ее защиту.

Участие корейских трудящихся в борьбе за власть Советов мотивировалось их желанием освободить свою родину от колониального режима. Корейцы считали, что победой над японскими интервентами на Дальнем Востоке внесут свой вклад в восстановление национальной независимости Кореи. Особенно активизировались вооруженные антияпонские акции корейских патриотов, сформировавших в Маньчжурии и Сибири партизанские отряды, после жестокого подавления первоапрельского движения 1919 года в Корее.

Книги о корейских борцах на освобождение Кореи и установление советской власти на Дальнем Востоке

В общей сложности весной 1920 г. в разных районах Приморья и Приамурья действовали 36 корейских партизанских отрядов, в рядах которых насчитывалось около 3 700 человек. Кроме того многие корейские бойцы сражались в интернациональных частях Народно-Революционной Армии ДВР. Основные силы корейских партизанских отрядов действовали в приграничной с Россией Маньчжурии (Кандо), где насчитывалось около 40 тысяч корейских партизан. Японские власти ввели в Кандо две дивизии, под натиском которых корейские партизаны вынуждены были отступить на русскую территорию. В марте 1921 г. на Всекорейском партизанском съезде Дальнего Востока в с. Красноярово Амурской области приняли постановление объединить все корейские партизанские отряды и подчинить их командованию Народно-Революционной армии Дальневосточной Республики (НРА ДВР). После съезда все корейские партизанские отряды стали сосредотачиваться в районе с. Свободного Амурской области, где в общей сложности сконцентрировались около 5 тысяч корейских партизан. Однако, произошедший в начале июня «Амурский инцидент» нанес непоправимый урон формирующемуся единству корейских отрядов, сотрудничеству с НРА ДВР и вызвал значительные людские жертвы.

Корейские партизанские отряды и подразделения в частях НРА продолжали участвовать в боевых операциях против белогвардейцев и интервентов в 1921-1922 гг. вплоть до полного освобождения Дальнего Востока.

1922 год поистине открывает новую страницу в истории корейской прессы СССР. Как считал заведующий кафедрой истории журналистики КазГУ, доктор исторических наук, профессор, академик Сагымбай Козыбаев, нынешняя газета «Коре ильбо» должна вести свое летоисчисление именно с этого года, а не с 1 марта 1923-го, когда вышел первый номер газеты «Сэнбон». А именно, в августе 1922 года в Приморье, еще оккупированном Белой армией, бюро Компартии Анучинского района Уссурийской области стало издавать газету «Пулгынги» («Красное Знамя»), первый номер датирован 27-м августа). Всего, до конца года, вышло 4 номера, а после освобождения Владивостока, в 1923 году газета выходила уже в этом городе, изменив свое название сначала на «Самвол ирил», затем на «Сенбон» (Авангард).

**Газета «Сенбон»
(«Авангард») –
предшественница
«Ленин кичи»**

«Сенбон» первоначально был органом печати Приморского комитета РКП(б) и Приморского совета профсоюзов, затем – Приморского комитета ВКП(б). Газета одно время, с 1929 по 1934 год, издавалась в Хабаровске, затем вновь во Владивостоке. В Государственной библиотеке России (бывшей Ленинской) хранятся раритетные номера «Сенбон». В 1923 году газета выходила 34 раза, с 1924 года выходила два раза в неделю, с 1930 по 1931 год – 3 раза в неделю, а в период с 1932 по 1935 годы – через день. Есть справка и о тираже «Сенбон»: в 1928 году – 2 тысячи, в 1929 – 3600, в 1930 – 6900. А уже с 1931 года тираж газеты превысил 10 тысяч.

В 1923 г. численность корейцев в Приморской губернии свыше 120 тыс. человек, из которых 103,5 тыс. проживали в сельской местности. По социальному положению они распределялись следующим образом: крестьяне – свыше 80%, рабочие – около 5%, интеллигенция – 5-7%, городская мелкая буржуазия – до 10 процентов. Крестьяне в свою очередь расслаивались на кулаков – 5-6%, середняков – 25-30%, бедняков – 65-70 процентов.

К 1923 г. корейское населения проживало в основном в Посьетском и Сучанском районах и Никольск-Уссурийском уезде Приморской губернии. Здесь проживало до 90 тысяч корейских крестьян, составлявших 80% общей численности корейского

населения. Оставшиеся 20 % корейцев были разбросаны по обширной территории губернии. К этому времени две трети корейского населения не имели еще российского гражданства. Как иностранно-подданные, они не наделялись землей и арендовали ее у русских и русско-поданных корейцев.

Все районы Приморской губернии, заселенные корейскими крестьянами в начале 20-х годов были постоянно охвачены голодом. Особенно сложное положение создалось в Посыетском районе, где два года (1922-1923) подряд был неурожай. Весь 1922 г. 30 тыс. корейцев, составляющие 85% населения района питались исключительно овощами и травами. Многие корейские крестьяне, не видя перспективы на улучшение условий жизни, переходили на китайскую территорию.

На настроении корейского населения весьма болезненно сказалось расформирование после изгнания интервентов из Дальнего Востока корейских партизанских отрядов. Многим партизанам не выдали видов на жительство, не были выделены средства для оказания им материальной помощи, в некоторых случаях имели место даже аресты бывших партизан, не имевших документы, и высылка их в Корею, где они арестовывались японскими властями. Часть корейских партизан, перебазировавшихся на русский Дальний Восток с территории Кореи и Китая, оказывала серьезное сопротивление разоружению, не желая оставаться в Приморье, чтобы продолжить борьбу против японских империалистов у себя на родине. В Приморье сложилась напряженность в отношениях между русским населением и вооруженной частью корейского населения. В августе 1922 г. состоялось совещание представителей губисполкомов и секретарей губкомов РКП(б)/, на котром одним из главных стал корейский вопрос, по которому была принята развернутая резолюция, ставшая основой для советизации дальневосточных корейцев, и в этом одна из ключевых ролей отводилась корейской прессе.

Газета «Сенбон» сыграла значительную роль в духовном становлении российских корейцев, вобрав себя опыт многих предыдущих изданий. В первые годы ее редакторами работали Ли Сен, Ли Бяк Чо, Ли Квал, Цой Хо Рим, Пак Дон Хи. Причем, к началу 30-х годов прошлого века «Сенбон» стала очевидным лидером, как по тиражу, так и по содержанию, среди таких известных изданий, как «Мунхва» («Культура»), «Се сэге», («Новый мир»), «Нодондчжа» («Трудящийся»), «Нодон синмун» («Трудовая газета»), «Ленинцы», «Сыталины гил» («Сталинский путь»), «Енхяжжу эбу» («Приморский рыбак»)) и другие.

«Сенбон» несомненно, являлась газетой-реформатором. В 1920 г. в Сеуле газеты «Чосон ильбо» и «Донга ильбо» выходили по образцу японской печати. Как корейские и японские газеты, вначале в «Сенбон» материалы писались справа налево, но после была принята система написания слева направо. Что свидетельствовало

как о коренных изменениях в письменности без заимствования, так и о прогрессивных взглядах, присущих талантливым публицистам газеты.

В 1929 г. была проведена специальная перепись корейского населения во Владивостокском округе, которой выявлено, что из 150 795 корейцев абсолютное их большинство проживало в сельской местности. Наиболее многочисленная городская община корейцев проживала во Владивостоке – около 8 тыс. человек. Особо плотное и компактное проживание сельского корейского населения фиксировалось в трех районах: Посъетском, Суйфунском, Сучанском, из которых первый по национальному составу (89%) с полным правом можно считать «корейским» районом.

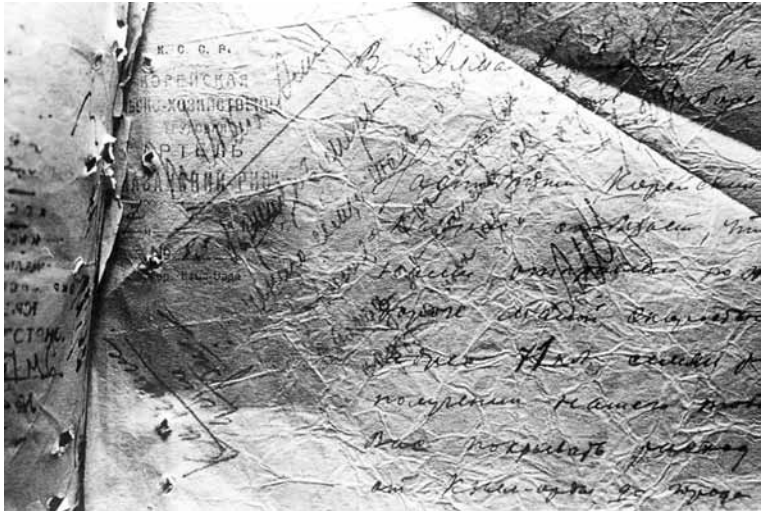
Газеты «Хвечжо синмун», «Тэдонг конгбо», журнал «Тэханин чёнгёбо» православных корейцев

Дальневосточные власти планировали отселить большую часть корейцев из Приморья подальше от границ, в северное верховье Амура, однако в силу нехватки средств и сопротивления корейцев мало что смогли изменить.

В конце 1920-х гг. небольшая группа корейцев оказалась в Казахстане, так как «было решено пригласить корейцев в Казахстан для организации рисоводства и передачи своего опыта». 220 корейцев (117 семей) прибыли в Казахстан и организовали «Корейскую сельскохозяйственную трудовую артель «Казакский рис» («Казрис»).

В октябре 1929 правительство Узбекистана обратилось с просьбой переселить 3-4 артели корейских рисоробов в количестве 80-100 человек. Однако, «ввиду значительного сокращения плана внутривнутриреспубликанского переселения и сокращения денежных средств, отпускаемых на проведение переселенческих мероприятий,

**Архивный документ
с печатью
сельхозартели
«Казакский рис»**

узбекские власти в дальнейшем отказались от приема корейцев-рисоводов»

К середине 1930-х годов корейцы, численность которых приближалась к 200-тысячной отметке, прошли школу советизации, испытали на себе форсированную «сплошную коллективизацию» и охватившую свыше 80% корейского населения.

Значительные успехи были достигнуты в ликвидации неграмотности, образовании, развитии национальной культуры, искусства.

В начале 1930 г. во Владивостоке было создано Дальневосточное отделение ОГИЗа, а при нем сформировали корейский сектор в составе 10 человек. Уже в следующем 1931 году на корейском языке было выпущено 71 названия книг тиражом около 350 тыс. экземпляров. Через год издательство выдало еще больше печатной продукции на корейском языке. В 1933-34 гг. были изданы все школьные учебники, переведенные с русского на корейский язык. Кроме учебников в 1930-х гг. краевым издательством были напечатаны на корейском языке сотни тысяч экземпляров партийной и общественно-политической литературы. Корейские читатели получили на родном языке произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и других русских классических писателей, а также новых пролетарских – М. Горького, В. Маяковского и других.

Вокруг редакции газеты «Сенбон» сложилась группа корейских авторов, переводчиков и журналистов, насчитывавшая около 40 человек, из которых половина была сотрудниками газеты, а остальные – преподаватели, редакторы и сотрудники других корейских газет и журналов, переводчики партийных и советских учреждений. Однако, как отмечал редактор газеты О Сен Мук уровень переводческого мастерства желал быть лучшим.

Всего в 1920-30 гг. на Дальнем Востоке издавалось 7 газет и 6 журналов на корейском языке. Кроме «Сенбон» корейцы читали такие газеты как «Мунхва» («Культура»), «Сэ сеге» («Новый мир»), «Нодончжя» («Рабочий»), «Нодон синбо» («Крестьянская газета»), «Донъя консан синмун» («Газета восточной коммуны») и др. В период коллективизации политотделы при Сучанском и Посыетском МТС издавали свои многотиражки на корейском языке.

**Редакция газеты Сенбон в
начале 1930-х годов**

В конце 1920-начале 1930-х годов на Дальнем Востоке действовали несколько кружков художественной самодеятельности, такие как кружок при табачной фабрике г. Владивостока, при клубе «Синханчхон», при средней школе №8, при школе крестьянской молодежи села Пуциловка, при педагогическом техникуме в Никольск-Уссурийском. Многие активные участники указанных коллективов художественной самодеятельности, среди которых следует назвать Ен Сен Нен, Ким Дин, Ким Хя Ун, Ли Ги Ена, Ли Хам Дек, Ли Гир Су, Тхай Дян Чун, Цой Гир Чун сыграли видную роль в становлении и развитии театрального искусства советских корейцев.

В 1930 г. во Владивостоке был создан корейский театр рабочей молодежи (ТРАМ). Режиссером театра был Ен Сен Нен, директором – Ем Са Ир, а творческий состав насчитывал 30 человек. Из-за финансовых и материальных трудностей ТРАМ был реорганизован

Корейские драмкружки и самодеятельные театральные коллективы конца 1920-х годов

в 1931 г. в корейскую агитбригаду при ЦК профсоюза «Рыбник», который взял на себя расходы по ее содержанию.

9 сентября 1932 года во Владивостоке был создан Дальневосточный краевой корейский театр, в котором стали работать бывшие трамвайцы и лучшие представители любительских художественных коллективов. В течение пяти лет деятельности театра во Владивостоке формировалась актерская труппа, зарождалась национальная драматургия, определялось творческое направление театра.

О повышении уровня образования среди корейцев Дальнего Востока красноречиво говорит исторический источник. В статье А. Фетисова, опубликованной в газете «Тихоокеанская звезда» незадолго до депортации - 9 июня 1937 г. рассказывалось о жизни корейского колхоза «Крепость» Буденновского района Приморской области. Автор писал, что «за годы советской власти около десятка колхозников получили высшее образование – Пак Голь окончил Свердловский университет, Пак Николай – Московский плановый институт, Пак Вера – Московский университет, Ко Василий – педагогический институт, Ли Тихон – Ленинградский медицинский институт; более 10 человек окончили техникумы; учащиеся в корейском педагогическом институте колхозницы – девушки Ким Чун Ок, Ким Ян Сун, юноши Ким Яч Хук, Ким Бак Сон, Син Тон Бом, в авиационном институте учится Ким Алексей; в 1936 году неполную среднюю школу окончили 17 человек и 15 из них уехало учиться дальше, в институты и техникумы; в 1937 году заканчивают школу 21 человек и все они едут учиться дальше; в начальной школе учатся 250 детей, а всего в колхозе 103 двора с населением 606 человек».

На советском Дальнем Востоке было заложено начало формированию кадров корейской национальной интеллигенции в области просвещения, искусства, литературы и науки. В первое десятилетие советской власти острая потребность в учительских кадрах явилась основой для появления первых корейцев-интеллигентов именно в

сфере народного образования. В связи с ростом численности корейских школ и учащихся необходимы были педагогические училища и техникумы для подготовки учителей для начальных классов.

Выпускники корейской средней школы г. Владивостока

В 1923 г. при Никольск-Уссурийском педагогическом техникуме было открыто корейское отделение, на котором обучалось 21 человек, окончившие школу первой ступени. На отделении техникума было 2 класса, где работали 6 преподавателей. Одного корейского отделения было совершенно недостаточно, поэтому вопрос о необходимости открытия корейского педагогического техникума поднимался неоднократно корейской общественностью и ставился перед партийными и советскими органами.

В 1925 г. на базе существовавшего корейского отделения Никольск-Уссурийского педагогического техникума был образован Корейский педагогический техникум с семилетним сроком обучения (включая два года учебы на подготовительном отделении), сыгравший большую роль в обеспечении корейских школ учителями. Только за годы первой пятилетки педагогический техникум подготовил и выпустил 420 преподавателей.

Преподаватели и выпускники Корейского педагогического техникума в Никольск-Уссурийске, 1934 г.

Однако один корейский педтехникум был далеко не в состоянии подготовить необходимое количество учителей. В марте 1925 г. во Владивостоке состоялось совещание корейских работников, на котором был заслушан доклад уполномоченного по корейским школам при ГубОНО. Совещание признало «настоятельно необходимой организацию с 1925-26 учебного года корейского отделения при рабфаке Государственного Дальневосточного университета».

Далее совещание считало необходимым принять на открываемое отделение 40 студентов в составе одной полной группы, получивших подготовку на корейском языке. Студентам предполагалась предоставить стипендии. В отношении педагогического персонала совещание находило возможным обеспечить таковым открываемое отделение, предусматривая «частичное привлечение преподавателей из Кореи». Задача корейского отделения заключалась в том, чтобы выпускники рабфака по окончании учебы могли бы без особых трудностей проходить обучение в высших учебных заведениях.

Кроме того только в 1923-1924 гг. из Приморья было отправлены на учебу 716 корейцев, из них: 53 - в Коммунистический университет трудящихся Востока, 98 - в Интернациональную военную школу комсостава, 49 - в 24-ю Школу комсостава, 300 - на уездные и гу-

**Выпускники и преподаватели Ворошиловского корейского педучилища
1937 года.**

бернские учительские курсы, 17 - в педагогические и медицинские институты, 4 - в Военно-морскую школу, 45 - на корейское отделение Никольск-Уссурийского педагогического техникума, 22 - на уездные и волостные курсы административных работников, кооператоров и политпросветработников, 75 - на курсы в краевую и губернскую совпартшколу I, II и III ступени, 9 - на курсы политработников, уездных партработников и курсы секретарей укомов г. Москвы, 13 - на рабфаки местных, московских и ленинградских высших учебных заведений, 9 - на губернские корейские курсы, 7 - в Никольск-Уссурийскую сельскохозяйственную школу, 30 - на курсы пионерских работников.

В 1926 году только через политшколы и районные партийные курсы прошло всего 130 корейцев. При совпартшколе Приморского губкома РКП(б) обучалось 33 курсанта-корейца, 19 корейцев прошли курсы волостных работников. Через Корейскую секцию Приморского губкома РКП(б) были отправлены на учебу: в Коммунистический университет трудящихся Востока - 70 чел., в советские и партийные школы первой и второй ступени - 67 чел., на курсы секретарей уездных комитетов в Москву - 2 чел., в Ленинградскую Интернациональ-

Студенты и преподаватели исторического факультета Корейского пединститута г. Владивостока

ную пехотную школу - 114 чел., в 24-ю Пехотную школу - 37 чел., в прочие ВУЗы и рабфаки - 50 человек.

Рост педагогических кадров явно не мог удовлетворить потребности расширившейся школьной сети. В 1930 г. открылся еще один педагогический техникум в Посыетском районе, в котором обучалось 280 студентов. Там же было организовано специальное отделение для подготовки кадров дошкольных работников.

В 1931 году во Владивостоке был создан корейский педагогический институт в составе исторического, литературного, физико-математического и биологического факультетов с общим контингентом 780 студентов. В 1933-1934 учебном году институт уже выпустил 217 квалифицированных учителей, обучалось 234 студента на различных факультетах, из них 21 девушка, и 282 слушателя на рабфаке (77 девушек). Студентам выплачивалась стипендия в размере 150-215 рублей. У института имелся учебный корпус на 600 человек при двусменном режиме учебы. Здание находилось в неудовлетворительном состоянии. Существовали ботанический, физический и военный кабинеты, причем последний считался одним из лучших среди вузов Владивостока.

Без коренных и решительных мероприятий укреплению материально-технической базы дальнейшее развитие института

представлялось невозможным. 15 декабря 1934 г. бюро Приморского обкома приняло постановление о необходимости строительства нового учебного корпуса и общежития на 480 студентов, выделении 500 тыс. рублей на оборудование кабинетов и лабораторий; организации педагогическими и научными силами института переводов учебников и учебной литературы; перестройки работы кафедр института по коренному улучшению учебно-воспитательного процесса; улучшению учебных и бытовых условий студентов. Отдельный 8-ой пункт постановления гласил: «При историческом факультете организовать кабинет корееведения, где сосредоточить изучение современной Кореи. Просить крайком партии поставить вопрос перед ЦК и НКП об отпуске 1000 рублей валюты на выпуск иностранной литературы, главным образом корейской, японской и китайской. В учебный план ввести преподавание истории и экономики Кореи». Однако многим этим благим намерениям так и не было суждено сбыться.

Помимо подготовки специалистов в корейском пединституте, только в 1932 году 350 корейцев, в том числе десятки советских работников, окончили Институт Красной профессуры в Москве, Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, Коммунистический университет народов Востока и другие ВУЗы в Москве, Ленинграде и др. городах.

Последний номер «Сенбон», 1644-й, вышел 12 сентября в год депортации. После чего начинался новый, весьма сложный период в истории советской корейской прессы.

К сожалению, ни в одном официальном документе, и ни в одной газетной статье, не было обнаружено никакой информации о редакционном коллективе, работавшем до и после депортации. Лишь по устным воспоминаниям некоторых представителей старшего поколения удалось установить, что первым главным редактором газеты «Сенбон» был Ли Сен. В год переселения редакцию возглавлял Цой Хо Рим. Он был уже шестым по счету главным редактором. Со слов ветеранов стало известно, что в канун переселения вся редакционная коллегия во главе с главным редактором Цой Хо Римом была арестована работниками НКВД. Лишь один из членов редколлегии, заведующий отделом сельского хозяйства Хван Дон Хун, уцелел. Именно он ценой невероятных усилий, с риском для жизни, заложил фундамент для восстановления газеты. А чуть позже и он стал жертвой сталинских репрессий. Таким образом, наступал самый тяжелый период, как в истории советской корейской прессы, так и вообще в истории советских корейцев.

В связи с депортацией корейцев часть редакционного коллектива, шрифты, типографское оборудование газеты «Сенбон» оказались первоначально в г. Казалинске, а спустя 2 года перевезены в г. Кзыл-Орду. Началась новая глава в истории корейской газеты.

II. ДЕПОРТАЦИЯ, ОБРЕТЕНИЕ НОВОЙ РОДИНЫ И ГАЗЕТА «ЛЕНИН КИЧИ»

Дальневосточные корейцы были одним из первых народов Советского Союза, испытавшими на себе тотальную депортацию, затем последовали десятки других: немцы, курды, крымские татары, поляки, чеченцы и т.д.

Идея о депортации корейцев имела свою предысторию, когда в конце 20 – начале 30-х годов советское руководство строило планы по отселению корейцев из пограничных районов Приморья в отдаленные территории Хабаровского края. Директивы Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении корейцев от 18 августа 1927 года, переданные в экстренном порядке во Владивосток и Хабаровск, стали исходным пунктом выработки ряда актов, суть которых сводилась к тому, что корейское население подлежало массовому отселению. 25 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством Сталина вновь специально обсуждает вопрос и переселении дальневосточных

Карта депортации народов СССР в 1930-40-е годы

корейцев. Наконец, 10 июля 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) снова обращается к вопросу «О корейцах» и вновь подтверждает свою директиву на массовое административное отселение корейского населения из пограничных районов Приморья.

Таким образом постановление № 1428-326сс Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 21 августа 1937 года «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края», подписанное В. Молотовым и И. Сталиным являло собой закономерное разрешение «корейского вопроса».

Депортация корейцев была спланированной, организованной и тщательно проконтролированной широкомасштабной акцией тоталитарного режима. До принятия рокового постановления в ДВК прошли несколько волн партийных чисток и репрессий, охвативших все эшелоны власти, включая партийный аппарат, армию, карательные и силовые органы. На смену казненным, заключенным в ГУЛАГ, покончившим собой функционерам пришла новая номенклатура, не имевшая опыта совместной жизни и работы с советскими корейцами, поэтому способная к жесткому выполнению поставленной задачи. Для осуществления операции по выселению корейцев в качестве начальника Дальневосточного управления НКВД был послан глава Ростовского НКВД Г.С. Люшков, который был вызван в Кремль для конфиденциальной беседы со Сталиным и получил инструкцию о депортации корейцев.

Чтобы беспрепятственно осуществить депортацию корейцев, тоталитарный режим лишил их признанных лидеров и руководителей. В недрах НКВД был сфабрикован краевой корейский повстанческий центр, который якобы готовил вооруженное восстание с целью отторжения ДВК от СССР. Именно это утверждает выписка из приговора к расстрелу по делу первого секретаря Посьетского райкома ВКП(б) Афанасия Кима от 25 мая 1938 года. По признанию Люшкова во время переселения было арестовано 2 500 корейцев в ДВК.

В целях оправдания незаконной акции депортации корейцев в ДВК незадолго до ее начала на полную мощь заработала пропагандистская машина, нагнетавшая атмосферу шпиономании. Старт ей дали две статьи, опубликованные в «Правде» от 16 и 23 апреля о японском шпионаже на советском Дальнем Востоке, в которых подчеркивалось, что японские шпионы орудуют в Корее, Китае, Маньчжурии и Советском Союзе и, что для шпионажа используются китайцы и корейцы, маскирующиеся под местных жителей.

Ярким свидетельством того, что дальневосточные власти, в первую очередь карательные органы, развернули активную скрытую работу по осуществлению депортации, служит справка «О количестве корейского населения в пограничных районах Уссурийской, Приморской и Хабаровской областей» (уточненные

данные), направленная в Москву командованием пограничных и внутренних войск НКВД ДВК, датированное 21 августа 1937 г., т.е. днем подписания Сталиным и Молотовым первого постановления о развертывании широкомасштабной акции против корейского населения. Приписка в скобках «уточненные данные» дает повод для предположения, что это уже не первое донесение краевых органов НКВД в Москву о численности корейцев, так как эти данные требовались для предварительных расчетов финансовых и материальных затрат, необходимых транспортных средств, графика движений, времени перевозки и т.п.

По плану депортации корейцев из ДВК устанавливались «три очереди», причем первая очередь указывалась уже в сталинско-молотовском постановлении от 21 августа 1937 года: «Выселение начать с Посъетского района и прилегающих к Гродеково районов». Вторую и третью очередь краевое руководство определило после принятия в начале сентября ряда постановлений СНК СССР о «переселении корейцев» без упоминания о пограничных районах, руководствуясь при этом, критерием удаленности районов выселения от внешних границ и хронологией исполнения.

Соответственно установленным очередям выселения краевая и областные тройки на своих расширенных заседаниях разработали план-график погрузки эшелонов и их отправки, утвердили пункты сбора выселяемых и ожидания эшелонов, железнодорожные станции и разъезды отправления. Каждому эшелону присваивался литерный номер, указывалось место погрузки и время отправки. Эшелоном руководил его начальник, которому подчинялись старшие по вагонам из числа проверенных корейцев. Эшелон состоял в среднем из 50 людских вагонов, одного «классного» (пассажирского), одного санитарного, одного кухни-вагона, 5-6 крытых грузовых и 2 открытых платформ. Товарные вагоны для перевозки груза и скота наспех оборудовались двух-ярусными нарами и печкой-буржуйкой. В одном вагоне перевозились 5-6 семей (25-30 человек). Время следования в пути из ДВК до станций разгрузки в Казахстане занимало 30-40 дней.

Подготовка и проведение депортации включали в себя строжайший, постоянный, всеохватывающий контроль как по вертикали партийных, карательных и других государственных органов, так и по территориальной горизонтали всего края. При учете корейского населения отнимали паспорта, конфисковали охотничье и другое огнестрельное оружие. Широкая агентурная сеть следила за каждым словом и действием корейцев. В дальневосточных государственных архивах сохранились уникальные документы, так называемые номерные спецсообщения о ходе работы по переселению и политических настроениях по районам, подлежащим выселению корейцев.

Из документов видно, что «корейское население отнюдь не было безропотной жертвой депортации. Наиболее мужественные и честные из них открыто против произвола и беззакония, призывали к отъезду за кордон, уничтожению скота и посевов, неповиновению»

Контроль за каждым шагом корейцев не закончился с выселением из ДВК, о чем свидетельствует содержание раздела «Агентурное обеспечение эшелонов», заключенное в одном предложении: «Отправленные эшелоны корейцев агентурно обеспечены. Слежка продолжалась на всем пути следования и по прибытию в Казахстан.

Ценой невероятных людских усилий, тяжелых для государства затрат; под страхом быть наказанным за нерасторопность и отсутствие рвения; при страстном желании партийно-бюрократических и карательных органов отрапортовать вождю о досрочном исполнении его указания совершилось насильственное, тотальное и форсированное выселение корейцев из ДВК.

Анализ выявленных рассекреченных документов показывает, что высшее руководство Казахской республики было поставлено в известность о депортации корейцев без какого-либо предварительного обсуждения с ним. 23 августа секретарь ЦК КПК(б) Л. Мирзоян впервые ознакомил членов бюро с содержанием сталинско-молотовского постановления и было принято решение о создании специальной комиссии по приему и размещению корейских переселенцев во главе с председателем СНК Казахстана У. Исаевым. Однако фактическое оперативное руководство было возложено на органы НКВД в лице Гильмана в Казахстане, наделенного мандатом уполномоченного СНК по расселению и устройству корейцев. Распоряжения уполномоченного были обязательными для всех наркоматов и ведомств и специально созданных областных комиссий по приему и размещению переселенцев.

Первые эшелоны из ДВК стали прибывать в Казахстан в конце сентября, где не были готовы принять и устроить такую большую численность людей. По ходу депортации число корейских хозяйств, надлежащих к приему и размещению выросло на 30-40% по сравнению с первоначально указанной цифрой, менялись регионы, области и районы вселения и количественное распределение переселенцев, что создавало дополнительные трудности в их обустройстве.

Одним из первых правительственных документов, определивших географию расселения корейцев в нашей республике было постановление Совнаркома КазССР от 9 октября «О расселении и хозустройстве корейских переселенцев». Переселение корейцев в Казахстан произошло в два этапа: первый начался с выселения из ДВК и закончился временным расселением в пунктах разгрузки; ко второму этапу внутриреспубликанского перераспределения корейского населения приступили весной 1938 и закончили к концу года.

В Казахстане по отчетным данным областных исполнительных комитетов на 1 декабря 1938 года 18 525 корейских хозяйств были расселены следующим образом: в Алма-Атинской области - 4 191, Кызыл-Ординской - 7 613, Карагандинской- 1 225, Актюбинская - 758, Кустанайской -1 040, Гурьевской - 1 075, Северо-Казахстанской – 778, Западно-Казахстанской - 512 и Южно-Казахстанской - 1 269.

**Памятные камни
у подножия холма
Бастобе близ Уштобе**

Корейцы-переселенцы в Казахстане были устроены главным образом в самостоятельные колхозы или доприселены в существовавшие хозяйства. К декабрю 1938 г. корейские переселенческие колхозы локализовались следующим образом: в Кызыл-Ординской области – 28; Алма-Атинской – 19; Актюбинской – 4; Северо-Казахстанской – 5; Южно-Казахстанской – 2; Гурьевской – 3; Карагандинской – 3; Кустанайской области – 2 колхоза.

Одним из самых болевых вопросов истории депортации корейцев из ДВК в Центральную Азию был и остается вопрос о людских потерях. К 1936 г. общая численность корейского населения России достигала 200 тыс. человек, а число переселенных в Казахстан и Узбекистан корейцев составило менее 180 тысяч. Сокращение на 20 тыс. человек можно объяснить следующим: несоответствием цифры 200 тыс. человек реальной численности корейцев накануне депортации, высокой смертностью депортантов во время транспортировки, наличием корейского населения в других регионах России и высланных в Центральную Азию после 1937 года.

Число смертных исходов во время перевозки, включая жертвы трагической аварии одного эшелона, происшедшей в сентябре 1937 г. под Хабаровском составляет, вероятно, несколько сотен. Точную

цифру погибших определить невозможно, бесспорно одно, что более всего пострадали старики и дети.

Документально зафиксирован факт передачи для размещения астраханским предприятиям Госрыбтреста 520 корейских семей в количестве 2 871 человека, которые учитывались как поселенные в Казахстане. Из воспоминаний Тю Петра Степановича, 1927 г. р., Ляна Ильи Львовича, 1925 г.р., и Тё Бун Сен, 1926 г.р.; проживающих ныне в Астане следует, что в Астрахань прибыл целый эшелон с корейцами, которых затем «разбросали» по рыбацким поселкам. В середине декабря 1941 года всех корейцев выселили в Казахстан, причем за несколько дней до отправки «отпустили мужчин из трудармии, рывших под Сталинградом окопы и противотанковые рвы».

Несомненно, что наибольшие людские потери произошли в первые годы на новых местах. Согласно данным переписи населения 1939 и 1959 гг. корейское население в Казахстане уменьшилось на 23 277 человек, почти на четверть. Причины заключались в следующем: во-первых, природно-климатические различия региона вселения и районов вселения, отсутствие экологических условий для рисоводства и поливного овощеводства, а также недостатки, ошибки и просчеты в организации хозяйства и быта переселенцев-корейцев побудили к несанкционированному массовому оттоку в регионы орошаемого земледелия Узбекистана. Отчасти уход был мотивирован естественным желанием людей воссоединиться с другими членами семьи и родственниками, переселенными в Узбекистан. По состоянию на 10 февраля 1940 г. по неполным данным переселенческого отдела Кзыл-Ординского облисполкома с начала 1938 г. из общего количества корейских переселенцев 5 506 хозяйств (без рабочих и служащих) перешли или переехали в Узбекскую ССР 1 827 хозяйств, т.е. более 10 тысяч человек.

Первые годы на новом месте сопровождалась повышенной смертностью, вызванной экстремальными природно-климатическими условиями, жилищной неустроенностью, недостаточным питанием, слабым уровнем, а зачастую отсутствием медицинской помощи, лекарственных препаратов и т.п. Во многих корейских переселенческих колхозах были распространены различные эпидемические болезни, массовые желудочно-кишечные и простудные заболевания с обширными летальными исходами. Архивные документы свидетельствуют о том, что смертность среди корейцев в два раза превышала среднереспубликанский показатель, который в 1937 г. составлял 18,3 человека на каждую 1000 населения, а в 1938 г. - 16,3. Особенно высоким был коэффициент смертности среди детской, точнее младенческой возрастной группы. По воспоминаниям информантов в каждой корейской семье умирали дети, во многих многодетных семьях выживала половина или меньшая часть.

В годы Великой Отечественной войны многие мужчины-корейцы были трудмобилизованы на промышленные предприятия, шахты, строительство оборонительных, инженерных сооружений и т.п. Только в карагандинских угольных забоях в эти годы работали свыше двух тысяч корейцев. Насильственное разделение членов семьи, супругов, тяжелые условия жизни военных и послевоенных, демографические потери в период депортации и первых лет адаптации в Центральной Азии, в особенности компенсирующей части (дети), отразились на динамике численности корейского населения Казахстана.

**Церемония
открытия
Памятного камня
благодарности
казахскому
народу от
депортированных
этносов, 30 мая
2012 г., подножие
холма Бастобе
близ Уштобе**

Корейцы Казахстана пострадали бы от людских и морально-психологических потерь в несравненно большей степени, если не помощь, добро и приют казахов, узбеков и других народов республик, спасших переселенцев от голода и холода. Казахстан, в отличие от соседней республики в 1930-40 гг. стал местом депортации десятков безвинных народов и в этой связи совершенно справедливо пишет известный журналист Л. Вайдман: “Казахи, если по большему счету, оказались на высоте своего положения, на практике отвергнув логику сталинизма, поставившего под сомнение жизнь миллионов репрессированных людей”

Одна из важных задач по устройству корейцев-переселенцев в Казахстане заключалась в организации и строительстве школ в местах, где расселялось корейское население. В первые полгода после депортации около трети корейских детей школьного возраста по разным причинам не смогли учиться. Строительство школ запаздывало из-за нехватки средств и неправильной организации дела.

В начале 1938 г. Компартия и советское правительство приняло решение и признании особых национальных школ вредными и об их реорганизации в советские школы обычного типа.

Корейский педагогический институт ожидала такая же участь, что и корейские школы и педучилище. С 1938/39 учебного года он перешел на русский язык обучения, однако в течение последующего десятилетия преобладающую часть студентов и преподавателей продолжали составлять корейцы.

Оставляя многие необходимые, ценные вещи корейцы привезли с собой в Казахстан учебники и книги, в надежде, что они будут использоваться и дальше их детьми. Однако вскоре в связи с ликвидацией национальных школ надобность в них отпала, и десятки тысяч книг были списаны в макулатуру.

**Одни из первых номеров
газеты «Ленин кичи»**

Так были подрублены все корни, питавшие сохранение и развитие корейского языка и началось принудительно-добровольное забвение родной речи.

В первое время после депортации в Южно-Казахстанской области корейцы имели три газеты, – одну республиканского и две районного значения. Но в марте 1938 года состоялось бюро Кзылординского обкома партии, на котором было решено издавать только одну газету, на базе «Сенбон». Первоначальное ее название было «За рис», но после ЦК Компартии Казахстана переименовал газету в «Ленин кичи» («Ленинское знамя»), которая стала выходить с 15 мая 1938 года в Сыр-Дарьинском районе, с периодичностью 15 но-

меров в месяц. Первым редактором стал Со Дэ Ук. Номинальный ее тираж был установлен в 6 тысяч экземпляров, но реально тираж ее был сначала 2 тысячи, затем 4 тысячи экземпляров, а периодичность – три номера в неделю.

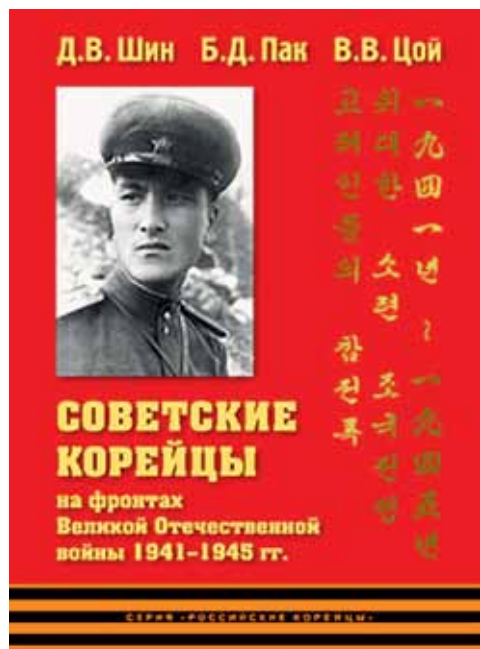
Очевидно, выход одной районной газеты на корейском языке с таким мизерным тиражом был явно недостаточным для всего корейского населения, расселенного не только по всему Казахстану, но и по Узбекистану, тем более, что газета была уменьшенного формата, двухполосная. После долгих настойчивых просьб и ходатайств руководства редакции, 21 марта 1940 года, решением бюро ЦК Компартии Казахстана сырдарьинская районная газета «Ленин кичи» была реорганизована в Кызыл-ординскую областную и приобрела официально статус «органа Кызыл-Ординского областного и городского комитета партии и облсовета». Тираж ее был установлен в количестве 6 тысяч экземпляров, периодичность – 5 номеров в неделю, формат и объем соответственно – 42 x 58, двухполосная. Штат редакции составлял 12 человек. Правда, установленные параметры газеты были номинальными, в жизни они зачастую не соблюдались.

Знатный рисовод с братом-близнецом, Герой Труда Ким Ман Сам (слева) за чтением газеты

Несмотря на понесенные людские потери, стесненные условия работы, жесткую цензуру журналисты газеты писали на страницах газеты «Ленин кичи» о том, как в первые годы после депортации корейцы ценой невероятных усилий и братской поддержке местного населения в Казахстане и Узбекистане закладывали фундамент для последующей жизни на новой родине.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз и Великая Отечественная война 1941-45 гг. сплотило всю страну в борьбе против захватчиков. В едином строю оказали представители всех народов СССР, в том числе и советские корейцы. Уже в первый день войны сотни мужчин-корейцев пришли в военкоматы с заявлением об отправке на фронт добровольцами. Хотя существовало указание о непривлечении корейцев в действующую армию, десяткам лиц корейской национальности удалось попасть на фронт и проявить себя смелыми и находчивыми солдатами и офицерами Красной Армии.

**В книге содержатся сведения о 372
фронтовиках-корейцах**

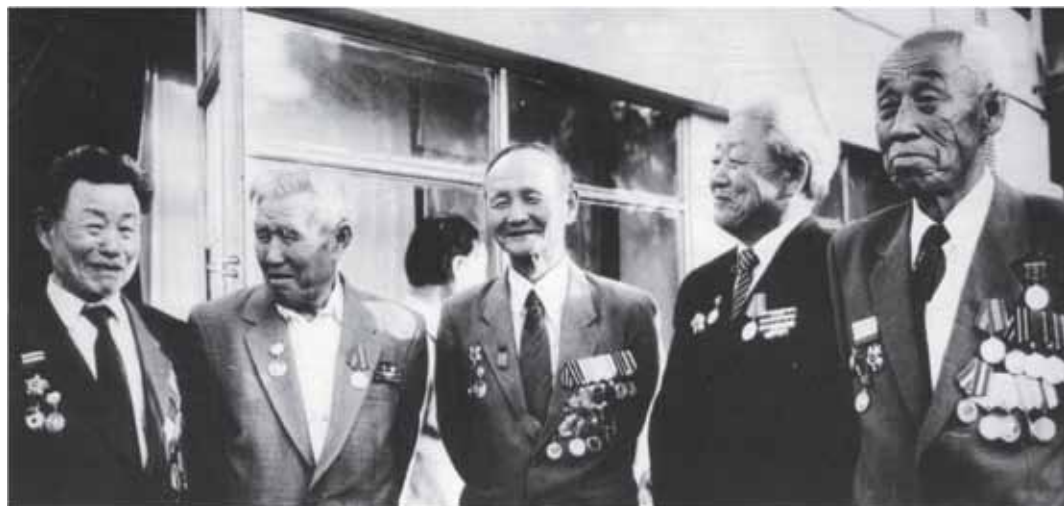

**Гвардии капитан,
Герой Советского Союза
Александр Павлович Мин (1915-1945)**

Много было писем-обращений корейцев к И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и М.И. Калинину с просьбой отправить их на фронт.

Немногим корейцам, изменившим в паспортах свою фамилию и национальность, удалось попасть в действующую армию, например Владимир Афанасьевич Ни, чтобы попасть на фронт, взял фамилию жены и под именем Владимира Иннокентьевича Дроздовского записался в добровольцы. Гвардии старший сержант Пётр Николаевич Мян добровольно ушел на фронт из Улан-Удэ, назвавшись бурятом. Ушли на фронт, назвавшись казаками, Анатолий Борисович Ким под фамилией Садыков и Ким Дан Сан под фамилией Кимов.

Из нескольких сот корейцев, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, гвардии капитан Александр Мин был удостоен высшего звания – Героя Советского Союза. Он оказался с первых дней войны на фронте под Москвой, в июне 1943 г. был награжден орденом Красной Звезды, в ноябре того же года - орденом Отечественной войны II степени, в феврале 1944 года - орденом Александра Невского. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 марта 1945 г. Мину А.П. было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Похоронен в братской могиле в посёлке Луков Турийского района Волынской области. У здания средней школы в селе Ровное Жамбылской области Республики Казахстан установлен

Ветераны ВОВ (слева направо) Владимир Николаевич Ким, Василий Степанович Ким, Пак Тхя Гир, Александр Цой, Дмитрий Герасимович Лян. 1995 г., Узбекистан

бюст Героя. Именем Героя Советского Союза А. П. Мина названа улица в Ташкенте, сад в городе Аккурган (Республика Узбекистан).

Газета «Ленин кичи», разумеется, не могла писать о том, что тысячи мужчин-корейцев мобилизовали в трудовую армию, на различные участки военной промышленности, шахты, лесоповалы и строительство оборонительных сооружений. Условия трудовой армии оказались не менее смертоносными, чем участие в боевых операциях, многие сотни погибли от холода, голода и болезней.

По свидетельству российского историка М.Н. Хана, который сам в годы войны был призван на трудовой фронт в Коми АССР, в одном только Узбекистане было отправлено в трудармию более полутора тысяч молодых корейцев, которым говорили, что берут в Красную Армию на фронт.

В годы Великой Отечественной войны среди 37, 5 тыс. карагандинских шахтеров добывали уголь свыше 2 тысяч корейцев, часть из которых была призвана в трудовую армию. В январе 1943 года **Компартия и советское правительство** принимают Постановление о строительстве шахт и добычи угля на руднике «Ангренуголь» в Узбекистане и Государственный комитет обороны направляет 4 тысячи человек, в том числе сотни корейцев-трудармейцев. В марте 1943 г. свыше 5 тыс. корейцев были направлены в Подмосквовный угольный бассейн в Тульской области.

**Директор
Ангренского
краеведческого музея
Алла Юн у стенда о
трудовых подвигах
шахтеров в годы
войны (1990 г.)**

О самоотверженном труде корейцев на колхозном трудовом фронте известно намного лучше, ибо «Все для фронта, все для Победы!» было обязательной рубрикой всех советских газет военного времени. Мужчины-корейцы, оставшиеся в тылу, работали за двоих: за себя и за ушедшего на фронт, неслучайно, что большая группа корейцев-колхозников Казахстана и Узбекистана получила Золотую звезду Героя Труда именно в годы военного лихолетья.

Достойный пример трудовой доблести показали земледельцы колхозов «Гигант», «Большевик», «Ш-Интернационал» Кзыл-Ординской области, «Ленинский путь», «Дальний Восток» Алма-Атинской области в Казахстане, а в Узбекистане - «Полярная звезда», «Северный маяк», «Политотдел», имени Димитрова, Свердлова, «Правда» Ташкентской области и других корейских сел.

Корейские колхозники, как и все советские сельские труженики, внесли свой вклад в Фонд обороны миллионами рублей деньгами, облигациями, сдали сверх плана сотни тысяч пудов риса и собрали десятки тысяч разных вещей для бойцов фронта.

Весомый вклад в фонд обороны внесли корейцы, проживающие в Ташкентской области. Тракторист колхоза III Интернационала Среднечирчикского района Лим Павел 24 декабря 1942 г. внес в фонд обороны свои личные сбережения. В телеграмме, адресованной Верховному командованию, П. Лим писал: «Колхозники на строительство авиаэскадрильи «Советский Узбекистан» собрали и сдали в Госбанк 4 млн. 316 тыс. рублей, в том числе и я (Лим Павел) лично внес 303 тыс. рублей, накопленные честной работой в колхозе, и прошу на эти средства построить боевой самолет, чтобы скорее и окончательно разгромить ненавистного врага»

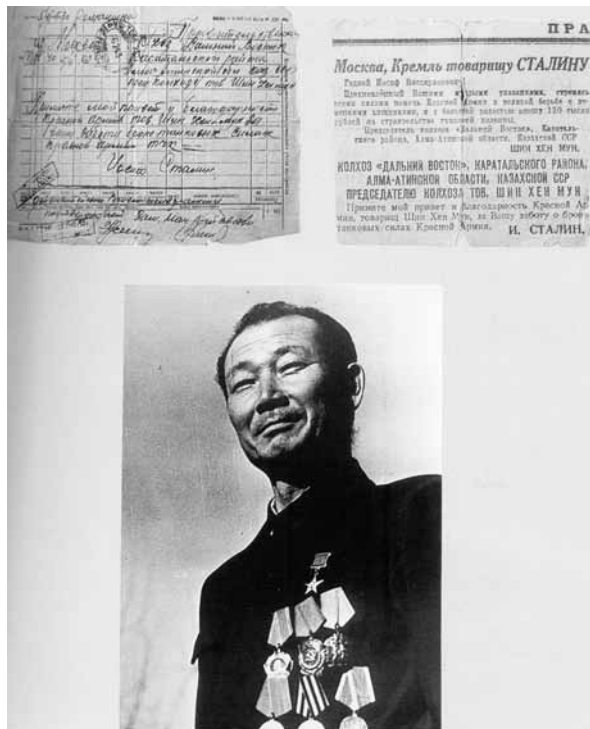
16 января 1943 г. председатель колхоза «Северный маяк» Среднечирчикского района Ташкентской области Цой Сергей на строительство самолета внес 1 млн. рублей. В телеграмме, адресованной Верховному Главному Командованию, он писал: «Я вношу на строительство звена самолетов «Колхозник Узбекистана» 1 миллион рублей из своих личных сбережений. Прошу мой заказ для Красной Армии передать одному из авиационных заводов, а коллектив рабочих этого завода прошу ускорить строительство самолетов и быстрее передать их в действующую армию для нанесения сокрушительных ударов по гитлеровским захватчикам».

С. Г. Цой, председатель колхоза «Северный маяк», с членами колхоза на встрече с военным летчиком Александром Волковым, который летал на самолете, подаренном С. Г. Цоем.

Газета «Ленин кичи» писала о том, что Шин Хен Мун, председатель колхоза «Дальний Восток» Каратальского района, Алматинской области внес личных сбережений 12 тыс. рублей на строительство танковой колонны и получил телеграмму от Сталина с приветом и благодарностью за заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Сообщалось также, что знатный рисовод Ким Ман Сам передал из личных сбережений 105 тысяч рублей на строительство танковой колонны «Кзыл-Ординский колхозник»

Героический труд корейцев Казахстана был оценен государственными наградами. Только в одном Каратальском районе Алма-Атинской области из 3861 награжденных медалью «За доблестный труд

**Герой Труда, председатель колхоза
«Дальний Восток» и его вклад в дело
Победы**

50, другие области Узбекистана – 10. То есть, более 80% читателей газеты проживали вне области. «Мы не можем больше не обращать внимания на запросы читателей других областей» - писал Нам Хе Рен. И поскольку газета должна, прежде всего, пропагандировать достижения корейцев в области сельского хозяйства, то редактор настаивал и подчеркивал: «Кзыл-ординские рисоводы требуют больше освещать вопросы о рисоводстве, талды-корганские свекловоды – о свекловодстве, а узбекистанские читатели – о хлопке, джуте, кенафе. Но, будучи областной, «Ленин кичи» может освещать только жизнь своей области. К тому же, имея всего две полосы, она не в состоянии удовлетворять запросы читателей за ее пределами. Кроме того, она не включена в республиканский и всесоюзный каталоги, что затрудняет ее подписку и распространение». В письме кардинальным образом ставился вопрос о преобразовании газеты «Ленин кичи» в республиканскую или межреспубликанскую, о дальнейшем увеличении ее формата и размера до 4-х полос.

Здесь стоит упомянуть об отношении властей к корейской диаспоре, а именно, как власть рассматривала ее положение и функцию в советском обществе. И соответственно, каким должно было быть, по ее высо-

в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» корейские труженики составляли более одной четверти.

Закончилась победой война, ушел в мир иной «отец народов» и после холодного лета 1953 года повеяло теплом послесталинской эпохи. Народ вздохнул и приободрился. Поэтому из всех концов огромной страны оживился поток писем в Москву с самыми различными ходатайствами. Писали, конечно, также в ЦК компартии и правительства союзных республик.

9 сентября 1953 года редактор газеты «Ленин кичи» Нам Хе Рен обратился в ЦК Компартии Казахстана с письмом, в котором говорилось, что, по данным редакции, в 1953 г. тираж газеты распространялся следующим образом (%): Кызылординская область – 20, Талдыкорганская – 15, Уральская – 5, Ташкентская –

кому разумению, корейское издание. Вот выдержка из типичного для того времени письма в ЦК КП Казахстана о работе «Ленин кичи» (от 4 июля 1953 г.).

«Корейцы, проживающие в Казахстане и в других республиках Средней Азии, преимущественно занимаются сельским хозяйством. Поэтому газета большое внимание уделяет вопросам развития сельского хозяйства, жизни колхозов, МТС. В газете систематически печатаются подборки под рубриками «общественному скоту – прочную кормовую базу», «Завоеваем высокий урожай» и другие. Тематические статьи были посвящены вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов, внедрению травопольных севооборотов, лучшему использованию техники, повышению плодородия почвы и т. д. По вопросам читателей Узбекистана и Талды-Курганской области в газете также широко освещаются передовые опыты возделывания хлопка, джута, кенафа, сахарной свеклы.

Широкое отображение в газете также находит работа предприятий промышленности и железнодорожного транспорта. В нынешнем году был опубликован ряд статей руководителей предприятий, стахановцев.

Однако в работе газеты «Ленин кичи» имеются еще и серьезные недостатки. На страницах нашей газеты недостаточно глубоко освещаются вопросы сельского хозяйства и его ведущей отрасли, животноводства, а также вопросы советского строительства. Газета еще слабо пропагандирует опыт передовиков сельского хозяйства, слабо ведет борьбу с нарушителями Устава сельскохозяйственной артели, мало публикует материалов по вопросам партийной жизни и идеологической работы».

Но вернемся к переписке редактора Нам Херёна, которая, именно в силу его упорства, увенчалась, в конце концов, успехом. 11 ноября 1953 года было принято постановление бюро ЦК Компартии Казахстана «О преобразовании газеты «Ленин кичи» (на корейском языке) из областной в республиканскую». В нем говорилось: «Учитывая необходимость в более широком обмене передовым опытом и в популяризации достижений во всех отраслях сельского хозяйства среди корейского населения, проживающего на территории республики, ЦК КПК постановляет: преобразовать с 1 января 1954 г. издающуюся в г. Кызыл-Орде на корейском языке газету «Ленин кичи» из областной в республиканскую, в орган центрального Комитета и Кызыл-Ординского обкома Компартии Казахстана. Тираж установить в 7 тыс. экземпляров, периодичность – 5 номеров в неделю, на 4-х полосах, форматом газеты «Правды».

Это была очередная победа корейского издания в его многотрудной борьбе за полноценное существование в советском мире. И пусть в «формате свекловодов и рисо-

водов», другого мироустройства все равно не было. Вообще, за период с 1946 по 1966 годы, в организационной структуре редакции «Ленин кичи» произошли значительные изменения. А именно, до 1940 года в редакции не было деления на отделы. Первыми были образованы отдел пропаганды и отдел сельского хозяйства. К 1949 г. оформились отделы партийной жизни, пропаганды марксизма-ленинизма, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, отдел писем и рабселькоров. В 1954 г. был создан отдел культуры. К середине 1960-х в редакции «Ленин кичи» действовали уже пять отделов: партийной жизни, пропаганды, промышленности и сельского хозяйства, культуры и литературы, писем и информации. Кроме того, газета открыла корпункт в Ташкенте, имела сеть собкоров по Ташкенской, Андижанской, Сыр-Дарьинской, Джизакской, Самаркандской областям Узбекской ССР, по Киргизской и Таджикской ССР, по северным и южным областям Казахстана. Также к 60-м годам газета «Ленин кичи» уже имела широкий круг внештатных корреспондентов, которые могли писать на

Коллектив редакции межреспубликанской газеты «Ленин кичи»
в г. Кзыл-Орде.

корейском языке. В то же время активно привлекались к сотрудничеству и русскоязычные авторы, причем самых разных национальностей.

В результате, корейская газета могла широко информировать своих читателей о самых разных актуальных событиях в экономической, политической и культурной жизни советского общества и за его пределами. Также она, как и требовала того партия, становилась активным проводником опыта передовых, знаменитых в то время колхозов с корейским контингентом населения, таких как «Авангард», «III Интернационал», «Гигант» (Кзыл-Ординской области); им. газеты «Правда» (Талды-Курганской области), «Политотдел», «Полярная звезда», «Северный маяк» (Ташкентской области); распространяла ценный производственный опыт уже признанных мастеров сельского хозяйства: рисоводов, хлопкоробов, механизаторов, овощеводов и других.

«Ленин кичи» писала о негативных сторонах, ошибках и просчетах ведения полевых и других сельскохозяйственных работ, на примере отстающих хозяйств с корейским контингентом населения. На ее страницах подвергались жесткой критике нерадивые работники, неумелые специалисты и безответственные руководители колхозов и совхозов.

В дальнейшие годы редакция стала поднимать другой первостепенно важный вопрос – о перебазировании ее в столицу республики Алма-Ату. Тому было много веских причин. Во-первых, слабая полиграфическая база, существовавшая в Кзыл-Орде, трудности с передачей союзной и международной информации, которую газета принимала по радио, а республиканскую – по телеграфу и почтой. Такой прием информации не мог обеспечить всех потребностей четырехполосной газеты: информация по почте была неоперативной, и всегда запаздывала. Также из-за недостатка шрифтов газета выходила два раза в неделю на четырех полосах и три раза – на двух полосах. Иногда редакция по нескольку дней не могла связаться по телефону даже с Центральным Комитетом партии.

Таким образом, переписка между редакцией «Ленин кичи» и ЦК Компартии Казахстана о перебазировании газеты в Алматы продолжалась с 1954 по 1955 г. Наконец 2 февраля 1956 г. секретариат ЦК КПК принял постановление «О перебазировании редакции республиканской газеты «Ленин кичи» из г. Кзыл-Орды в г. Алма-Аты. Но это решение так и осталось на бумаге, вероятно, по причинам бюрократических проволочек, и понадобилось еще целых 22 года, пока «Ленин кичи» не переехала в столицу, что случилось только в 1978 году.

Но вернемся вновь в пятидесятые. Как известно, в феврале 1956 года состоялся поворотный XX съезд партии, а 30 июня того же года было принято историческое постановление ЦК «О преодолении

культы личности и его последствий», которое, по сути, объявило начало демократизации общественной жизни в стране. Вполне закономерно, что в такой ситуации главный редактор «Ленин кичи» Нам Харен написал 14 апреля 1958 года очередное письмо в ЦК Компартии Казахстана на имя первого секретаря. В письме говорилось о реальном состоянии корейской культуры в стране.

А именно: из всех корейских культурных учреждений на тот момент оставались только газета «Ленин кичи» в Кызыл-Орде и Корейский театр в поселке Уштобе. В Казахстане нигде не преподавался корейский язык, в силу чего подрастающее поколение вообще не знало родной речи. В письме говорилось о том, что на корейском языке нет радиопередач, не издаются журналы, книги, не проводятся никакие культурно-просветительские мероприятия. Таким образом, национальная культура корейцев находилась в весьма плачевном состоянии. После чего редактор делал логичное и, надо сказать, неожиданное для того времени предложение о создании культурных центров корейцев в Алма-Ате или в Ташкенте, с целью последующего сосредоточения в них вечно разрозненного корейского населения.

В этих центрах, предлагал далее Нам Харен, необходимо создать необходимые культурные учреждения: газету, радио, театр, филармонию, издательство для выпуска журналов, учебников и другой литературы. Следует ввести в начальных и средних школах дисциплину корейского языка для изучения, а для корейской молодежи в городах и селах создать курсы и кружки корейского языка. Также следовало бы создать при Ташкентском и Кызыл-Ординском пединститутах отделения корейского языка и литературы, а при Казахском государственном университете открыть корейское отделение журналистики. Как видится, это были действительно новаторские предложения для того инертного, глухого и слепого для корейских нужд времени, которые, конечно, так ничем и не закончились.

В конце концов, редактор Нам Харен писал: «Я считаю, что вопросы культурного развития для советских корейцев являются важными и активными, требующими безотлагательного разговора. Разумеется, не все сразу разрешится. Однако пишу Вам это письмо в глубокой надежде на то, что Вы обратите внимание и окажете содействие успешному разрешению данного вопроса». Как мы понимаем, все эти вопросы в полной мере разрешились только во времена горбачевской перестройки и после, но сам факт такого обращения и предложения в «сырые» 50-е (только-только после смерти Сталина), заслуживает самой высокой оценки.

Если газета жила с такими неразрешимыми, культурными и мировоззренческими, вопросами, то были и просто технические проблемы, из-за которых газета выходила с низким качеством и тиражом. А именно, в конце 50-х и начале 60-х годов наблюдалось

явное снижение тиража газеты: вместо запланированных 9000 экземпляров выпускалось только 7900. В объяснительной записке Министерства культуры КазССР писалось следующее: «Газета «Ленин кичи» печатается на старой плоскочечатной машине, в накладку, в связи с чем технический брак выше нормы, бумага режется вручную, и увеличивается ее расход и утилизация». Вот воспоминания ветерана газеты Ким Сен Де о тех «низкотехнологичных» временах:

«При переселении с Дальнего Востока в Кызыл-Ординскую область работники редакции сумели сохранить и перевезти с собой корейские шрифты... Здесь стоит вспомнить добрым словом работников наборного цеха. Это Цой Бон Нам, Тигай Александр и Те Валентин, которые отдали много сил родной газете.

По газетам «Сенбон» 30-х годов и «Ленин кичи» до начала 50-х можно понять, что в то время редакция испытывала большие затруднения с корейскими шрифтами. Имея слабую материально-техническую базу, типографским работникам приходилось буквально кустарным способом переливать изношенные литеры, ибо тогда еще не было буквоотливных машин. Конечно, литеры были изношены, и отпечатывалось нечетко.

Вдобавок, ручной набор был связан с тяжелым физическим трудом и требовал большого количества рабочих, а также требовалось много времени при издании газеты большого формата (А 2). В особенности редакция сталкивалась с этим в советские времена, когда публикация официальных материалов стояла на первом плане при строжайшем контроле партийных органов и литцензуре.

Через год после того как «Ленин кичи» переехала в столицу издательство ЦК Казахстана приобрело для газеты 6 японских фотонаборных машин. В комплект входили проявочная и копировальная установки, множительный аппарат, шрифтоносители. По сравнению с ручным набором металлических шрифтов, фотонабор представлял собой революцию в организации печатания «Ленин кичи».

Газета «Ленин кичи» перешла полностью на фотонабор в марте 1980 года. Таким образом, корейские шрифты, изготовленные из металла, ушли в историю».

Металлический ручной набор газеты

**Фотонабор
газеты**

И, тем не менее, при всех существовавших проблемах, мировоззренческих, культурных, или технологических, «Ленин кичи» была реальным центром культуры советских корейцев. К примеру, она объединяла вокруг себя многих корейских поэтов и писателей, которые печатали на ее страницах свои стихи, поэмы, рассказы и пьесы. В конце концов, газета стала регулярно выпускать специальную литературную полосу (на корейском, а в перестроечное время уже и на русском), где публиковались литераторы самых разных поколений и направлений. Таким образом газета буквально воспитала и сплотила вокруг себя целое множество широко известных ныне литераторов, таких как Те Мен Хи, Те Ги Чер, Хан Анатолий, Ким Ги Чер, Ким Се Ир, Кан Тай Су, Ен Сен Нен, Цай Ен, Тхай Дян Чун, Ким Кван Хен, У Де Гук, Хан Дин, Ли Ген Дин, Мен Дон Ук, Ян Вон Сик, Пак Хен, Ри Ден Хи, Цой Ен Гын, Дмитрий Ли, Пак Михаил, Кан Генриэтта, Сон Лаврентий, Кан Александр, Ли Станислав, Владимир Ким, и другие.

Большое значение для литературного творчества советских корейцев имело создание в 1962 г. секции корейских поэтов и прозаиков при Союзе писателей Казахстана. Характерная особенность советских корейских поэтов и прозаиков заключается в том, что никто из них не был писателем или поэтом профессионалом. Преобладающая группа авторов работали лит-сотрудниками редакции «Ленин кичи», режиссерами в корейском музыкально-драматическом театре. Остальные были заняты основной профессиональной деятельностью в высших учебных заведениях, школах, редакциях областных и районных газет, культурно-массовых учреждениях и т.п.

Специфической особенностью корейских авторов являлось то, что они не получили специального литературного образования. В жизни самих авторов, как и в их произведениях, разграничивается

два периода: первый, связанный с Дальним Востоком до 1937 г., второй, с Казахстаном и республиками Средней Азии. На 1950-60 гг. выпадает наибольшая творческая продуктивность советских поэтов и писателей-корейцев в силу достижения ими зрелого возраста, приобретения и совершенствования литературных приемов, а также сознания общественной значимости своего творчества.

Авторов-корейцев довольно трудно разграничить по жанровой специализации художественно-советского творчества, так как многие из них писали одновременно стихи, поэмы, театральные пьесы, рассказы и повести. Поэзию советских корейцев следует рассматривать как литературную традицию корейской классики. Многие стихи посвящены описаниям природы Кореи, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии. Новой темой для стихотворчества стали дружба народов нашей многонациональной страны, совместная борьба за освобождение Родины и победу над врагом в Великой Отечественной войне, мирный созидательный труд.

Поэзия привлекала также и тем, что ее малые формы позволяли печататься в газете «Ленин кичи», так как возможности для публикации крупных произведений на корейском языке в республике были ничтожными. Об этом говорил Ким Дюн в своем выступлении на краевом совещании писателей Казахстана в г. Чимкенте. Эта ситуация не изменилась коренным образом до сегодняшнего дня и совершенно прав Олжас Сулейменов, утверждая, что :»... один печатный станок с корейским шрифтом может спасти литературу.»

Среди известных корейских авторов-казахстанцев следует назвать Ен Ен Нена, Тхая Дян Чуна, Хан Дина, Ким Дюна, Ким Кван Хена, Мен Дон Ука. Пак Ира П.А., Цай Ена, Кан Тай Су, Лим Ха, Хан Сан Ука и других.

Ен Сен Нен, автор нескольких десятков стихов и поэм, а также пьес, поставленных на сцене республиканского корейского театра: «Корея в огне»(1951), «Денай» /1960/, Чангок иХом Нан» /1961/ , «Красная майка» /1963/, «Ян Сан Бяк» /1969/ и т.д. Широкой популярностью и любовью среди всех корейцев Казахстана и Средней Азии в 40-60-х годах пользовались песни Ен Сен Нена /текст и мелодия/, также как «Сырыль хваль хваль пурора» /Посевная/, «Ня Саранга!» /О, моя любовь!/, и «Чонненкхо чокхуна!» /Как хорошо!/. В начале 1980 г. вышли в свет избранные произведения Ей Сен Нена на корейском языке.

Писатель Ким Дюн, член Союза писателей СССР является наиболее известным корейским автором, произведения которого печатались как на корейском, так и на русском языках. В «Ленин кичи» были опубликованы десятки лирических стихов, а также поэма «Махын^дольп сарам» /Сорок во-семь человек/, описавшая борьбу корейцев-интернационалистов в отряде Хван Ун Дена за установление Советской власти на Дальнем Востоке. Самым значительным

произведением Ким Дюна считается его роман «Сибоман-вон саген» /Дело о 150-тысячах вон/, который описывает революционные события 1918-1922 годов в Приморье. Дружбе казахского и корейского народов посвящены поэмы «Алия», «Люди долины реки Сыр-Дарья», «Земля Казахстана» и «Медео». Поэма «Запах Земли» навеяна героической судьбой А.П.Ким /Станкевич/, первой кореянки большевички, отдавшей жизнь за дело революции. Избранная лирика Ким Дюна издана сборниками на корейском языке в Казахстане и переводах на русском языке в издательстве «Советский писатель». Ким Дюн рекомендовал себя хорошим специалистом в области художественного перевода, он перевел на корейский язык «Разгром» А.Фадеева. «Повесть о настоящем человеке» Б.Полевого и другие произведения советских писателей. Эту работу следует в равной степени отнести к творческой литературной деятельности.

Ким Кван Хен /литературный псевдоним Мусан/, автор многочисленных стихов, поэм и коротких рассказов, опубликованных в газете «Ленин кичи». один из трех авторов корейцев, удостоившихся издания своих избранных произведений отдельным сборником. Среди поэм Ким Кван Хена особо отмечаются «Окнам», посвященная самоотверженному труду детей тылу по оказанию помощи фронту во время Великой Отечественной войны/1956 г./, «Сыр-Дарья»/1962 г./, «Думы идущего на работу» /1964 г./, «Ростки» /1966 г./, о жизни корейцев в многонациональном Казахстане. Ким Кван Хену принадлежат также многие переводы многонациональной советской лирике о В.И.Ленине, например, стихотворение А.Твардовского «Ленин и печник», «Песня о Ленине» Джамбула и т.д. Переведенные им пьесы инсценировались в Корейском театре, такие как «Синий платочек» В.Катаева. «Именем революции» М.Шатрова, «Ох уж эти девушки» К.Байсеитова и К.Шангитбаева и другие.

Литературно-художественная деятельность Тхай Дян Чуна самым тесным образом связана с республиканским корейским театром, где он долгие годы работал режиссером-постановщиком и заведующим литературной частью. Тхай Дян Чун - автор 12 пьес. Наибольший успех принесла Тхай Дян Чуну его пьеса «Южнее 38-ой параллели» /1949 г./, написанная накануне корейской войны и описывающая национально-освободительное движение в Южной Корее против проамериканского режима Ли Сын Мана и усиление американской военно-экономической экспансии в стране. В русском переводе драматурга И.Штока и его сценической редакции пьеса была поставлена многими театрами нашей страны, в Польше, Чехословакии и вызвала широкий общественно-политический резонанс в период войны на Корейском полуострове 1951-1953 гг. Отрывки из пьесы публиковались в республиканской периодике на корейском и русском языках. Текст пьесы на русском языке вышел отдельным изданием.

Цай Ен работал также как и Тхай Дян Чун режиссером-постановщиком в корейском театре и его перу принадлежит наибольшее количество пьес - более 20, получили сценическое оформление, такие как «Радостная жизнь», «На освобожденной земле». «Секрет природы», «Ариран», «Строгий отец», «Рассвет» и «Радуга». «Восемь фей алмазной горы». Он перевел наибольшее количество театральных произведений русской, советской и зарубежной классики, например: «Ревизор» М.Гоголя, «Гроза» А.Островского, «Враги» М.Горького, «Отелло» У.Шекспира и другие.

Советскими корейскими драматургами написано 70 оригинальных пьес и переведена на корейский язык 71 пьеса. В фонде 1 890 Министерство культуры ЦГА КазССР за 1946-1966 гг. хранятся рукописи 32 пьес на корейском языке, которые к сожалению не публиковались. Первый сборник, состоящий из 10 пьес Хан Дина, был издан в 1988 г. Первая пьеса автора «Мачеха» была написана в 1964 г. и инсценирована на следующий год в корейском театре. Хан Дин относится к группе корейских поэтов и прозаиков второго поколения, выросших и получивших образование в КНДР или на Сахалине, к которым относятся также Мен Дон Ук, Нам Хай Ен /Нам Чер/, Ян Вон Сик /Вуенир/, Ли Ден Хи и другие. Творчество этой группы наиболее заметно в 1970-1980 гг.

В советском Казахстане более чем за полувековой период издано лишь несколько сборников антологии: из них в исследуемый период лишь 1 «Сборник корейских стихов». В 1971 г. была выпущена книга «Сиворуи хяпич» /Под солнцем Октября/, составленном из стихов и рассказов корейских поэтов и писателей. В 1980-х годах были опубликованы 2 сборника «Хябараги» /»Подсолнух»/ и «Хянбоги коян»/»Родина счастья»./ содержащие в основном поэзию и малую прозу 1940-1960 гг., а также произведения начавших в начале 1970-х годов активное литературное творчество авторов : Ян Вон Сика /Вуенир/, Нам Хай Ена, Ден Джан Гира, Ли Ден Хи, Юн Су Чана и других.

В области художественного перевода с корейского на русский значительное место занимает творчество Пак Ира П.А., подготовившего несколько сборников лирики: «Корейские шестистишья»

**Философ, переводчик, поборник
корейской культуры Пак Ир П.А.**

/1956 г./ «Десен седиб» - сборник стихов с корейского /1956 г./ «Корейские лирики» /1958 г./, Пак Ин Но «Пятицветные облака» /1962 г./, Ким Со Воль «Цветок багульник» /1962 г./, «Песня над озером». Лирика средневековой Кореи /1971 г./, «Багульник в степи». Стихи корейский поэтов Казахстана /1973 г./, изданные различными издательствами республики Москвы. В течение ряда лет Пак Ира связывало содружество переводческой деятельности с Жовтисом А.Л., выполнявшим литературную обработку подстрочных текстов. Творческое взаимодействие выразилось в публикацию ряда сборников, а также десятков подборок стихов в журналах советских республик.

Творчество всех корейских писателей, поэтов, драматургов, обусловлено влиянием классического литературного наследия Кореи и России и канонов социалистического реализма. Трагическая историческая судьба Кореи, переселение на русский Дальний Восток, ностальгия по родине, бурные события революционных лет, депортация - во многом предопределили специфику советской корейской литературы. Насильственное переселение в Казахстан и Среднюю Азию, раскол Кореи, Корейская война отразились в трагическом мироощущении корейских авторов.

Газета также исправно писала о деятельности корейского музыкального драматического театра. И каждая новая постановка вызывала на ее страницах оживленные дискуссии зрителей, искусствоведов, постановщиков и драматургов. «Ленин кичи» исправно информировала своих читателей о концертно-гастрольных поездках драматической группы театра и эстрадно-хореографического ансамбля «Ариран» по Союзу, республикам Средней Азии и областям Казахстана.

В течение всей своей истории Корейский театр был центром культуры диаспоры, в нем и вокруг него сосредоточены лучшие творческие силы, представляющие основные жанры национального искусства, а также литературы. Диапазон театра многообразен: от драматических спектаклей до традиционных народных театрализованных представлений, таких как «Чусок», «Оволь Тано», концертов, современных эстрадных шоу. Репертуар корейского театра выстроен с учетом культурных запросов диаспоры, являясь неотъемлемой частью общеказахстанской культуры. За годы существования театра на его представлениях побывало более 5 млн. зрителей, поставлено более 250 спектаклей и концертных программ. Завклад вразвитие театрального искусства Корейский театр удостоен высокой государственной награды - ордена «Знак Почета», имеет множество почетных грамот и дипломов, в том числе международных. Пяти артистам театра было присвоено высокое звание народного артиста, девяти — заслуженного деятеля искусств, одному - заслуженного деятеля Республики Казахстан и семнадцати - заслуженного артиста. Государственная поддержка театра дала корейской диаспоре

уникальную возможность иметь очаг культуры, который не только сохраняет, но и развивает культуру корейцев, проживающих в многонациональной республике.

Таким образом, с развитием национальной периодической прессы совершенствовалось не только ее содержание, пусть в рамках цензуры, но и жанры публикации. Формирование и развитие жанра публицистики на корейском языке проходило под непосредственным воздействием публицистики на русском языке. В силу чего газета сыграла существенную роль в развитии литературного языка советских корейцев, в обогащении его лексического состава словами русского и иностранных языков.

И конечно, большую роль в становлении и развитии газеты «Ленин кичи» сыграли ее главные редакторы: Ше Дя Ук, уже неоднократно упоминавшийся нами Нам Харен, Сон Дин Фа, Ким Дюн Гир, Ким Кван Хен, организационная и журналистская деятельность которых была соответственно отмечена орденами, медалями и другими правительственными наградами. Все редакторы «Ленин кичи» занимались также активной общественно-политической деятельностью. Например, Нам Харен избирался в течение ряда лет депутатом Кзыл-Ординского областного Совета депутатов трудящихся и обкома Компартии Казахстана.

В то же время у газеты было много неразрешимых проблем и недостатков. Главный вопрос заключался в том, что издание необратимо теряло своих читателей. В этих условиях редакция могла помочь желающим изучать корейский язык, создав соответствующую рубрику на своих страницах. Но это решение, в советских условиях, было не в ее компетенции. Только 5 марта 1988 г., опять же во время Перестройки, в «Ленин кичи» был опубликован первый урок корейского языка. И хотя газета имела в основном постоянный контингент читателей, из числа подписчиков с большим стажем, но довольно значительная часть их выписывала газету по привычке, в силу семейной традиции, следуя призыву собкоров «Ленин кичи», проводивших подписные компании в городах и сельской местности.

**Юбилейная книга к 75-летию
Корейского театра**

**Директор Корейского театра
Любовь А. Ну**

Таким образом, складывалась ситуация, когда число формальных подписчиков намного превышало число реальных читателей газеты.

Темпы снижения количества читателей можно было бы остановить, если бы удалось привлечь в их ряды средние и младшие возрастные группы корейского населения. Но в структуре редакции «Ленин кичи» не было отдела молодежи, – словно в диаспоре вообще не существовало молодежи, лишь одни старики! – соответственно в газете очень редко печатались материалы, способные привлечь ее внимание.

Также совершенно не налажена была взаимосвязь редакции с газетой «Ленин килло» («Ленинским путем»), издававшейся в Южно-Сахалинске. А ведь их сотрудничество могло бы стать весьма перспективным. Например, в форме обмена профессиональным опытом, для последующего совершенствования журналистского и переводческого мастерства. Также не уделялось должного внимания возможностям обмена публикациями, в виде полос, тем, рубрик, статей, что исключило бы выполнение двойной работы по переводу тех или иных материалов.

Большая проблема «Ленин кичи» образовалась со временем и в подготовке профессиональных кадров для переводчиков, владеющих литературным письменным корейским языком. Если в 30-50-х годах все литсотрудники и собкоры газеты свободно владели разговорным и литературным корейским языком, при этом, не обязательно имея

высшее журналистское образование, то к началу 70-х лишь немногие из них могли писать на родном языке. Вот как вспоминает о попытках разрешения этих вопросов журналист Евгений Цой:

«В середине 70-х газета переживала сложный период, когда из-за отсутствия новой смены, следующего поколения переводчиков-журналистов, газета действительно оказалась на грани закрытия. Лихорадочные поиски выхода привели к тому, что новые кадры были найдены на Сахалине. Благо, сахалинские корейцы (как известно, силой и обманом они были перевезены японцами из Южной Кореи в более поздний период, в 1939-1945 годы), хотя и подверглись тому же негативному влиянию,

**Коллектив редакции за
обсуждением плана работы**

что и все советские корейцы, но, благодаря дольше просуществовавшим национальным школам, лучше сохранили родной язык. Пополнили ряды редакции и русскоязычные журналисты-корейцы. Последовавший затем перевод газеты в Алматы, сосредоточение в столице всех основных очагов культуры – театра, газеты и радио, создание разветвленной сети корреспондентских пунктов во всех республиках Средней Азии, способствовали преодолению разобщенности и консолидации лучших представителей корейской диаспоры».

Говоря о недостатках в работе «Ленин кичи», следует также отметить и тот факт, что газета не полностью отражала этнокультурные изменения, происходившие с советскими корейцами в те времена. Актуальным и целесообразным для их преодоления стала популяризация научных достижений в историографии советских корейцев. Это были работы историка Ким Сын Хва, этнографов Р.Ш. Джарылгасиновой, Ю.В. Ионовой, филологов и лингвистов Ким О.М. и Югая И. и других известных ученых-историков, обществоведов. Прежде обращение к истории советских корейцев на страницах «Ленин кичи» носило эпизодический характер, в большей степени связанный с юбилейными датами известных корейских коммунистов-интернационалистов, боровшихся за установление Советской власти на Дальнем Востоке (таких как Александра Ким (Станкевич), Хон Бом До и др). Но в 1960-е назрела историческая необходимость публиковать материалы о массовом участии корейских трудящихся в революционном и партизанском движении на Дальнем Востоке и Забайкалье, о коллективизации корейских деревень в ДВК, о насильственном переселении и хозяйственном устройстве в Средней Азии и Казахстане, и соответственно обо всем ходе социально-культурного развития корейцев в контексте единого советского социалистического государства.

Не говоря об официозе, идеологической пропаганде, главных новостях страны, публиковавшихся как под копирку во всех газетах, материалы «Ленин кичи» были этнически окрашенными, так как речь шла в ней в основном о корейцах, живших в Казахстане, Средней Азии и реже – в других частях СССР.

Имидж советских корейцев был связан в первую очередь с сельским хозяйством. В Казахстане и Узбекистане на слуху были колхозы, которые назывались «корейскими».

В становлении и развитии колхозной системы важную роль играли председатели колхоза, от которых в значительной мере зависит

Дворец культуры им. Цай Ден Хака

Бюст Герою Труда Цай Ден Хаку

подъем или застой колхозной экономики, благополучие колхозников, состояние социального развития села. Вопрос о том, кому быть председателем колхоза был важнейшим вопросом в жизни колхоза.

В колхозах с корейским составом сельских тружеников выросли опытные, обладающие хорошими организаторскими способностями руководители хозяйств. Как показала практика, председатель колхоза овладевает искусством управления после 5-10 лет работы в данном колхозе. Не случайно, поэтому передовыми, как правило, являлись колхозы, где председатели не сменялись 20-30 лет. Такой многолетний стаж работы в должности председателя имели в Кзыл-Ординской области: Хан Л.В. - председатель колхоза «Гигант», Цай Ден Хака - колхоз «Ш Интернационал». Ким Дык Ман /колхоз им Джамбула/, Ким Хон Бин /колхоз «Авангард»/ ; в Талды-Курганской области: Кан Тю Хон / колхоз «Ленинский путь»/ , Шин Хен Мун / колхоз «Дальний Восток»/; в Чимкентской области: Кан Л.И. /колхоз «Прогресс»/. Ли Ф.И. /колхоз «Ш Интернационал»/, Хван С.Г. /колхоз «Путь к социализму»/; Кан Де Хан - председатель колхоза «18 лет Казахстана»/ Шортандинского района Целиноградской области, Пак А.А. - директор Кустанайского зерносовхоза, Ян Чун Сук - председатель колхоза Кум-Жота Свердловского района Джамбулской области и другие.

Возьмем пример одного «корейского» колхоза в Казахстане. Вот, некоторые выдержки из материала «Преклоняя колени в знак уважения» Магауи Хожамуратова в газете «Коре Ильбо» к 100-летию со дня рождения Героя Соцтруда Цай Ден Хака.

В 1950 году три маломощных колхоза Кармакчинского района Кзыл-Ординской области объединились в один под названием «Ш Интернационал». Общее собрание единодушно избрало председателем колхоза опытного организатора колхозного производства Цай Ден Хака. Природное трудолюбие, ответственность за порученное дело, умелое руководство тогдашнего председателя

позволило коллективному хозяйству «Ш Интернационала» выйти в число передовых.

Шли годы, хорошела не только центральная усадьба колхоза, но и все его отделения. Колхоз под руководством Цай Ден Хака не раз оказывался победителем социалистических соревнований не только в районе, но и в области. Колхозники не только больше всех собирали главную культуру региона – рис, но и перевыполняли план по сбору овощей, картофеля, бахчевых культур.

В 1966 году Цай Ден Хаку присваивается высокое звание Героя Социалистического труда, сельчане дважды избирают его депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

В доме-музее Цай Ден Хака ветераны колхоза и гости из Фонда по изучению истории Северо-Восточной Азии (Сеул)

Все жители колхоза любили и уважали своего председателя за честность и справедливость, за глубокие знания агротехники. Цай Ден Хака уважительно, на казахский лад называли Даке. После смерти председателя на центральной усадьбе был установлен его бюст (нынче он стоит неподалеку от аульного акимата), его именем назван местный Дом культуры, который, несмотря на прошедшие десятки лет поражает своей архитектурной красотой и оригинальностью.

Во время председательствования Цай Ден Хака в домах было проведено паровое отопление, колхоз построил свою котельную, вода приходила в каждый дом, круглый год в теплицах выращивали огурцы и помидоры.

Построена была просторная новая школа, которая отмечает в этом году свое 75-летие. Обучение здесь ведется на казахском и русском языках, но проводятся факультативные занятия на корейском и турецком. В этом ауле немало казахов, владеющих корейским языком.

Бывший дом председателя колхоза ныне стал музеем. Особое место в нем занимает стенд, рассказывающий о трудовой биографии Цай Ден Хака. Не остались без внимания и другие знатные рисоводы.

И сегодня колхоз со своими четко спланированными заасфальтированными улицами, зеленым нарядом, наполненными водой арыками больше похож на поселок городского типа. Это все результаты деятельности бывшего председателя.

История другого «корейского» колхоза - Среднечирчикского района Ташкентской области Узбекской ССР неразрывно связана с ее председателем Ким Пен Хва, легендарным человеком среди советских корейцев.

В 1940 году он принял колхоз, который значился в безнадежно отстающих. На новом посту во всей полноте раскрылся организаторский талант Ким Пен Хва. В трудные послевоенные годы, когда вся страна, испытывала острый недостаток в продовольствии, колхоз «Полярная звезда» продемонстрировал высокий уровень производительности труда. За счет умелой организации работы, высокого сознания долга перед обществом колхозники получали высокие урожаи. Так в среднем с одного гектара по 27-34 центнера риса, а отдельные бригады, даже по 80 центнеров. По сбору хлопка в 1947 году удалось выйти на рубеж лучших мировых показателей. С поля площадью 12,26 гектара было собрано по 85,26 центнера с каждого гектара. А участок площадью 165 гектаров принес по 40,2 центнера.

Ким Пен Хва с Героями социалистического труда из колхоза «Полярная звезда»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 апреля 1948 года за получение высоких урожаев сельскохозяйственных культур Ким Пен Хва присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Звания Героя Социалистического Труда было также присвоено 15 колхозникам колхоза «Полярная звезда».

К 1951 году колхоз «Полярная Звезда» имел 1440 гектаров земли. Из них было занято хлопчатником 285 гектаров, рисом – 480, кормовыми травами – 225, богарными посевами – 414 (в том числе бахчевыми культурами – 17), фруктовым садом – 40, виноградником – 15, питомником тутовника – 12. Умелая организация работ, высокая дисциплина труда обусловили стабильное ежегодное повышение показателей колхоза по всем сельскохозяйственным культурам. В результате чего колхоз стал одним из ведущих хозяйств республики.

В 1948 году в колхозе был получен урожай риса по 81,5 центнера с гектара на площади 55 гектаров, в 1949 году – по 81,7 центнера на площади 43,5 гектара. В 1950 году урожай хлопка по 48,2 центнера на площади 275 гектаров, тогда как средняя урожайность его по республике составляла лишь 20,4 центнера, т.е. в два с лишним раза выше.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1951 года как добивший «в последующие три года после присвоения ему звания Героя Социалистического Труда высоких показателей в сельском хозяйстве, дающих право на присвоение звания Героя Социалистического Труда» Ким Пен Хва награждён второй золотой медалью «Серп и Молот». Стал первым и единственным среди корейцев дважды Героем Социалистического Труда.

Под стать своему председателю ударно трудились и другие колхозники. Коллектив был многонациональным, хотя большинство составляли депортированные корейцы. К 1952 году в колхозе 21 Герой Социалистического Труда, 75 кавалеров ордена Ленина, 105 – ордена Трудового Красного Знамени, 157 колхозников были награждены медалями. Число колхозников, удостоенных орденов и медалей, к 1965 году перевалило за 600 человек, к 21 Герою Социалистического Труда добавилось еще пять человек.

В достижении высоких показателей немаловажное значение имела именно правильная организация труда, обеспечивающая быстрое повышение урожайности даже в отстающих и маломощных хозяйствах, присоединившихся к колхозу «Полярная звезда». В 1952 году к нему присоединились маломощные ближайшие колхозы им. Ахунбабаева и «Кучлик». Средняя урожайность в этих хозяйствах составляла 12-13 ц/га, а после присоединения к колхозу «Полярная звезда» в 1953 г. уже 24,7 центнера.

Ким Пен Хва возглавлял колхоз «Полярная звезда» более 34 лет. Его колхоз всегда отличался от других хозяйств своей организованностью и высокой производительностью труда. Только за 4 года семилетки

план производства хлопка-сырца был перевыполнен на 6%, мяса и шерсти – на 14%, перевыполнены планы по надою молока, по выходному поголовью свиней, овец и птицы на 100 га пашни. Наряду с ростом производства продукции сельского хозяйства в результате успешного ведения хозяйства, рационального использования земли и техники, умелого сочетания моральных и материальных стимулов снижалась ее себестоимость. В целях повышения материальной заинтересованности колхозников и снижения себестоимости продукции во всех бригадах был внедрен хозяйственный расчет, созданы звенья во главе с трактористами, заключены договора между бригадами и правлением колхоза, между звеньями и бригадой, разработаны условия дополнительной оплаты труда колхозников.

Памятник Ким Пен Хва, дважды Герою социалистического труда, кавалеру четырех орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, 2-х орденов Трудового Красного Знамени, ордена «Знак Почета»

Огромные хозяйственные достижения позволили коренным образом улучшить благосостояние жителей колхоза, их быт, культуру, построить современные здания, дворцы культуры, школы, медицинские и детские учреждения, стадион, множество жилых домов. Все дворы колхозников радиофицированы и электрифицированы.

Ким Пен Хва избирался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР II-VII созывов, на протяжении нескольких лет был членом Комиссии Верховного Совета республики по сельскому хозяйству.

За доблестный труд он награждён 4 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 2 орденами Трудового Красного Знамени орденом «Знак Почета», многими медалями, а также медалями ВСХВ и ВДНХ.

В ознаменование трудовых подвигов бронзовый бюст дважды Героя Социалистического Труда был сооружён у кишлака Чивин-тепа Среднечирчикского района Ташкентской области (в усадьбе колхоза «Полярная звезда»), ставшего второй родиной Ким Пен Хва. После смерти его имя присвоено колхозу «Полярная звезда», в 1991 году он был преобразован в народную корпорацию имени Кима Пен Хва.

В 1960-80-е годы среди советских корейцев сформировался мощный пласт руководителей крупных предприятий, организаторов производства, как ныне модно называть «девелоперами», научно-технической, творческой интеллигенции и государственных деятелей, о лучших представителях которых в «Ленин кичи» печатались очерки-портреты, интервью, репортажи.

Сделать цельный анализ социально-профессиональной структуры и трудовой деятельности корейцев советского Казахстана нелегко, так как в статистике корейцы подпадали под графу «и другие». Некоторое представление на обобщающем уровне можно получить

по данным переписи населения 1970 г. в Кзыл-Ординской области, где компактно проживала значительная часть корейского населения. Все корейцы, имевшие занятия, насчитывали 4,206 человек из них: руководители предприятий - 141; инженерно-технические работники - 514; агрономы, зоотехники, ветеринары - 30; работники литературы и печати - 31; культпросветработники - 42; работники искусства - 26; работники связи - 45; работники торговли и общепита - 114; химики - 2; текстильщики - 14; швейники - 280; сельскохозяйственные занятия - 203, в том числе трактористов - 38; не указали профессию - 97; медицинские работники - 216, в том числе врачей - 55; медсестер - 107; научные работники, педагоги, воспитатели: 355, в том числе преподаватели школ - 288; преподаватели вузов - 31; работники планирования и учета: - 464, в том числе бухгалтеры - 271; занятия в машиностроении и металлообработке - 366; занятия на лесозаготовках и деревообработках - 24; бумажники и картонажники - 11; занятия в пищевой промышленности - 17; строители - 135; железнодорожники - 16.

Уже в 1970-х гг. основную часть трудоспособных корейцев составляли работники не аграрного сектора экономики, так как доля занятых в сельском хозяйстве была менее 5 процентов. К началу обретения Казахстаном независимости, число корейцев занятых сельским хозяйством сократилось до 2-3 процентов.

Высокий уровень образования, деловые и организационные качества позволили многим корейцам стать руководителями предприятий: заводов, фабрик, государственных учреждений. Значительная доля корейцев приходилась на ведущих специалистов, инженерно-технических работников. Если приплюсовать к этой группе работников планирования и учета, к которым относились главные финансисты и бухгалтеры, то эта доля увеличивается до 20-25 процентов.

За советский период сформировалась численно большая группа научной, педагогической интеллигенции и работников культуры, искусства. По количеству научных сотрудников и преподавателей университетов с учеными степенями кандидатов и докторов наук корейцы занимали одно из первых мест среди других национальностей. Корейцы были представлены довольно широко в таких профессиях как школьный учитель, врач, медицинский работник, деятели культуры и искусства, многие корейцы служили офицерами в милиции, но лишь незначительное число корейцев выбирало профессию военных, так как негласно существовали ограничения в карьере. Среди советских корейцев наблюдалось определенное предпочтение профессиям, к примеру, многие женщины-корейки были заняты в фабричном и индивидуальном швейном деле.

Корейцы - «Заслуженные деятели» распределялись по сферам деятельности следующим образом: промышленность - 21 человек; сельское хозяйство - 43; строительство и архитектура - 6;

торговля и бытовое обслуживание - 2; народное образование - 31; здравоохранение - 9; наука - 36; литература - 10; искусство - 30; финансы и страхование - 6; юстиция - 4; культура и спорт - 11. Итого: 209 человек.

Больше всего число имеющих звание «Заслуженный деятель» в сельском хозяйстве, однако, доля «аграриев» среди всех лауреатов составила всего 20%.

Из 209 отмеченных в списках признанных в Казахстане специалистов корейской национальности женщин всего 25 человек, причем более трети из них – актрисы Корейского театра, а вторая треть – школьные учителя. Большое количество заслуженных деятелей в области искусства объясняется также тем, звание это получили актеры, драматурги, режиссеры и другие работники Корейского театра. Большая часть корейцев получила высокое звание в 1960-80-х годах как признание многолетней и успешной трудовой деятельности. Средний возраст обладателей почетных званий превышает 50-летний рубеж, молодые или среднего возраста составляют лишь незначительное исключение.

Некоторые предварительные итоги о роли газеты в развитии культуры советских корейцев можно представить в виде размышлений ветерана газеты, ее главного редактора Ян Вон Сика, – о том, что же это был за период для корейских авторов, писателей и журналистов, который мы именуем сегодня советским периодом «Ленин кичи». Из статьи «О литературе корейцев Казахстана»:

1. Во-первых, у корейских писателей (под термином «корейский писатель» подразумевается корейскоязычный писатель или журналист. - Прим автора.) не было самых элементарных условий для творчества, собственного периодического печатного издания (кроме «Ленин кичи»), где они могли бы свободно публиковать свои произведения.

2. Во-вторых, не было профессиональных корейскоязычных критиков, которые определяли бы главные ориентиры для творчества писателей.

3. В-третьих, на творческий процесс корейских писателей и журналистов сильно влияла языковая проблема, в том плане, что писать-то писали на корейском языке, но прочесть, понять эти произведения и соответственно оценить их могли лишь немногие. Даже с хорошо написанными произведениями русскоязычный читатель не имел никакой возможности познакомиться, в силу отсутствия профессионального перевода с корейского языка. А без признания читательской аудиторией любой автор испытывает непреодолимый заслон своему творчеству. Все это была, так сказать, техническая сторона. А как обстояло дело с цензурой, с идеологическим аспектом в произведениях корейских авторов?

4. Корейским авторам не были предоставлены даже обычные права, которыми пользовались, к примеру, те же русские и

казахские писатели. Например, корейским писателям запрещалось употреблять слово «родина» без приставки «советская». Если же корейский писатель не использовал эту приставку, то цензурой это воспринималось как националистическое проявление, как «преступная» ностальгия по родине. Поэтому несчастные корейские писатели могли и должны были воспевать только советскую действительность.

5. Корейские писатели всегда затруднялись по поводу того, какие фамилии давать отрицательным персонажам. Если в художественных текстах корейских авторов отрицательные герои носили русскую или казахскую фамилию, то такое произведение воспринималось цензурой как вызов тому или другому народу. Поэтому корейским писателям следовало быть предельно осторожными, чтобы не допустить чего-нибудь недозволенного. Подобная осторожность во многом ограничивала их в создании того или иного образа, в построении социально-философской коллизии произведения. По этой причине в работах корейских авторов больше уделялось внимания малозначительным бытовым сюжетам, теме узкосемейной драмы.

6. Так же, как с оглядкой жил корейский народ, так и корейские писатели, – могли писать только с оглядкой. Характерной их особенностью являлось то, что ни один из них не был писателем-профессионалом. Преобладающее число авторов работали литсотрудниками в редакции «Ленин кичи», или заведующими литературной частью в Корейском театре. Остальные работали в вузах, школах, редакциях других газет, в культурных учреждениях».

Таким образом, внутренняя несвобода корейских авторов, уость мировоззрения, с которыми жила газета и ее сотрудники, вот главный итог размышления Ян Вон Сика, о котором мы никогда не должны забывать.

Несвобода и цензура запрещали печатать газете материалы о том, что составляло важную часть жизни корейцев, то чем занимались и на что жили многие корейские семьи. Речь идет о кобонди. Авторская попытка одним предложением выразить суть кобонди привела к следующему результату: *«Кобонди - специфическое, присущее именно советским корейцам полулегальное занятие овощеводством и бахчеводством, основанное на групповом арендном подряде земли, руководимое лидером-бригадиром и связанное с сезонными территориальными миграциями».*

Кобонди, несмотря на факт массовости, не стало в советский период предметом обсуждения, ибо этот вид трудового занятия считался *“не заслуживающего внимания и унижающего достоинство корейцев”.*

Кобонди был не случаен, а закономерен, так как корейцы, испокон веков занимались поливным земледелием и обрели богатый опыт овощеводства. Упорство, терпение и мотивация к достижению материального успеха – характерные черты, присущие корейцам.

Корейцы, начали заниматься луководством в Каратальском районе и покрывали в середине 1960-х годов около 70 процентов товарного спроса лука по всей республике. Семена нового сорта «Каратальского» лука и опыт его выращивания корейцы передавали друг другу. Бригады корейцев стали выезжать в разные регионы Советского Союза и не конкурировали между собой.

В отличие от неповоротливого и полностью зависимого от социалистического плана колхозного производства небольшие бригады обладали самостоятельностью в принятии оперативных решений и обладали мобильностью. Такие важные вопросы: когда сеять, поливать, вносить удобрения, пропалывать и так далее решались в бригаде. В случае неуспеха в одном месте бригада отправлялась на следующий год в другой регион.

Рациональность производства заключалась, прежде всего, в том, что в кобонди не было лишних людей, и число рабочих рук соответствовало потребностям текущего момента. Выезд людей в разные регионы огромной страны для товарного производства овощей, был намного экономичнее, нежели чем транспортировка этого товара.

Успех бригады кобонди во многом зависел от авторитетности и компетентности ее лидера – бригадира, которого не назначали сверху как директора совхоза и не избирали на общем собрании колхоза. Человек, обладающий лидерскими способностями и имеющий прочный опыт кобонди, сам выбивался в бригадиры и набирал свою команду.

Луковая грядка длиной в день, луковое поле шириной в жизнь...

Кобонди не вменялся в жесткие рамки социалистического планового и коллективного производства, поэтому носил полулегальный характер. Многие вопросы, связанные с арендой земли, оплатой труда и реализации продукции решались путем устной договоренности бригадира с руководителями колхозов и местных органов власти.

Кобонди связан, как правило, с миграцией корейцев на короткие или длинные дистанции. Иногда арендуемое поле могло находиться

недалеко от места проживания, но чаще бригады выезжали в другие области Казахстана или Узбекистана, либо за пределы своей республики в другие регионы Советского Союза.

Именно в бригадах происходила живая и постоянная внутриэтническая консолидация, ибо после массового переселения корейских колхозников в города бригады оставались единственной этногомогенной социальной ячейкой. В бригадах использовался в обиходе корейский язык, готовилась традиционная пища, сохранялась этническая специфика отношений между ее членами.

Основные компоненты этой уникальной корейской аграрной деятельности, заключаются в следующем.

Кобонди осуществлялось так называемой бригадой, состоящей в среднем из 10-25 семей, основной костяк которой образовали родственники, либо хорошие знакомые. Активные члены бригады представлены людьми средних и старших возрастных групп, так как требовались навыки полевых работ и жизненный опыт, однако в сельской местности доля молодых была довольно высока, что объяснялось узостью рынка труда и безработицей.

Мужчины превосходили численно и доля женщин, имеющих свой надел составляла 10-20 процентов. На этапе подготовительных полевых работ и обустройства жилья на новом месте, основную роль играли мужчины. В разгар полевых работ использовались наемные мужские и женские рабочие руки. Осенью, во время сбыта продукции, в особенности розничной продажи овощей и бахчевых на рынках, на авансцену выступала женская половина, которая пополнялась прибывшими на помощь родственниками или близкими.

Состав бригады мог быть разнородным. Среди членов бригад было немало людей, имевших не только вузовское образование, но и ученые степени и престижные должности, которым хотелось быстро заработать деньги по какой-то конкретной причине: покупка дома, расходы на свадьбу или юбилей.

Первую скрипку в кобонди играл бригадир, который должен был обладать профессиональными способностями и личными человеческими качествами, чтобы не только организовать производственный процесс, но и сохранить атмосферу терпимости, дружбы и взаимовыручки среди членов бригады. В круг его обязанностей входило руководство такими вопросами как: выбор региона и сельхозкультуры для кобонди; условия аренды земли, сельхоз машин и найма рабочих; обеспечение материалами для постройки временных жилищ, удобрениями, продуктами питания; соблюдение цикла полевых работ; сбыт готовой продукции; обеспечение порядка в бригаде и безопасности ее членов.

Бригадир в зависимости от численности бригады и своего желания мог либо иметь надел-кобон, либо заниматься только организационно-руководящей работой, получая за это плату от членов бригады.

Трудно отрицать значимость кобонди, ибо практически все корейцы в советский период в той или иной степени были знакомы или заняты им. Занятие кобонди дало корейцам навыки предпринимательства, помогло создать материальную и финансовую основу, позволившую им вписаться в рыночную экономику. Кобонди сыграл свою роль в сохранении этнической специфики коре сарам, элементов традиционной культуры и родного языка. В тоже время кобонди вызвал существенные негативные последствия, которые касались не только отдельных индивидуумов, конкретных семей, но и всей корейской диаспоры в целом.

Праздник газеты «Ленин кичи» в Ташкенте в эпоху «перестройки, гласности и демократизации»

Можно без преувеличения резюмировать, что кобонди явился не только видом этнического предпринимательства, но и *специфическим образом и стилем жизни* численно значимой группы советских корейцев.

С развалом Советского Союза кобонди прежнего формата стало сходить на нет. Бригады не могли уже ездить, как прежде, в ставшие заграницей страны. Корейцы, с наступлением горбачевской перестройки стали приспособляться к новым реалиям жизни.

Во второй половине 1980-х годов у корейцев, как у всех советских народов пробуждается интерес к своему историческому прошлому, желание возродить национальную культуру и забытый родной язык. Этот период с чьей-то легкой руки стали называть «этническим ренессансом» заката советской эпохи.

На этом историческом фоне, 20 апреля 1987 г., редактор межреспубликанской газеты «Ленин кичи» Иннокентий Хан обратился с письмом в ЦК Компартии Казахстана. В котором вновь, после долгого перерыва, (напомним, впервые такую попытку предпринял Нам Харен, еще в 1958 году!) со всей остротой поднял вопрос о возрождении корейской культуры и языка. В частности, он писал, что корейцы Казахстана практически утратили знание родного языка, что в редакцию газеты поступают многочисленные письма с просьбой помочь им в его изучении. «Они обращаются с этими вопросами в редакцию, – писал И.П. Хан, – потому что больше им некуда обратиться». Далее он задает вопрос: «Как же в Казахстане обстоит дело с изучением корейского языка?» И сам же отвечает: «Никак! Ни в одной школе, ни в городах, ни в селах, где имеется контингент корейских детей, родной язык не преподается. Последние корейские школы были закрыты в Казахстане еще в 1940-х годах. В настоящее время корейцы моложе 55 лет не знают письменного языка, в республике нет преподавателей и нет учебников».

В целом письмо И.П. Хана было посвящено не столько констатации удручающего положения в области корейского языка, сколько предложениям конкретных путей выхода из создавшегося положения. А именно, он предлагал изучить контингент корейских детей в школах Кызылординской, Шымкентской, Жамбылской, Алматинской и Талдыкорганской областей, на основе чего выявить

Главный редактор И.П. Хан зачитывает письмо в ЦК Компартии Казахстана

потребности в преподавании корейского языка. Исходя из этого анализа, при Казахском педагогическом институте имени Абая в Алма-Ате, он предлагал открыть группу подготовки преподавателей корейского языка, усовершенствовать и переиздать учебники. В перспективе организация такой группы могла бы решить проблему кадров и для редакции газеты, а также корейской секции радиовещания, поскольку их штат до сих пор не был укомплектован. Все местные корреспонденты писали на русском языке. Средний возраст журналистов и работников редакции, которые могли переводить и писать на корейском языке, составлял 48 лет, и их было всего 10 человек. «Через 5-10 лет все они достигнут пенсионного возраста», – писал И.П. Хан. По его мнению, такое положение приведет к тому, что в скором времени в Казахстане некому будет ни выпускать газету, ни читать ее.

В своем письме редактор поднял еще одну важную проблему. Он отмечал, что корейцы в СССР в силу известных исторических причин стали самостоятельной этнической группой, со своим определенным образом жизни, психологией, традициями и культурой, хотя и имеют много общего с корейцами из самой Кореи. «Трансформация происходит и будет неотвратимо происходить. На наш взгляд, – писал он, – этот процесс весьма важен в научном плане. В связи с этим следовало бы создать в Академии наук КазССР небольшую историко-этнографическую группу, из двух-трех человек, по исследованию этого диалектического процесса. Тем более, что такой проблематикой никто в других республиках СССР не занимается». Данное предложение действительно являлось новаторским для процесса самоидентификации корейской диаспоры в постсоветском мире.

Вопросы, поднятые в этом письме, были проработаны в Центральном Комитете Компартии Казахстана. После чего было дано указание Академии наук, Министерству просвещения и Министерству высших и средних специальных учебных заведений,

Госплану республики, изучить их и внести встречные предложения. Эта работа продолжалась почти год и заняла 29 листов архивного дела. Она высветила действительно удручающее, запущенное положение дел в области корейской культуры и языка. В результате, были подняты вопросы об изучении корейского языка в школах, где учились корейские дети, о подготовке педагогов и переводчиков для

Коллектив редакции «Ленин кичи» с Людмилой Нам, солисткой Большого театра

редакций корейской газеты и радио, также – об учебниках и литературе на корейском языке, о создании групп ученых по изучению истории, этнографии и культуры корейской диаспоры Казахстана. Таким образом, письмо главного редактора «Ленин кичи» И. П. Хана во многом положило начало современному процессу национального возрождения корейцев, как в Казахстане, так и во всем СНГ.

Если оценивать весь этот советский период, с момента переселения до перестройки, то есть, с 1937 по 1987 гг., общей протяженностью в 50 лет, то можно сказать, что в целом он был посвящен одной неустанной, последовательной борьбе за достойное существование корейцев в советском мире, со всеми его императивами, законами, запретами и ценностями. В конце концов, вклад «Ленин кичи» в культурную жизнь республики был высоко оценен. В 1988 году газета была награждена орденом Дружбы народов. А в 1991 году она была преобразована в корейскую международную газету «Коре ильбо».

III. ПЕРЕСТРОЙКА, НЕЗАВИСИМОСТЬ КАЗАХСТАНА И ГАЗЕТА «КОРЕ ИЛЬБО»

Газета «Коре ильбо», изменив название в очередной раз, стала преемницей газеты советских корейцев «Ленин кичи», которая вышла в свою очередь из газеты «Сэнбон», и потому является одним из старейших органов периодической печати, издающихся за пределами Корейского полуострова. В переводе на русский язык ее название означает «Корейский ежедневник», однако периодичность выхода «Ленин кичи», пять номеров в неделю, сократилась до четырех в месяц, что скорей позволяло бы нам называть ее «Коре чубо», то есть, «Корейский еженедельник». При этом один из 4-х номеров стал издаваться в виде приложения на русском языке под названием «Коре». Именно в «Коре» произошли те революционные изменения, в содержании и качестве публиковавшихся материалов, которые сегодня воспринимаются, в истории корейской прессы, уже как классика журналистского жанра.

Вновь напомним, что это приложение начиналось еще с русскоязычной полосы в «Ленин кичи», которую редактировал ветеран газеты, журналист Борис Александрович Ким. Конец 1980-х и начало 90-х годов ознаменовались чрезвычайным интересом корейцев к своей истории, культуре и языку, просто изголодавшихся, по-другому не скажешь, по родному. И конечно неслучайно в этот исторический момент под крышей редакции собрались молодые и дерзкие авторы, некоторые из которых впоследствии заявили о себе, своими работами, на весь мир. А именно, это были журналисты Валентин Чен, Клара Лим, Алексей Пан, Татьяна Чен, Юрий Цай, Лера Цой; писатели и поэты Михаил Пак, Александр Кан, Станислав Ли; ученые, историки и философы, Герман Ким и Валерий Хан, фотограф Виктор Ан, художник-дизайнер Святослав Ким, кинокритик Диляра Тасбулатова. Возглавил этот коллектив опять же Борис Ким, которого через некоторое время сменила Клара Лим, ставшая редактором русскоязычного приложения «Коре», превратившегося, по сути, в отдельную газету в газете.

Вот как вспоминает Борис Ким о том удивительном времени: «До «Коре» была русская полоса в газете. Первая из таких полос вышла в 1989 году, когда «Ленин кичи» выходила пять раз в неделю форматом А 2, то есть форматом «Правды», тогда еще главной газеты советской страны, являвшейся непререкаемым образцом для всех изданий.

Итак, март 1989 года. Первая русская полоса. Она занимала четвертую часть газетного номера и выходила раз в месяц. Так про-

**Подписывайте и
читайте Коре ильбо !
(Ташкент, Бектемир)**

Коллектив редакции «Ленин кичи -Коре ильбо» во главе с главным редактором Ян Вон Сиком

должалось до 1991 года, когда газета стала называться «Коре ильбо», и когда русская полоса выделилась в отдельный номер и стала выходить по субботам.

Надо сказать, что появление полосы на русском языке вызвало целый шквал читательских писем в редакцию. Не было ни одного письма, автор которого возражал бы против этого новшества. Таким образом, 1991 год вписал еще одну яркую содержательную страницу в историю газеты. Подлинную оценку этому событию, видимо, даст время, но и сейчас можно говорить, что русская полоса, а впоследствии еженедельник «Коре», дали очень многое корейцам бывшего СССР.

Газета стала рассказывать о том, о чем старшее поколение не могло даже упоминать. Помню, мои родители на все вопросы о причинах выселения корейцев отмалчивались или же переводили разговор в другое русло. Всегда запретной темой была депортация.

Итак, еженедельник «Коре», который начал выходить в 1991 году, стал своего рода газетой в газете, со штатом в 12 человек и своим редактором. Но

общее руководство осуществлялось единым главным редактором, который не вмешивался в дела «Коре», полностью доверяя дело своему заместителю, который и возглавлял субботний номер. Это приложение имело самостоятельный регистрационный номер.

Всего было выпущено более 100 номеров «Коре». За это время газета приобрела небывалую популярность, читатели прочитывали ее, что называется, от корки до корки.

В «Коре» собрались молодые, но уже профессиональные работники. Достаточно назвать ряд имен, чтобы представить себе качество материалов, которые там публиковались. А именно, в тот период репортерами, специальными корреспондентами, литсотрудниками работали такие известные ныне писатели-прозаики как Михаил Пак, Александр Кан, историк Герман Ким, детская писательница Генриэтта Кан и другие».

А вот более чем эмоциональное воспоминание Александра Кана о «Коре», которое передает дух, атмосферу и содержание того времени: «Могу сказать с полной ответственностью, что мы строили нашу газету с ощущением беспредельной свободы, что, согласитесь, не так часто бывает, и вообще равноценно большой удаче в творческой жизни. И наконец, мы делали свое родное национальное издание, чего, быть может, тогда мы в полной мере не понимали, и что всегда является необходимым и достаточным условием всех высоких, в самом конфуцианском смысле, устремлений.

Я бы даже сказал так, если русская литература, как принято говорить, выросла из гоголевской шинели, то русскоязычная корейская литература и журналистика – из шинели «Коре». Лично для меня работа в «Коре» стала истинным погружением в корейский космос, конечно же, в той степени и мере, какие могли быть возможны в советском контексте.

Статьи, литературные страницы, интервью – все это, особенно последнее, сталкивало меня с людьми старшего поколения, по лицам и скупой косноязычной речи которых я мог читать, о чем-то интуитивно догадываясь, корейскую судьбу со всеми ее драматическими коллизиями и перипетиями, – людьми, которые умудрились достойно, не унижая себя и не пресмыкаясь перед властью имущими, прожить свою нелегкую, многотрудную жизнь. Конечно, их было не много, но героев и не бывает много в любом народе, и именно благодаря этим личностям, – а героизм и заключается в том, чтобы вопреки всему оставаться самим собой! – я учился и учусь относиться с мудрым великодушием к тем, кто не сумел прожить свою жизнь столь же достойно. Да, с великодушием обретаемой мудрости, ибо и те, и другие в конце концов образуют твой народ, а в нашем случае – диаспору».

Как сказал Борис Ким, издание «Коре» выпустило чуть больше 100 номеров, то есть, в той эйфории и атмосфере свободы, просуществовало совсем недолго. Ибо времена менялись, романтика исповедей, откровений и разоблачений испарялась на глазах, постсоветский дикий рынок диктовал свои жесткие условия. Большей частью, именно в силу экономических причин, многие, штатные и внештатные, русскоязычные авторы оставили работу в газете. Одни занялись бизнесом, другие вовсе уехали из Казахстана, третьи, к примеру, узбекские корреспонденты, превратились после распада СССР в «иностранцев» и не могли больше официально работать в редакции газеты другой страны. Экономика становилась главенствующим

фактором в постсоветской жизни, и наш последующий рассказ о газете – отчасти и увьи! – будет напоминать невеселые экономические сводки.

А именно. В тот многосложный период редактор «Коре ильбо» Со Ен Хван, быть может, охваченный эйфорией от свободы, допустил, как стало понятно позже, стратегическую ошибку, приняв решение уйти от государственной опеки и бюджетного финансирования. Официально газета получила полную независимость, о которой так мечтали все советские народы в те времена, и должна была ориентироваться на самофинансирование. Однако расчеты редактора, если вообще таковые были, совершенно не оправдались, ибо редакция не обладала ни материальной базой, ни какими-либо финансовыми средствами.

На первых порах газету поддержал ее учредитель, и в частности, вице-президент Всесоюзной Ассоциации Советских Корейцев Хо Ун Бе. «Коре ильбо» продолжала выходить, правда, в усеченном виде: вместо пяти номеров в неделю выпускалось всего три. В качестве приложения опять было решено издавать субботний номер на русском языке, учитывая большой процент читателей, не владевших корейским языком, и, конечно, его былую популярность.

Тем не менее, положение газеты становилось все более шатким и валким, что было связано, прежде всего, с общим ухудшением финансового положения в 90-е годы в стране. Редакцию покидали уже ее ветераны, корейскоязычные журналисты и переводчики. Они уходили в отрывавшиеся в Алма-Ате, в Казахстане или России, южнокорейские фирмы, миссионерские церкви, в которых работали свободными переводчиками, и их новая заработная плата значительно превышала ту, что они получали в редакции. Тираж газеты катастрофически падал, и если до развала Советского Союза он составлял 12-15 тысяч экземпляров, то к концу 1993-го года число подписчиков сократилось до 400, а реальный тираж был еще на 100-150 экземпляров меньше.

Правда, финансовый кризис коснулся и всех государственных газет, издававшихся в советский период, многие из которых просто прекратили свое существование. А с распадом СССР стали неотвратимо разрушаться вертикальные и горизонтальные связи между бывшими республиками и даже регионами одной страны. Резкое падение уровня жизни, удорожание стоимости газеты, сбои в почтовой доставке изданий имели свои негативные последствия. Галопирующий рост типографских расходов в условиях гиперинфляции вел к неплатежеспособности газеты. Например, если в начале 1991 года расходы на выпуск и доставку газеты составляли полтора миллиона рублей, то в конце того же года они выросли более чем в 10 раз и составили 12-15 миллионов рублей.

Справедливости ради следует сказать, что помимо объективных причин, в работе редакции были допущены ошибки субъективного

характера. К примеру, действовавшая ранее подписная компания практически сошла на нет. Ибо прежде, в советское время, подписка газет рассматривалось как политическое мероприятие, за успешное проведение которой по всей строгости отвечали ответственные лица, во всех советских предприятиях и учреждениях: от школ до колхозов. После ликвидации этой системы, никакой новой формы агитации и рекламы газеты не появилось.

В этот чрезвычайно трудный период для «Коре ильбо» правительство Республики Корея оказало редакции большую помощь: передало газете 100 тысяч американских долларов. Однако эти средства, а также иная финансовая помощь от частных лиц и фирм, были использованы руководством, мягко говоря, не рационально, если не сказать, что просто неразумно, о чем и стало, в конце концов известно спонсорской стороне.

Все эти негативные поступки и события не могли не сказаться на авторитете газеты и соответственно на ее материально-финансовом положении. В итоге в 1992 году «Коре ильбо» остановила свою работу, временно не выходила, а со второй половины того же года она печаталась уже один раз в неделю, на 16 полосах, из которых половина материалов выходила на корейском языке, а другая – на русском.

В острокризисное время конца 1980-х и «лихих» 90-х годах газета, вопреки всем трудностям, несла в корейское общество информацию о происходящих событиях внутри страны, в корейской диаспоре, на исторической родине и отношениях с ней.

Новая тема стала постоянной на газетных страницах – деятельность корейских ассоциаций с самого момента ее учреждения.

На закате горбачевской «перестройки» корейцы, как и другие этнические группы, приступили к созданию национально-культурных организаций. Культурные центры, Интернациональное культурно-просветительское общество корейцев, АСОК (Ассоциация содействия объединению Кореи), Бомминрён («Общенациональное единение»), МКАДиС (Международная ассоциация дружбы и сотрудничества) и т.д.

Первые инициативные группы по созданию корейских культурных центров в бывшем Советском Союзе возникли почти одновременно в Ташкенте, Алма-Ате, Москве и других городах, где проживали значительные по численности и значимые по своему интеллектуальному потенциалу корейские диаспоры.

12 декабря 1988 г. в Ташкенте под председательством профессора С. М. Хана состоялось учредительное собрание «Республиканского оргкомитета по созданию корейских культурных центров». С этого дня и начинается отсчёт массового корейского движения в СССР. Несколькими днями позже было проведено учредительное собрание «Культурно-просветительского центра советских корейцев», возглавляемого поэтом Б. Паком, позднее переименованного

в так называемое «Интернациональное культурно-просветительское общество корейцев Узбекистана». На протяжении 1989 г. Республиканский оргкомитет по созданию корейских культурных центров создал 14 таких центров в городах и районных центрах Узбекистана. «Несомненной заслугой оргкомитета, - отмечает журналист Б. Ким, - является создание им культурных центров на местах. Они вскоре возникли в Джизаке, Фергане, Самарканде, Нукусе, Чирчике, Аккургане, Бухаре, то есть практически в большинстве городов и районов, где имеются более или менее значительные корейские общины. Более того, именно местные культурные центры раньше ташкентских получили официальный статус и первым среди них стал корейский культурный центр Ферганской области, возглавляемый зампредом областного комитета народного контроля Р. П. Ляном».

Среди столичных центров официальную регистрацию первым прошел корейский культурный центр г. Алма-Аты, созданный на учредительном собрании, прошедшем 18 июня 1989 г. в здании республиканского корейского театра. Проект программы и устава были опубликованы заранее в газете «Ленин кичи». В последующие месяцы в Казахстане были созданы корейские культурные центры в г. Уштобе, Актюбинской, Жамбылской, Уральской, Карагандинской, Кызыл-Ординской, Кокчетавской областях, а также в других городах и районах республики. Задачи координации деятельности и консолидации усилий корейских культурных центров выдвинули на повестку дня вопрос о создании организации, объединяющей всех корейцев в масштабе всей страны. В этой связи осенью 1989 г. в Алматы был создан оргкомитет по подготовке и проведению Учредительного съезда корейцев Казахстана. Оргкомитетом под председательством профессора Г.Б. Хана была проделана большая работа. В областях корейские культурные центры провели собрания и выбрали своих делегатов на первый съезд корейцев.

Газета информировала, что 17 марта 1990 г. прошел учредительный съезд корейцев Казахстана, на котором была создана Республиканская ассоциация корейских культурных центров Казахстана (РАККЦК). Он на альтернативной основе избрал президента РАККЦК – профессора Г.Б. Хана. Ассоциация была официально зарегистрирована 15 мая 1990 года.

Сообщалось о том, что Учредительная конференция Ташкентского городского культурного корейского центра состоялась 27 февраля 1990 г. Всего в Узбекистане было образовано 24 областных, районных и городских корейских культурных центра. 12 января 1991 г. была создана Республиканская Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана. А Учредительная конференция Культурно-просветительской ассоциации корейцев Киргизстана была проведена 16 декабря 1989 г.

19 марта 1990 г. в Москве, в Октябрьском зале Дома Союзов состоялся Учредительный съезд советских ко-

рейцев, создавший Всесоюзную ассоциацию советских корейцев (ВАСК). С развалом СССР на 2-ом съезде ВАСК, состоявшемся 29 февраля 1992 г. в Алма-Ате было решено принять в соответствии с новыми общественно-политическими реалиями новое название - Международная конфедерация корейских ассоциаций (МККА).

Из разных регионов в редакцию поступали письма, в которых рассказывалось, как продвигалось с регистрацией национально-культурных центров и ассоциаций. Порой, от начала создания инициативных групп до официальной регистрации проходило более чем два года, как это было в Узбекистане. Подобная затяжка была связана со следующими причинами.

Во-первых, местные регистрирующие органы часто не решались брать на себя инициативу в вопросе регистрации общественных объединений и ждали указаний сверху. Во-вторых, зачастую у местного аппарата было «свое» понимание по «корейскому вопросу» и он в большей степени руководствовался этим пониманием, нежели буквой Закона, что было вообще характерным для советской аппаратной практики. В-третьих, вмешательство властей в регистрацию корейских культурных центров было во многом обусловлено противостоянием корейских инициативных групп и сопутствующими ему жалобами и протестами в местные руководящие органы.

И наконец, многое объясняется тем, что в самом начале зарождения корейских общественных организаций людям, особенно на местах не хватало опыта и знания. В. Ким, бывший заведующий ташкентским корпунктом «Ленин Кичи» и активный участник создания корейских культурных центров в Узбекистане, так вспоминает атмосферу корейского движения на начальных этапах: «Никто не знал, где регистрировать общественную организацию, но все понимали, что без регистрации нельзя. Почему? Кто мешает открывать курсы языка, создавать кружки художественной самодеятельности, праздновать свои праздники? Вроде бы никто. Но нам даже в

В Казахстане:

**Хан Г. Б., доктор философских наук, президент
Республиканской ассоциации
корейских культурных центров
Казахстана**

**Хван М.В., доктор биологических наук, председатель
Алматинского городского
Корейского культурного центра**

В Узбекистане:

Хан С.М., доктор философских наук, председатель Республиканского оргкомитета по созданию корейских культурных центров

Ким П. Г., доктор исторических наук, Председатель Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана

голову не приходило, что можно все это организовать самостоятельно. Слишком хорошо мы знали, как поступают в советской стране с теми, кого заподозрили в национализме, в создании несанкционированных обществ...».

При своем создании все корейские организации в качестве своих основных и первоочередных задач продекларировали возрождение национальной культуры, языка, традиций и обычаев.

Корейское движение с самого начала не избежало конфронтации между различными организациями. Например, в Узбекистане с самого начала возникло соперничество между Республиканским оргкомитетом по созданию корейских культурных центров и так называемой «инициативной группой по созданию Интернационального культурно-просветительского общества корейцев Узбекистана». «Это была война не идей, принципов, путей создания культурного центра. — пишет журналист Б. Ким, — Достаточно беглого взгляда на программы и уставы обеих групп,

чтобы убедиться в полной идентичности их содержания. ...Казалось бы, это полные единомышленники, которые должны были объединить свои усилия, чтобы ускорить процесс создания культурного центра и начать конкретные дела. Однако этого не произошло, ибо это была война за лидерство, борьба амбиций». Позже соперничество, а порой и откровенная борьба развернулись между Ташкентским корейским культурным обществом и Ассоциацией по содействию объединения Кореи (АСОК), между кулуарно созданной Ассоциацией корейских культурных центров Узбекистана (при её создании отсутствовали представители 7 областей из 11) и областными культурными центрами, между Ассоциацией корейских культурных центров Узбекистана и ташкентским корейским обществом «Возрождение» и т. д.

В борьбе за лидерство в корейских культурных центрах и ассоциациях верх одержали представители научно-номенклатурной интеллигенции, и, прежде всего, ученые-обществоведы.

Обществоведами были представлены не только первые лица корейских культурных центров, но их заместители:

Узбекистан: Шегай М.Ю. (кандидат философских наук, зам. председателя Ташкентского корейского культурного общества), Тен К. П. (кандидат педагогических наук, зам. председателя Ташкентского корейского культурного общества).

Казахстан: Хван Б. С. (кандидат исторических наук, зам. председателя Совета Ассоциации корейских культурных центров Казахстана).

Россия: Югай Г.А. (доктор философских наук, вице-президент Всесоюзной ассоциации советских корейцев); Хан Г.Б., доктор философских наук, вице-президент ВАСК.

Особенность этой прослойки заключалась в том, что ее составляли представители идеологических дисциплин (философия, научный коммунизм, история КПСС и т.д.), тесно связанные с партийной номенклатурой. Причина того, почему профессора-обществоведы почти повсеместно возглавили корейские организации, видится в следующем.

Во-первых, связи с партийными и государственными органами давали возможность быстрее решения организационных вопросов по созданию корейских центров. Во-вторых, эти же связи давали возможность лоббировать те или интересы корейских центров. В-третьих, в силу профессиональной специализации и опыта работы в партийных органах эта прослойка была более основательной в создании уставных документов, концепции культурных центров, налаживании организационной работы. В-четвертых, будучи органичными элементами партийно-государственной системы, профессора-обществоведы в качестве руководителей таких деликатных образований как национальные центры как нельзя лучше устраивали органы власти.

У истоков корейского движения во всех странах СНГ стояли видные авторитетные люди, в число которых входили государственные

Пак М. Н., д.и.н., профессор МГУ, Президент Всесоюзной ассоциации советских корейцев

Шин А.С., д.и.н., профессор Президент Ассоциации российских корейцев

деятели, руководители и главные специалисты крупных предприятий, представители научной и творческой интеллигенции. К примеру, большой вклад в становлении Ассоциации корейцев Казахстана сыграли такие незаурядные личности как Алексей Юрьевич Хегай (зам. министра автомобильных дорог КазССР), Михаил Васильевич Хван, проректор Алма-Атинского зооветеринарного института, Пак Ир, философ-кореевед, Ким Юрий Алексеевич, Председатель Конституционного совета РК, Хан Иннокентий Павлович – главный редактор межреспубликанской газеты «Ленин кичи», Яков Петрович Цой, крупный хозяйственник, Май Унденович Хван, Заслуженный тренер СССР, Владимир Егорович Ким, директор Корейского татра, Геральд Владимирович Цой, правозащитный фонд «Тесен», Афанасий Григорьевич Ким, зам.министра спорта, туризма и молодежи, Пак Алла Дясуновна, начальник Алматинского городского статуправления и многие другие.

Перемены начались с обновления руководства корейских ассоциаций. Причем речь идет не просто о новых людях. К руководству пришли представители иного поколения и иной сферы деятельности, а именно – бизнеса. В декабре 1995 г. президентом Ассоциации корейцев Казахстана становится Ю. А. Цхай, заслуженный тренер СССР по боксу, бизнесмен; в январе 1998 г. президентом Общественного объединения корейцев Кыргызской Республики становится Р. А. Шин, президент бизнес-центра «Эльдорадо»; В России президентом Общероссийского объединения корейцев также стал бизнесмен – Цо В. И. В Узбекистане в ближайшем будущем произойдет смена президента Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана и на смену профессору придет человек из делового мира.

**Цхай Юрий Андреевич,
президент АКК**

Смена профессоров бизнесменами тоже закономерное явление. Оно было вызвано рядом причин. Во-первых, возраст профессорского руководства сказывался на результативности деятельности ассоциаций. Во-вторых, отсутствие практической жилки и бизнес-проектов плачевно сказались на состоянии материально-технической базы корейских культурных центров. В-третьих, в силу профессионального и возрастного консерватизма прежнее руководство уже не в состоянии было изменить привычный стиль мышления и работы.

При новом руководстве начинает происходить постепенная смена ценностных ориентиров корейских ассоциаций, главным вектором которых становится курс на консолидацию. В авангарде этого очень важного для судеб корейской диаспоры процесса встали Ассоциации корейцев Казахстана и Кыргызстана.

В январе 1998 г. в Кыргызстане произошло важное событие – объединение Кыргызстана Ассоциации корейцев Кыргызстана и региональной организации АСОК.

Но особенно важными для корейского движения были интегративные процессы в Казахстане, в силу численности казахстанской диаспоры и её роли в развитии корейской культуры и корейского движения в целом. (К сожалению, в двух других крупных диаспорах – узбекистанской и российской - интегративные, консолидирующие процессы ещё не стали доминирующими).

В июне 1996 года на пленуме АКК был обсужден новый закон Республики Казахстан «Об общественных объединениях», по которому Ассоциация должна была иметь не менее чем в половине областей республики свои филиалы, для того чтобы считаться республиканской. В последующее время была проделана большая, кропотливая работа по консолидации корейских региональных центров. В результате у Ассоциации возникло 12 филиалов. С остальными 8 центрами она работала на партнерских началах.

Вопрос об объединении всех корейцев Казахстана в одну единую организацию был и остается не очень простым. Порой трудно было это сделать, особенно на местах. Несмотря на некоторые нестыковки и разногласия в регионах, АКК ставят в пример российские и узбекистанские корейцы. В январе 1999 г. в Москве состоялся IV отчетно-выборный съезд Ассоциации корейцев России (АКР), где указывалось, что одна из острых проблем – разобщенность московской диаспоры. В Москве сегодня действует 13 разных организаций и часто в правительство России по одному поводу обращаются с одинаковой просьбой сразу несколько обществ. Делегаты съезда высказали замечания президенту

Цо Василий Иванович
Цо, президент ООК
(Общероссийского объединения
корейцев)

Шин Владимир Николаевич,
председатель АККЦ РУ
(Ассоциации корейских
культурных центров Республики
Узбекистан)

Шин Роман Александрович,
президент Общественного
объединения корейцев
Кыргызской Республики (ООК КР)

АКР Ли О. А. по поводу отсутствия сплоченной команды и в пример приводили Ассоциацию корейцев Казахстана.

В 1997 году, в год 60-летия депортации корейцев корейской общественностью под руководством АКК была проделана большая и разнообразная работа. Крупномасштабно прошли многие мероприятия, которые посвящались 60-летию не депортации, а проживания корейцев в Казахстане. Газета писала в течение всего года как в Алматы и в регионах проходили фестивали корейской культуры, конкурсы, конференции, издавались книги, снимались документальные фильмы, ставились пьесы на сцене Корейского театра. Совместно с корейцами из России, Узбекистана и исторической родины была совершена поездка на «Поезде памяти» из Москвы до Владивостока.

Апогеем всей программы мероприятий стало торжественное собрание во Дворце Республики, где со словами приветствия выступил глава государства Президент Нурсултан Назарбаев. В своем выступлении он дал высокую оценку трудолюбивой корейской диаспоре. В частности, он сказал: «За шестьдесят лет проживания в Казахстане корейцы не только не превратились в пыль истории, не ассимилировались, как когда-то говорилось, среди «ста наций и народностей», но и, сохранив, во многом даже обогатив свои национальные обычаи и традиции, внесли и вносят достойный вклад в социально-экономи-

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев с группой корейской общественности

ческое и духовное развитие республики. И эта жизненная сила, воля и решимость – противостоять любым ударам судьбы, согласиться, дают основание для оптимистической оценки настоящего и уверенного взгляда в ваше будущее».

В своем Приветственном послании в связи с 60-летием жизни корейцев в Казахстане Президент Республики Корея Ким Енг Сам тепло поздравил соотечественников. Он также выразил признательность Президенту Назарбаеву и казахскому народу за активную поддержку в проведении данного мероприятия от народа Республики Корея. Ким Ен Сам пожелал казахстанским соотечественникам, чтобы они укрепляли дружбу и согласие со всеми народами страны, вносили еще больший вклад в развитие суверенного Казахстана, способствуя его процветанию.

В октябре следующего 1998 г. состоялся внеочередной V съезд Ассоциации и по его решению проведена культурно-политическая акция «Назарбаев – наш президент!». В числе успехов юбилейного года нельзя не упомянуть назначение Ким Р.У. акимом Каратальтальского района, Алматинской области, который в советское время слыл «корейским», так как вокруг районного центра – г. Уштобе находились бывшие переселенческие корейские колхозы

Еще одним новшеством в корейской газете со времен перестройки стали анкетирования, проводившиеся периодически на ее страницах. Обратимся к одному примеру, связанным с 10-летним юбилеем АКК.

В редакцию ответы прислали опять лишь люди старше 50 лет. На все 100 процентов. Это старики потратили деньги, время и проявили заинтересованность и сознательность. Что касается телефонных респондентов, то они распределились следующим образом: 15-25 лет – 31,4%; 25-35 л. - 27,7%; 35-50 - 23,3%; старше 50 лет – 17%.

Пенсионеров оказалось еще меньше, чем лиц старше 50 лет. Они составили лишь около 15 процентов респондентов. Самая крупная доля пришлась на трудозанятых – 49%, а удельный вес учащихся составил соответственно 36 процентов.

На вопрос третий: *Как вы в целом оцениваете деятельность АКК?* В присланных в редакцию анкетах, не было ни одной «отличной оценки». По двое ответили «хорошо» и «неудовлетворительно», а шестеро признали работу АКК удовлетворительной. Телефонные респонденты оказались щедрее в оценках: 5,7% - отлично, 77,1% – хорошо, 17, 2% - удовлетворительно.

Одно из самых значимых достижений АКК заключается в том, что она консолидировала наиболее активные слои корейского общества и по большому счету не допустила раскола в корейском движении, как это имело место в Узбекистане и России. На вопрос: Добилась ли АКК консолидации общественных организаций и корейской

диаспоры? Голоса опрошенных распределились так: да - 42,9%, нет - 20, затруднились ответить - 37,1%.

Следующий вопрос: Как вы относитесь к тому, что руководство в центре и регионах в корейских организациях взяло на себя новое поколение представителей деловых кругов? Ответы, к удивлению, были довольно единодушны. Преобладающая часть всех трех групп респондентов на уровне 65-70% реагируют положительно, доля относящихся отрицательно не составляет и 5%, а остальные не смогли определиться. Видимо все же сама жизнь показала, что без финансовых средств никакие благородные, правильные и необходимые дела не претворишь.

Ответы на следующий вопрос: защищает ли АКК, по вашему мнению, интересы корейской диаспоры? также поразили относительным единодушием мнений. Да - почти 80% ответов.

Известно, что Ассоциация корейцев Казахстана за исключением акции «Назарбаев - наш президент» не принимала каких-либо действий на явно политическом поприще. Всю ее деятельность можно охарактеризовать как весьма лояльную к государственной власти и политическому руководству страны. Но в анкете был все-таки поставлен вопрос: Следует ли АКК заниматься политико-правовыми вопросами, связанными с историей, современностью и перспективами жизни корейской диаспоры? В анкетах, поступивших в «Коре ильбо» стопроцентное - да, телефонные ответы: 68,6% - да; 5,7% - нет, остальные затруднились.

Все национальные культурные центры начинали свою деятельность, провозгласив своей целью возрождение и развитие обрядов, обычаев, языка и т.п. АКК не была исключением. Вот тут вопрос: Как вы оцениваете роль и деятельность АКК в деле сохранения и развития национальной культуры, искусства и корейского языка? В итоге преобладающая часть опрошенных и приславших свои мнения считают, что АКК довольно успешно продвигается к своей основополагающей программной цели.

Никто не говорит, что Ассоциация должна выполнять роль «скорой помощи» или «доброе самаритянина», но, наверное, должна быть все же организация, куда можно обратиться за помощью и советом. Хотя у некоторых людей живы чисто иждивенческие привычки и такие люди считают, что ассоциация обязана помочь им решить их личные проблемы. Какими же были ответы на вопрос: Обращались ли вы за помощью и поддержкой в АКК или к ее филиалам в регионах? Из редакционной почты - fifty-fifty, т. е. 50 на 50. Из телефонных ответов: 17,2% - да, 82,8 - нет. Значит, преобладающее большинство, если не абсолютное, все же ни разу не обращалось за помощью, ни в АКК, ни в филиалы. Чуть менее половины людей, обратившихся за помощью в АКК, получили ее.

В заключении традиционный во всех анкетах пункт: Ваши пожелания и замечания. Цитируется: «Центр безразличен к

делам регионов», «Желательно тесное сотрудничество регионов с АКК», «Меньше слов-больше дел», «оторванность от регионов», «Воспитывать преемственность поколений», «АКК не владеет обстановкой в областях», «АКК необходимо овладеть новыми формами работы», «Задавать вопросы не по телефону, а в обществе», «Собирать почаще коре сарам вместе», «Чтобы дальше процветала АКК» и т.д. Заметно, что часть встречается замечание и пожелание относительно взаимосвязей между центром и регионами.

Теперь вернемся к тому, что же происходило с самой газетой? В 1995 году газету возглавил уже упоминавшийся нами, многоопытный журналист и переводчик Ян Вон Сик, работавший в редакции с 1984 года. Под его руководством издание стало постепенно выходить из тяжелого положения, наметились явные улучшения в его работе, и тираж достиг 4,5 тысяч экземпляров. Но экономические трудности по-прежнему оставались. Особенно тяжелая ситуация была с подпиской на газету, по причине того, что подписная цена с каждым годом резко повышалась, и на 1 января 1998 года она составила 1,742 тенге. Если, к примеру, к середине 1980 года стоимость годовой подписки была менее 5% среднемесячной заработной платы, то через 10 лет она равнялась почти половине месячной зарплаты или пенсии. А с 1998 года распространение газеты замкнулось в основном на территории Казахстана, так как окончательно разрушились связи между союзными республиками, не был налажен взаиморасчет между банками стран ближнего зарубежья и слишком высокими стали таможенные пошлины при пересылке газет.

Главный редактор Ян Вон Сик обсуждает с коллегами очередной номер газеты

Со второй половины 1997 года 16-полосная газета «Коре ильбо» (формат А 3) стала 12-полосной. Причем, до 1998 года государство все-таки выделяло средства на содержание национальных газет, в том

числе и на «Коре ильбо». Эта дотация составляла около 60% суммы, необходимой для обеспечения более или менее нормальной работы редакции. Но с начала 1999 года Министерство культуры, печати и общественного согласия Республики Казахстан резко сократило ассигнования, доведя их до 30 % от заложенного общего годового бюджета. По этой причине редакции газеты «Коре ильбо» пришлось до минимума сократить штат и уменьшить количество полос с 12 до 8, а периодичность выпуска сократилась с четырех номеров до двух в месяц. В таком усеченном виде газета выходила в течение нескольких месяцев. Причем положение с каждым месяцем усложнялось: росли долги за печатание газеты, также за аренду помещения, а сотрудники редакции в течение несколько месяцев не получали зарплату. В такой трудный момент газету опять поддержала южно-корейская сторона, а именно, посольство Республики Корея в Казахстане, и лично посол Чве Сын Хо, который оказал редакции посильную материальную помощь.

75-летие газеты «Коре ильбо» прошло тихо и незаметно. В памяти остался небольшой научный семинар, в котором приняли участие в основном корейские профессора, а с казахстанской стороны – главный редактор Ян Вон Сик и Герман Ким, зав. отделом корееведения Института Востоковедения Академии наук Республики Казахстан – МОН.

Участники научного семинара, посвященного 75-летию газеты «Коре ильбо»

В конце 1999 года Министерство культуры, печати и общественного согласия Республики Казахстан, принимает решение приватизировать все национальные газеты, в том числе и «Коре ильбо», то есть полностью передать их через тендер в частные руки. В это время Ассоциация Корейцев Казахстана выражает желание приобрести газету «Коре ильбо». Однако ее коллектив, озабоченный дальнейшей судьбой родного издания, отвергает сложившуюся ситуацию. Тому было несколько причин, почему коллектив редакции не удовлетворяло решение министерства. Во-первых, с переходом

государственной газеты в частные руки, снизился бы ее высокий статус. Действительно, еще начиная с «Сенбона», «Ленин кичи» и в начальный период существования «Коре ильбо», газета имела общесоюзный статус, а после – СНГ. В случае приватизации издание становилось исключительно собственностью АКК, что вдобавок приводило издание к потере независимости, к которому оно, на протяжении многих лет, так упорно стремилось. В то время коллективу было хорошо известно, кого руководство АКК хочет назначить генеральным управляющим газеты. Это был молодой бизнесмен Виктор Ким, который был далек от профессии журналиста и газетного дела, но в организаторской жилке и способностях руководить, силе и умении убеждать, ему сложно было отказать.

В конце концов, коллектив редакции принял решение участвовать в открытом тендере, намереваясь вначале приватизировать газету от своего имени, а в дальнейшем найти средства для ее существования. Но для того, чтобы выиграть тендер, необходимо было иметь определенную финансово-материальную базу, а этого у коллектива не было. Как и ожидалось, победителем стала АКК и первым руководителем газеты, как было намечено, стал В.Г Ким.

Таким образом, в драматичной истории корейской газеты наступила новая веха: с 1 января 2000 года «Коре ильбо» стала собственностью АКК. В течение полугода новый редактор выпустил всего пять номеров, вместо 24-х по графику, причем неоправданно, на дорогой мелованной бумаге и в полном цвете. Стиль и методы руководства редактора негативно отразились на работе издания. В результате в коллективе сложилась напряженная обстановка, и ведущие журналисты покинули газету. Учитывая сложившуюся ситуацию, руководство Ассоциации приняло решение отстранить Виктора Кима от занимаемой должности.

На должность главного редактора был приглашен Алексей Пан, профессиональный журналист, работавший в 1990-е в «Коре», а также в других ведущих казахстанских газетах. С его приходом газета определенно улучшалась, как в содержании материалов, так и в дизайне, стала, как прежде, выходить еженедельно, на 16 полосах в черно-белом варианте, однако тираж ее оставался очень низким. Во второй половине 2001 года тираж газеты еще более сократился и составил чуть более одной тысячи экземпляров. В связи с создавшимся положением, руководство АКК поставило задачу перед редактором увеличить в ближайшее время тираж газеты и довести его за 2-3 года до 10 тыс. экз., чтобы газета стала не только читабельной, но и самоокупаемой.

Алексей Пан вместе с коллективом разработал план соответствующих действий и должен был представить его руководству Ассоциации, но по причине сложных отношений с руководством, вдобавок получив заманчивое предложение со стороны, оставил свою должность. Временно исполняющим обязанности главного редактора был назначен его заместитель Ким Сен Де, корейскоязычный журналист и ветеран газеты.

Следующим главным редактором газеты стал журналист Юрий Цай, также работавший в 90-е в революционном «Коре», на момент приглашения занимавший должность ответственного

*Коллектив редакции «Коре Ильбо» на сцене
Корейского театра в день своего 80-летия.*

секретаря казахстанского литературного журнала «Простор». Благодаря продолжавшемуся частичному финансированию газеты из госбюджета и инвестициям АКК, а также постепенному улучшению экономического положения в Казахстане, газета стала выходить стабильно, в положенном формате.

Однако ее содержание оставалось провинциальным, малоинтересным, попросту банальным, материалы писались плохо, зачастую просто непрофессионально. Здесь следует сказать, что эта постсоветская болезнь авторского провинциализма и косноязычия, которая одолевала газету и прежде, в советские времена, так и не была излечена при Ю. Цае, причем, более того, расцвела пышным цветом. Как следствие, тираж оставался низким, что никак не устраивало руководство АКК. В итоге и этот журналист, так и не сумев поднять уровень газеты на должную высоту, бесславно оставил руководящий пост.

После газеты возглавил Цой Ен Гын, уроженец Сахалина, владевший литературным корейским языком, проработавший долгие годы на радио, в том числе руководителем программы радиовещания на корейском языке, за ним молодой журналист Михаил Пак, работавший прежде в русскоязычных казахстанских изданиях, – перед этими редакторами стояли все те же задачи: поднять уровень, качество газеты, ее тираж. Частично они, в меру своего опыта, с этими задачами справлялись, но именно частично, что заставляло АКК, в его неотступном движении к совершенству, вновь искать нового руководителя, и в конце концов остановить свой выбор на молодом журналисте Константине Киме, который принял руководство в конце 2009-го года.

Чтобы объяснить столь частую смену редакторов в постсоветский период, обратимся к статье Г.Н. Кима «Quo vadis «Корё ильбо»? Или размышления читателя со стажем», которая содержит результаты контент-анализа газеты, проведенном в 2004 году:

«1. Начнем с того, что газета издается на двух языках, причем корейскоязычная часть занимает 4 полосы, а русскоязычная - остальные 12, то есть в пропорции равной 1 : 3. Вопрос о том, нужно ли продолжать печатать на корейском языке, на мой взгляд, не нуждается в обсуждении. Это новые газеты в России и Узбекистане, начавшие свою историю с чистого листа, могут позволить себе, издаваться исключительно на русском языке.

У нашей газеты иная история, она – одна из старейших, издающихся на корейском языке. К тому же, как это ни парадоксально, но число людей умеющих читать на корейском увеличилось за последнее десятилетие в несколько раз. Это касается, прежде всего выпускников и студентов корейских отделений, коих насчитывается уже несколько сотен. Прибавим к этому контингенту несколько сотен южных корейцев, постоянно работающих в Казахстане. Плюс

старшее поколение коре сарам, которое также может читать на корейском. Но вот тут-то возникает проблема. Практика показала, что назвать корейский язык своим родным вовсе не означает владение им. От умения читать по-корейски, до понимания прочитанного, как говорится, дистанция огромного размера. Поэтому, именно материалы на корейском языке должны иметь адресный характер.

Исходя из этого, вряд ли целесообразно перепечатывать в «Коре ильбо» новости из Кореи, для этого есть южнокорейские газеты и журналы, интернет и издаваемая Пак Ен Сиком «Ханин ильбо». Для южнокорейских читателей нашей газеты более интересны материалы об истории, политике, экономике и культуре Казахстана и жизни нашей диаспоры.

Немецкая газета «Фройндшафт» (нынешняя «Дойче Альгемайне») еще в советские времена печатала, специально на местном диалекте, сказки, шутки, песни. (Речь идет только о рубрике, полосе, а не обо всей газете). Пожилые люди часто сетовали, что не понимают ничего в газете, так как «это не наш язык». Вот почему, я пытался убедить редакторов в необходимости печатать в нашем издании материалы на коре мар.

Помню, как 7-8 лет назад мы с моим приятелем, профессором Россом Кингом, встречались со стариками и бабушками, которые рассказали нам не один десяток весьма забавных историй. Одних только охотничьих баек и былей дяди Яши из колхоза «Достижение» хватило бы на пару месяцев публикаций. Причем, разговорный коре мар может быть очень живым и сочным, ибо он впитал множество окореизированных в произношении русских и казахских слов. Кстати, руководство корейского театра, внедрило коре мар на сцену, и процесс, что называется, пошел, зрители довольны, что все понимают.

Для студентов и всех, кто учит корейский язык, на мой взгляд, надо публиковать материалы на двух языках параллельно и рядом, как это делается в казахстанских русско-англыязычных газетах. Было бы интересно печатать пословицы, поговорки, песни на корейском языке с переводом на русский. Таким образом, корейскоязычная часть должна условно делиться на три рубрики, соответственно трем группам читателей, в том числе и потенциальных.

2. Следующий тезис заключается в том, что основная русскоязычная часть газеты пока еще не сформировалась. И здесь не надо изобретать велосипед. Вспомним, что в прошлом редакционный коллектив «Ленин кичи» был разделен на отделы: сельскохозяйственный, литературный, культуры и так далее. Сейчас нет отделов, но надо, чтобы в газете были постоянные рубрики-полосы. Четко просматриваются пока лишь две: калейдоскоп новостей из Кореи и Молодежная страница.

Наверное, целесообразно определить основные рубрики и целенаправленно собирать материалы, и готовить публикации для

них заблаговременно. Я в свое время предлагал отдать одну полосу регионам, то есть филиалам АКК. Составить график, согласно которому из Караганды, Тараза, Кызыл-Орды, Чимкента и прочих городов, следовало бы присылать в редакцию текстовые материалы и фотографии о жизни корейской диаспоры. Было также предложение организовать в городах с многочисленным корейским населением Приложения, в которых печатались бы местные материалы. К сожалению, ни то, ни другое, так и не было осуществлено редакцией.

Еще одно замечание. Все читатели имеют привычку обращать внимание прежде всего на первую и последнюю страницу любой газеты или журнала. Так вот, если первая страница «Коре ильбо» обрела-таки свое лицо, то последняя 16 полоса – напрасно потерянная страница. Взять, к примеру, рубрику «Книжная лавка», в которой из номера в номер предлагаются одни и те же книги, как какой-то залежалый, абсолютно никому не нужный, товар. Наверное, есть и другие, достойные, интересные книги или, в противном случае, следует печатать этот список раз в месяц.

3. Чтобы знать, что именно печатать в газете, следует хорошо изучить своих читателей. В редакции ни разу за последние годы не проводилась читательская конференция, в газете не проводился опрос мнений, за исключением анкетирования в рамках социологической службы АКК.

В солидных казахстанских газетах и журналах время от времени я натываюсь на знакомые короткие фамилии корейских журналистов и задаюсь вопросом, почему же эти ребята не пишут для нашей газеты. То ли они не хотят, то ли им не предлагали? Не могу понять!

И в заключение, не могу не увязать все наши три корейские средства массовой информации: газету, телевидение и радио. Они продолжают напоминать мне известных персонажей крыловской басни: лебедя, рака и щуку. Каждый сам по себе, хотя все они призваны делать одно и то же. Начатые было в программе «Коре сарам» обзоры газетных публикаций так и заглохли через пару выходов в эфир. А в газете никогда не печатается, о чем же будет следующая телепередача».

С установлением в 1992 году дипломатических отношений между Республикой Корея с суверенными государствами, возникшими в Центральной Азии после распада СССР и, конечно же, с Россией, советские корейцы стали выполнять роль живого моста в международном сотрудничестве.

Газета «Коре ильбо», как и все республиканские СМИ широко освещала государственные визиты Президента Казахстана Н.А. Назарбаева в Южную Корею в 1995 и 2003 годах и ответного визита в Казахстан Президента Республики Корея Но Му Хена в 2004 году. Не остались без внимания также официальные визиты премьер-министра Южной Кореи Хан Мен Сук в сентябре 2006 года, а также премьер-министра Хан Сын Су в мае 2008 года. Освещалось в газете

также межпарламентское сотрудничество, то есть межгосударственные связи проходили по всем уровням – на уровне глав государств, уровне исполнительной и уровне законодательной ветвей власти.

После закрепления дипломатических и политических связей наступил этап динамичного развития двухсторонних экономических отношений и налаживания культурно-гуманитарного сотрудничества. Южная Корея занимает одно из ведущих мест в системе внешнеэкономических приоритетов Казахстана, являясь крупным инвестором и стабильным торговым партнером. В 2008 году двусторонний товарооборот составил около 755 млн. долл. в т.ч. экспорт – 332 млн. долл., импорт – 421 млн. долл. Основными статьями казахстанского экспорта являются сырьевые материалы. В структуре импорта преобладает электроника, оборудование и другая продукция машиностроения. По данным Национального Банка РК, за период с 1993 по 2008 гг. валовой приток прямых инвестиций из Кореи в Казахстан достиг 3 млрд. долл. (3,6% от общего объема привлеченных инвестиций). В свою очередь, казахстанские капиталовложения в Корею составили 66,7 млн. долл.

В Казахстане действуют более 300 совместных предприятий с участием корейского капитала. Среди них такие компании, как подразделения группы «Самсунг», «Эл-Джи электроникс» (завод в Алматы) и «Эл-Джи Интернэшнл», «Эс-Кей Корпорэйшн», «Хёндэ», а также строительные фирмы «Донъиль Хайвил», «Урим», «Сонгвон» и «Хёнджин». Активную деятельность в РК разворачивают корейские банки «Кукмин», «Синхан» и «Ури» и компании по ценным бумагам «Ханхва секьюритиз», «Хёндэ секьюритиз», «Дэу кэпитал» и др.

Важную роль в развитии экономического взаимодействия играет Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Четвертое заседание МПК состоялось 14 апреля 2009 г. в Сеуле.

Динамично развивается сотрудничество между двумя странами в сфере энергетики. В 2002 году создан совместный Казахстанско-корейский комитет по сотрудничеству в области энергетики и минеральных ресурсов. Проведено четыре заседания Комитета. В сентябре 2004 г. было подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Ведущие корейские компании в сфере энергетики («КОРЕС» и «КЕРСО») и транспорта («Хёндэ корпорэйшн») участвуют в реализации энергетических и транспортных проектов в Казахстане.

Газета «Коре ильбо» печатала на своих страницах интервью со всеми послами Республики Корея в Казахстане, а их было до ныне действующего *Пэк Чу Хена* шестеро: Ким Чхан Гын, Ли Енг Мин, Чхе Сынг Хо, Тэ Сэк Вон, Ким Иль Су и Ли Бёнг Хва, который завершая свой срок дипломатической службы в феврале 2012 года получил из рук министра иностранных дел Казахстана Ержана

**Министр Е. Казыханов
вручает орден «Достык»
второй степени послу
Южной Кореи Ли Бён Хеа.**

Казыханова орден «Достык» второй степени. «Для меня большая честь, что от имени казахстанского президента мне вручили орден «Достык», - сказал корейский посол в интервью журналистам.

Практическим содержанием наполнилось культурно-гуманитарное сотрудничество между двумя странами. В 1991 г. в Алматы открылся Центр просвещения Республики Корея, в котором прошли языковые курсы и стажировки несколько тысяч учеников, сотни преподавателей корейского языка. Наряду с образовательной деятельностью Центр пропагандирует корейское национальное искусство, знакомит желающих с историей и культурой Кореи, проводит различные культурно-массовые мероприятия.

О самом тесном сотрудничестве Ассоциации корейцев Казахстана с Центром просвещения говорит красноречиво тот факт, что они находились несколько лет под одной крышей. Здесь же нашел свое временное пристанище Корейский театр, поставивший не один спектакль на сцене Центра просвещения.

Логотип АКК

Корейский дом – штаб квартира АКК

В благодарной памяти корейцев Казахстана остались имена таких директоров Центра как Син Ге Чхоль и Сим Енг Соб, отдавших много сил и оставивших здесь часть своей души на благо возрождения забытого родного языка, развития корейской культуры и укрепления дружбы между двумя странами. Его нынешний директор Ли Генг Хо достойно продолжает дело своих предшественников, много ездит по регионам Казахстана, чтобы оказать действенную помощь на местах в организации преподавания корейского языка в школах и вузах. О деятельности Центра просвещения газета «Коре ильбо» регулярно публикует материалы, а также дает все объявления по его деятельности, в первую очередь об открытии нового набора слушателей на курсы корейского языка, программ по обучению IT-технологий, языковых стажировках в Корее и экзаменах на получение сертификатов уровня владения языком.

16 октября 2001 г. состоялся 8-ой съезд АКК в котором приняли участие 102 делегата со всех регионов Казахстан. В отчетном докладе президент организации Ю. А. Цхай отметил, что процесс развития корейского этнокультурного объединения в республике можно разбить на 2 этапа.

Первый 1990-1998 гг. - это этап становления организации и возрождения корейской культуры, языка и традиций. В этот период основной упор делался на проведение мероприятий, фестивалей, которые принесли определённые плоды и дали возможность самовыразиться корейской диаспоре. Практически во всех регионах Казахстана были организованы очаги корейской культуры, которые внесли свою лепту в развитие общественного движения. Именно на этом этапе сформировалась структура организации, позволяющая внедрять одновременно во всех регионах общие программы и принципы работы.

Второй этап 1998-2004 гг. - это этап создания материально-технической базы, развития молодежного движения, национальных СМИ, театра, и налаживания международных отношений. В это время АКК пережила множество испытаний, которые были обусловлены переходом к рыночной экономике суверенного Казахстана. Интеллектуальные активы Ассоциации стали укреплять многие бизнесмены, оказывающие ей финансовую поддержку. У АКК появился прочный фундамент и общими усилиями построен «Корейский Дом» - штаб-квартира организации, а также место духовной жизни и общения. Здесь под одной крышей расположены редакция газеты «Коре ильбо», офисы Молодежного движения корейцев Казахстана, Научно-Технического общества «Кахак», Федерации по содействию развития малого и среднего бизнеса», хореографический зал, библиотека, телестудия, конференц-зал и т.д.

В резолюции съезда отмечено, что за отчетный период разработаны и реализуются новые редакции «Концепции развития

АКК» и Устава АКК. Основные положения этих двух документов оказались созвучными современным задачам.

Смена стратегического направления деятельности АКК направленного на всемерную интеграцию корейцев Казахстана как органической части единого казахстанского народа на базе гражданской общности совпала со сменой лидера организации. Вместо Ю.А. Цхая ставшего сенатором Парламента страны, АКК возглавил Р.У. Ким, который в течение ряда лет являлся ее вице-президентом и непосредственно руководил многогранной и повседневной деятельностью организации.

Реализация данного направления виделась в максимальном и эффективном использовании возможностей такого важного общественного института как Ассамблея народа Казахстана. АКК сегодня по праву считается одним из самых активных структурных подразделений Ассамблеи народа Казахстана. В конце 2009 года представительский офис АКК был открыт в Астане и это способствовало передислокации других республиканских национально-культурных центров (РНКЦ) во Дворец мира и согласия, выполняя, таким образом, поручение Главы государства.

АКК приняла самое непосредственное участие в организации Фонда АНК и стояла у истоков ее создания, став одним из его учредителей. В свою очередь Фонд стал учредителем нового журнала АНК «Менің елім», первые номера которого уже вышли в свет.

В 2009 г. ААК впервые при содействии секретариата АНК провела большую работу по реализации социально-значимых проектов, которые финансируются государственными программами через систему лотов.

По инициативе президента АКК Р.У. Кима и поддержке секретариата АНК на базе 3-х национальных редакций была создана единая телепрограмма АНК «Менің Қазақстаным», отличающаяся тематической обширностью, глубокой содержательностью и высоким зрительским рейтингом. В 2008 г. эта программа, которой руководит Э.А. Цой - ветеран казахстанского телевидения, была награждена премией «Выбор года» за лучший телевизионный проект, посвященный межнациональному согласию.

Студия корейских программ «Корё сарам» была основана в 1991г. и впервые вышла в эфир 4 февраля. Первоначально она была организована как небольшая программа о корейцах, проживающих в Казахстане, с выходом в эфир 1 раз в месяц. Постепенно увеличивалось время передач, а также штат работников был доведен до 9 человек. Программа «Корё сарам» в своих передачах освещает важнейшие со-

Э.А. Цой с очередной наградой

бытия в культурной жизни корейцев Казахстана, а также политические, экономические события на Корейском полуострове. Основные жанры телевидения: информация, киносюжеты, репортажи, интервью, беседы, выступления корейцев и гостей с исторической Родины.

Значительное место в программах занимают телевизионные фильмы, трансляции театральных спектаклей, концертов мастеров искусств, освещение съездов, пленумов корейской диаспоры, а также Фестивалей и праздничных торжеств. Используются самые различные формы музыкальных передач программные и тематические концерты, широко распространены творческие отчеты ученых, музыкантов, артистов и др.

Программа «Корё сарам», которая затем была переименована в «Ури миндег» выходила много сотен раз в эфир, благодаря спутниковой связи беспредельно расширились ее пространственные и территориальные возможности.

За последние два года каждый номер корейской газеты «Коре ильбо» начинается с материалов о деятельности Ассамблеи народа Казахстана и освещает не узкоэтнические вопросы, а общие темы, касающиеся всего народа страны. В ней стало больше публиковаться материалов о государственной политике в области межэтнических отношений, о других народах, проживающих в Казахстане. Газета стала постоянным участником Евразийского форума.

2010 год, проходивший под знаком 20-летия АКК, оказался очень насыщенным и знаменательным для Казахстана. В этом году исполнилось 20 лет со дня принятия декларации о государственном суверенитете и учреждении поста президента, председательство Казахстана в ОБСЕ, 15 лет конституции и 15 лет со дня образования Ассамблеи народа Казахстана, Год Казахстана в Кореи. Все это, безусловно, накладывало свой отпечаток на проведение всех мероприятий.

За 20 лет своей деятельности АКК сплотила вокруг себя корейские общественные организации, консолидировала корейскую диаспору, установила тесное взаимодействие с центральными и местными органами власти, общественными организациями, Ассамблей народа, этнокультурными объединениями и СМИ. И на своем примере, на примере корейской диаспоры демонстрирует широкой общественности казахстанскую модель межнационального согласия, ее возможности и потенциал.

С обретением Ассамблеей народа Казахстана конституционного статуса АКК активно включилась в общественно-политическую деятельность. Ее результатом стало представление диаспоры в Парламенте РК и маслихатах всей уровней.

Впервые в 2010 году, при содействии секретариата АНК и поддержке Министерства культуры проведена работа по реализации социально-значимых проектов, через участие в государственных тендерах, где Ассоциация принимала непосредственное участие и выиграла три лота на сумму 12,3 млн. тенге. Однако участие

всех филиалов АКК в государственных тендерах по реализации социально-значимых проектов пока еще не решено, не у всех это получается, некоторые просто не готовы к этому. Активно в этих проектах работают филиалы в Павлодаре, Талдыкоргане, Таразе, выигравшие на областном уровне ряд лотов.

Ассоциация корейцев Казахстана провела организационную подготовительную работу по заседанию Круглого стола «Изучение опыта интеграции и развития языковой политики» (на примере опыта работы РОО «Ассоциация корейцев Казахстана»). Мероприятие состоялось 14 июля 2010 г. в конференц-зале КИСИ при Президенте РК и проводилось оно под эгидой и при поддержке Научно-Экспертного Совета при Ассамблее народа Казахстана в рамках реализации лота «Научно-экспертное сопровождение деятельности Ассамблеи народа Казахстана» Министерства культуры Республики Казахстан. Всего на заседании Круглого стола, состоявшего из двух сессий, выступили 30 участников, из 5 государств (Казахстан, Корея, Россия, Узбекистан, Великобритании). В нем приняли участие 15 руководителей республиканских ЭКО, 9 членов НЭС АНК, ученые шести направлений науки (истории, филологии, политологии, социологии, педагогики, философии). В рамках работы КС была развернута большая выставка учебной, методической литературы, словарей, электронных средств и программ по изучению казахского и корейского языков. В ходе дискуссий и выступлений были обозначены ключевые проблемы и выработаны рекомендации по их решению.

Ассоциация корейцев Казахстана и Молодежное движение Казахстана, понимая необходимость постоянной работы по укреплению национального единства и межэтнической консолидации, приступила к реализации проектов и практическим делам по усвоению молодежью государственного языка. Инициированная АКК программа «Интеграция молодого поколения корейцев в общественно-политическую и социально-культурную жизнь Казахстана» посредством усвоения государственного языка, стартовала проведением в г. Алматы 9-15 июля 2010 г. Первого Международного казахстанско-корейского молодежного форума по изучению языков. Форум состоялся при поддержке Фонда Ассамблеи народа Казахстана; Комитета по развитию языков Министерства культуры и Информации РК; Комитета по делам молодежи МОН РК, а также Посольство Республики Корея в Республике Казахстан и Фонд содействия зарубежным корейцам (ОКФ).

Основные участники Форума – корейские студенты Хангук Университета иностранных языков (Сеул), изучающие казахский язык и активисты Молодежного движения корейцев Казахстана

в течение одной недели в формате летнего лагеря были заняты лекциями-беседами, посвященными изучению государственного языка, знакомились с традиционной культурой казахов, обменивались опытом изучения государственного языка, усвоили пятидневную обучающую программу. В заключении Форума состоялась конференция, посвященная вопросам осознания необходимости практического владения государственным языком, повышения мотивации и заинтересованности в изучении казахского языка, истории и культуры Казахстана, апробации «практических моделей» инновационных методик изучения казахского языка, анализу инициативных проектов ЭКО по практическому изучению языков (на примере АКК). На конференции был презентован новый интернет-портал, разработанный Молодежным движением корейцев Казахстана по реализации инновационных форм изучения государственного языка среди молодежи.

Было принято также обращение МДК к участникам Казахстанско-корейского форума по изучению казахского языка, в котором говорится:

Мы патриоты своей страны, выступая за укрепление и единство народа Казахстана, призываем всех казахстанцев к активному участию в формировании единого и сплоченного общества, основанного на взаимопонимании и взаимоуважении между этносами.

Несмотря на то, что нашей исторической родиной является Корея, свою дальнейшую жизнь мы связываем с Республикой Казахстан и как для любого казахстанца знание казахского языка является неотъемлемой частью казахстанского патриотизма.

XI-ый съезд АКК, состоявшийся 16-17 октября 2010 г., должен стать своего рода рубежом в развитии этнокультурного объединения. Он проходил под знаком подготовки 20 – летию независимости Республики Казахстан. Глава государства Н.А. Назарбаев обратился с ежегодным посланием «Новое десятилетие, новые возможности Казахстана», в котором была дана программа развития страны до 2020 года. Ее идеологической платформой стала Доктрина национального единства Казахстана, в подготовке и принятии которой АКК принимала активное участие.

По материалам корейской газеты можно было отследить процесс формирования элиты в диаспорной среде, так как в ней публиковались статьи, очерки и зарисовки известных и авторитетных людей. В Казахской ССР и в начальный период суверенной Республики Казахстан корейцы были представлены в государственных органах власти, стали заметными фигурами в политической жизни страны, из которых можно отметить следующих лиц: Ким Юрий Алексеевич - Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан; Ни Владимир Васильевич - управляющий делами Президента Республики Казахстан, начальник Хозяйственного Управления Президента и Правительства; Ким Георгий Владимирович - министр

юстиции Республики Казахстан; Раиса Петровна Шер - депутат Мажилиса парламента Республики Казахстан и т.д. Корейцам стали присваиваться генеральские звания. Звание генерал-майора МВД получил Цхай Борис Алексеевич, звание генерал-майор юстиции, Государственного Советника Юстиции III класса присвоено Хегаю Алексею Юрьевичу. Советские корейцы были задействованы в общую систему селекции и продвижения номенклатуры по разрядам, учитывавшим национальность.

Формирование новой диаспорной элиты среди корейцев Казахстана (России, Узбекистана и т.д.) происходит по двум параллельным вертикалям. Первая вертикаль – внутрдиаспорная возникла в рамках так называемого «корейского движения», которое бурно зарождалось на закате Советского Союза. Практика показала, что эффективное руководство диаспорной сетью, авторитет в ее среде, лояльность к власти открывает путь продвижения вверх во властной иерархии. То есть лидерство в диаспоре не только позволяет «открывать двери» в кабинеты чиновников, но и может стать одним из каналов инкорпорации в элиту. Если это изобразить графически, то она будет схожа с пирамидой – геометрии полицентрического политического класса, содержащей одну из множественных внутренних пирамид – диаспорную.

Лидерство в этнокультурных центрах позволило ряду лиц, использовать «диаспорный лифт» для доступа в высший уровень законодательной власти Казахстана – Мажилис парламента. Такая возможность была предоставлена через механизм деятельности Ассамблеи народа Казахстана. Президент Ассоциации корейцев Роман Ким стал депутатом Мажилиса парламента Республики Казахстан и 5-ого созыва и вошел в его аграрный комитет. Юрий Цхай, успешно возглавлявший корейскую диаспорную организацию стал сенатором парламента страны по так называемому президентскому списку.

А России, как известно из газеты «Коре ильбо», по партийным спискам депутатами Государственной Думы России шестого созыва стали два корейца - «единооросса»: военный комиссар Ставропольского края, Герой России Юрий Павлович Эм (Ставропольский край) и генеральный директор ЗАО «Труд» Сергей Юрьевич Тен. (Иркутская область).

В высшем законодательном органе соседней Республики Кыргызстан представлен один кореец – Роман Александрович Шин от Коммунистической партии **Кыргызстана**.

Другим каналом продвижения в государственные представительные органы стал успешный бизнес, к примеру, в маслихат города Алматы прошли двое корейцев - руководители крупных частных строительных компаний Бронислав Шин («Алматыинжстрой») и Олег Нам («КУАТ»).

Газета «Коре ильбо» сообщала, что в прошедших в 2007 году в Казахстане выборах в центральные и местные органы власти

Шин Б.С. , председатель АКНЦ и его активисты приветствуют Президента Н.А. Назарбаева и его супругу С.А. Назарбаеву на площади независимости в день Единства народа Казахстана

корейцы оказались широко представлены на всех уровнях. Всего было избрано депутатами – 20 корейцев, из них: депутат Сената Парламента РК – 1; депутат Мажилиса РК – 1; депутаты областных маслихатов – 2; депутаты городских маслихатов - 10; - депутаты районных маслихатов – 6. Следует отметить, что пять депутатов избранных в местные органы власти являлись председателями филиалов Ассоциации корейцев Казахстана и практически все остальные принимали активное участие в корейских этнокультурных организациях, входили в составы президиумов и правлений.

К моменту обретения Казахстаном суверенитета корейская диаспора имела значительный научный потенциал, который по праву входил в научную элиту республики. Газета «Коре ильбо» регулярно освещала деятельность Научно-Технического Общества «КАХАК», который с самого начала образования бесценно возглавляет д.т.н., лауреат многих государственных наград Казахстана и Южной Кореи, обладатель престижных званий и регалий Иван Тимофеевич Пак. Под его руководством были изданы книги-персоналий и в последний вариант под названием «Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре» вошли около 400 кандидатов и докторов наук (Алматы, 2002, 623 с.). Судя по данным книги, ученых-гуманитариев

Группа членов НТО «Кахак» по главе с И.Т. Паком (посредине) перед главным входом НАН РК

оказалось 125 человек, то есть более чем в три раза меньше чем естественников. Из них кандидатами и докторами наук по философии, истории и филологии насчитывалось 48 корейцев. В экономических и юридических науках отмечено 45 ученых-корейцев, в педагогических и психологических науках занимались исследованиями 32 корейца.

Результаты изучения персоналий в других отраслях деятельности: бизнесе и предпринимательстве, сфере оказания услуг, образовании и культуры указывают на то, что переход от социалистической экономики к свободным рыночным отношениям и резкое ухудшение условий жизни вынудили многих людей оставить прежнюю работу и заняться любыми видами деятельности, приносящими доход. В итоге среди корейцев произошло вымывание слоя научной, творческой интеллигенции, а также сокращение доли корейцев в государственных учреждениях с одной стороны и увеличение численности людей занятых своим бизнесом.

Для будущего поколения в Казахстане обязательное владение казахским языком стала аксиомой, вот почему корейской диаспорой в лице АКК принята к реализации программа «Интеграция молодого поколения корейцев в общественно-политическую и социально-культурную жизнь Казахстана» посредством усвоения

государственного языка. Старшее поколение корейской диаспоры достигло успехов в советский период благодаря высокому уровню образования и хорошему владению русским языком. Теперь престижность образования в Казахстане включает фактор владения казахским языком, что позволит двигаться вверх по ступеням элитной пирамиды.

**МОЛОДЕЖНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
КОРЕЙЦЕВ
КАЗАХСТАНА**

Ассоциация корейцев Казахстана с самого начала своего нового этапа развития уделяла большое внимание вопросам молодежи. В июне 2002 г. состоялся пленум правления АКК, на котором были осуждены важные

вопросы и приняты следующие решения: Привести в соответствии с Уставом организационную структуру АКК и вывести Молодежный центр из состава АКК и создать на его базе Республиканское общественное объединение корейской молодежи Казахстана.

Молодежное движение корейцев (МДК) работает активно, причем не только претворяет полученные задания, но само разрабатывает свои проекты, защищает бюджет, подает заявки на тендеры государственных программ. МДК реализует ряд программ, в том числе интеллектуальное шоу «Я и Корея», различные конкурсы и фестивали которые мотивируют изучению родного языка. С прошлого года стартовала программа отправки в корейские университеты на краткосрочные языковые курсы.

Без активистов МДК стали немислимыми масштабные или значимые мероприятия АКК, ибо они берут на себя всю техническую и организационную часть от под-

Лидеры МДК Сергей Огай и Вячеслав Ким со своими активистами

готовительного этапа до их проведения. Первый лидер МДК – Сергей Огай сыграл решающую роль в становлении организации, затем его дело успешно продолжил Вячеслав Ким и передал бразды руководства своему преемнику Денису Киму. Через школу МДК, горнило общественно-значимых программ, проектов и мероприятий

прошли сотни активистов. Работа МДК охватила за всю ее историю тысячи молодых людей по всей стране, причем не только корейцев по этническому происхождению, ибо молодежная организация открыта для всех, кто имеет активную жизненную позицию.

Говоря о региональных корейских организациях в лице филиалов АКК или юридически самостоятельных лиц сложно выделить особо какую либо из них, однако об Алматинском корейском культурном центре (АКНЦ) разговор должен быть отдельным. И это по ряду причин. Во-первых, в Алматы и Алматинской области проживает свыше одной трети всех корейцев в Казахстане. Во-вторых, здесь сосредоточены все основные центры корейской культуры: редакция газеты «Коре ильбо», Корейский театр, теле и радиовещание на корейском языке, здесь живет элита научной и творческой интеллигенции. В-третьих, в Алматы находятся такие важные представительства Южной Кореи как генеральное консульство, Центр просвещения, офисы крупных компаний.

Алматинский корейский национальный центр одним из первых корейских общественных организаций получил путевку в жизнь, еще на заре суверенного Казахстана. На сегодняшний день под крылом АКНЦ действует более 20 подразделений, включая общества «Корё ноин», «Ноиндан», «Потомков борцов за независимость Кореи», Народный хор «Родина», «Бидангиль», Офицерский клуб,

Логотип АКНЦ

**Б.С. Шин, председатель
АКНЦ, депутат маслихата
г.Алматы**

Шахматный клуб, Женский клуб, Клуб гурманов, Молодежная секция, классы корейского языка, классы казахского языка, корейские танцы «Намсон», «Инсам», корейские инструменты «Самульнори» и т.д. В них принимают участие представители всех поколений и слоев корейского общества. АКНЦ стабильно проводит занятия по изучению корейского и государственного языка. Возглавляет АКНЦ его председатель - Бронислав Сергеевич Шин, который совмещает должность первого вице-президента АКК.

Прошло более 20 лет после распада СССР и сегодня в странах СНГ продолжается углубление различий в социально-политической, экономической жизни и национально-культурной политике, что влечёт за собой формирование различных условий существования корейских диаспор. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на специфику актуальных проблем корейских диаспор в тех или иных странах СНГ, которую необходимо учитывать в выборе стратегии и тактики корейского национального движения. Об этом речь пойдет в заключительной части.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СВЯЗАННЫЕ ОДНОЙ СУДЬБОЙ

«Связанные одной судьбой», так называется книга, посвященная истории старейшей корейской газеты трижды поменявшей свое название за прошедшие 90 лет. «Сенбон», «Ленин кичи» и «Коре ильбо» - звучат по-разному и смысл иной: «Авангард», «Путь Ленина (или «Ленинский путь»)» и «Ежедневная корейская газета», но суть осталась прежней, газета оставалась национальной для всех корейцев российского Дальнего Востока, Советского Союза и ныне суверенной Республики Казахстан.

Судьба газеты «Коре ильбо» настолько тесно переплетена с судьбой корейской диаспоры, что она стала общей, ибо она прошла такой же долгий и непростой путь, как ее подписчики и читатели, которые выстояли все невзгоды и с оптимизмом смотрят в будущее.

Крушение Советского Союза имело для корейцев, как и для всех других советских народов непредсказуемые последствия, которые проявляются в настоящий момент. Прошло двадцать лет и это лишь мизерный отрезок истории человечества, однако за это время сменилось целое тысячелетие, наступил 21 век и мир вступил в эпоху, которая предъявляет новые вызовы, требующие верного выбора стратегии замыслов и действий.

Перед корейцами постсоветского пространства встал выбор своей будущности, касающийся таких жизненноважных аспектов, как выбор места жительства; трудовой и профессиональной деятельности; развития диаспорных организаций; определения на-

циональной и этнодиаспорной идентичности; характера связей с исторической родиной и т.д.

Политические и социально-экономические изменения, происшедшие в постсоветских государствах Центральной Азии, ухудшившиеся условия жизни, тревоги и опасения за будущее коснулись всех советских народов. Распад единой страны ведет к началу формирования новых общностей «казахстанских» (казахских), «узбекистанских», «российских», «кыргызстанских», «таджикистанских», «украинских» корейцев, которые в чем-то схоже, а в чем-то по разному определяют стратегию выбора места жительства:

- адаптации к изменившимся условиям суверенных государств;
- поселения в крупных городах, прежде всего в столицах;
- эмиграции в зарубежные страны, избранная молодыми, энергичными корейцами, имеющими средства, высокий образовательный уровень и профессиональную квалификацию;
- переселения индивидуальным порядком или семьями из стран Центральной Азии в Россию;
- бегства корейской диаспоры Таджикистана, вызванная гражданской войной и опасностью для жизни.
- **осмысления на индивидуальном и семейном уровне возможности эмиграции на историческую родину (Южная Корея)**

Стратегия выбора трудовой деятельности и профессий. Социально-профессиональная структура постсоветских корейцев за прошедшие двадцатилетие претерпела значительные изменения, последствия которых могут сказаться уже в ближайшем будущем. Стратегия выбора трудовой деятельности и профессий заключается в следующем:

- конъюнктурный выбор профессий и рода деятельности, приносящего больший доход;
- правильный выбор избранной ниши в малом бизнесе и предпринимательстве;
- создание диаспорной сети предпринимательства;
- сохранение высокого образовательного уровня;
- занятие мигрантами малопрестижными, но доходными видами деятельности (продажа салатов, овощей на рынках, кобонди)

Изменения в социальной структуре, профессиональном составе и, в конечном счете, в финансово-имущественном положении корейцев, отражают общую тенденцию характерную для всего постсоветского населения. Среди корейцев, как и во всем обществе, условно выделяются три ассиметричных по численности социальных слоя: высоко-, средне- и малообеспеченных людей.

Стратегия выбора путей и форм диаспорных объединений. В советский период подавлялись всякие попытки самоорганизации этнических общин, в особенности диаспор, подвергшихся депортации.

За последние два десятилетия в постсоветских странах были учреждены десятки корейских ассоциаций, обществ и культурных центров, основная цель которых заключалась в возрождении корейского языка, народных традиций и обрядов, изучение истории Кореи и корейской диаспоры, развитие национальной культуры, искусства, литературы, укрепление культурных и экономических связей с Южной Кореей.

Стратегия в вопросах создания, руководства и реформирования корейских диаспорных объединений выражается в следующем:

- ускоренной разработки уставных и учредительных документов и форсированной регистрации в органах власти; Профессорский период.
- разделения на организации про-южнокорейской и про-северокорейской ориентации и параллельного существования;
- приоритетов этнокультурных и образовательных программ начального этапа корейских объединений;
- смены руководства корейских ассоциаций, передача управления от профессоров бизнесменам.
- на достижение консолидации, организационного укрепления и создания материально-финансовой основы корейских объединений;
- создания региональных (Центральная Азия) союзов корейских ассоциаций;
- получения государственного финансирования (в виде грантов, проектов, программ) деятельности корейских объединений;

Стратегия выбора идентичности и этнокультурных признаков. Эволюция национальной идентичности и этнического самосознания коре сарам происходила, как мне представляется, в следующих основных этапах:

- провинциальное самосознание корейских переселенцев на русский Дальний Восток;
- антияпонская борьба, коммунистическое движение и пробуждение национального самосознания;
- множественная идентичность (провинциальное, национальное, этническое, советское) периода национально-культурного строительства в СССР;
- сталинские репрессии и подавленное самосознание депортированного по этническому признаку народа;
- дремлющее самосознание в брежневский застой;
- перестройка, ренессанс этничности и формирование постсоветского диаспорного самосознания;
- радикальные изменения национальной идентичности и инновации в диаспорном самосознании постсоветских корейцев.

С развалом СССР и возникновением новых суверенных государств встала проблема смены идентичности. Миллионы людей задались вопросом: “Если я не советский человек, то кто же?” Кореяцы не составляли исключения, и перед ними стал вопрос выбора стратегии:

- стратегия принятия новой национальной идентичности, связанной с принятием гражданства суверенных государств и лояльности к государству и действующей власти;
- стратегия сохранения диаспорной идентичности – коре сарам и этнической идентичности – принадлежности к корейскому этносу.
- стратегия свободного выбора брачного партнера среди урбанизированных корейцев, выбора этнической идентификации в национально-смешанных семьях;
- стратегия выбора современного сеульского литературного языка в качестве «родного» языка и отказа от попыток возрождения родного койне «коре мар»;
- стратегия сопротивления внешним попыткам навязывания чуждой идентичности.
- стратегия сохранения синтетического культурного генофонда коре сарам, вобравшего в себя элементы корейской, русской, среднеазиатской и европейской культур.
- стратегия сохранения традиционных элементов материальной культуры, прежде всего в пище (национальная кухня в семье и обществе);
- стратегия консервации традиций, обрядов и обычаев коре сарам, в особенности в похоронно-поминальных ритуалах.

Стратегия выбора характера связей с исторической родиной. После развала Советского Союза и обретения независимости Республика Казахстан установила дипломатические отношения на уровне посольств с обоими корейскими государствами. Важную роль в первых контактах казахстанских корейцев с Югом и Севером стала играть кроме официальных правительственных органов созданная в 1990 г. Ассоциация корейских культурных центров Республики Казахстан.

Первоначально Северная Корея попыталась конкурировать с Югом за установление и развитие связей с казахстанскими корейцами. Однако вступление в середине 1990-х гг. северокорейского режима в полосу глубокого кризиса привело к тому, что Пхеньян был вынужден закрыть посольство в Алматы и отозвать своих дипломатов. Таким образом отношения с Северной Кореей не оставили заметного следа и Пхеньян не имел какого-либо влияния на корейскую диаспору.

С момента установления дипломатических отношений между странами и проживания и Южной Кореей коре сарам стали принимать активное участие в развитие двухсторонних связях в разных

сферах жизни: экономике, культуре, образовании, науке и т.д.

Стратегия корейских диаспор Центральной Азии и России во взаимоотношениях с исторической родиной направлена на достижение прочных партнерских отношений. Корейская диаспора может и должна сыграть роль медиатора, своеобразного живого моста соединяющего между собой страну проживания и исторической родиной - Корею. Корейцы постсоветского пространства проявляют устойчивую лояльность к стране проживания, ставшей для них родиной.

Из всех корейцев в бывшем СССР, лишь у некоторых представителей старшего поколения сахалинских корейцев (в силу исторических причин) лояльность к Корее доминировала над лояльностью к Советскому Союзу.

Несмотря на то, что современные корейцы в преобладающей части являются потомками переселенцев из северных провинций Кореи, они поддерживают живые и динамичные связи с Южной Кореей.

**За чтением спецвыпуска к 85-летию газеты
Коре ильбо**

Слово предоставляется великой труженице Вере Шин

Крушение Советского Союза кардинальным образом изменило эволюционный путь развития коре сарам и поставило перед ними множество задач по преодолению возникших актуальных проблем. Всю совокупность актуальных проблем корейской диаспоры в Казахстане можно группировать или классифицировать по ряду параметров. Набор таких проблем как забвение родного языка, исконных обрядов и обычаев, нехватка финансов для развития национальной культуры и т.п. стал уже стереотипным и декларируется повсеместно с незначительными вариациями. Такая постановка проблем носит практический и реальный характер. На концептуальном же уровне, с учетом как исторического опыта корейской диаспоры в бывшем Советском Союзе, так и реальности современной жизни в постсоветском пространстве выделяются две основополагающие парные проблемы. Первая пара: проблема всесторонней внутриэтнической консолидации и проблема дальнейшей межэтнической интеграции в новых политических и социально-экономических условиях. Вторая пара: проблема национального возрождения и проблема национального выживания как диаспорного образования.

4. 세 개의 이름과 하나의 운명 («선봉» - «레닌키치»- «고려일보»)

친애하는 동포 여러분!

오늘 우리의 민족 신문인 «고려일보»의 창간 90주년을 맞이하여 저는 우수토베의 작은 마을에 살았던 어린 시절, 여느 집들과 마찬가지로 당시 «레닌 키치»로 불리던 이 신문을 구독했던 기억을 떠올려 보았습니다. 어르신들은 신문이 나오는 날을 손꼽아 기다리셨고 신문이 나오면 그 내용을 한 줄 한 줄 정독하며 당시 어려운 시기를 살고 있던 소비에트 고려인의 사실적이고 편견 없는 이야기들을 공유하셨습니다. 그뿐만 아니라 당시의 엄격한 언론 검열에도 불구하고 우리의 삶을 그대로 투영하는 신문 기사에 대해 시간

가는 줄 모르고 열띤 토론을 벌이기도 하셨습니다.

«고려일보»는 고려인 사회의 역사를 비추는 거울과도 같습니다. 때문에 우리 신문에 대한 지적과 건의사항들은 우리에게 하는 지적과 다름 없습니다. 우리는 이를 통해 신문을 더 발전시켜왔을 뿐만 아니라 우리의 삶을 풍요롭게 하기 위해 더 치열하고 능률적으로 일할 수 있는 동기를 얻었습니다. 이렇듯 우리는 자신의 삶을 발전시키는 동시에 우리의 민족 신문을 발전시켜 왔고, «고려일보»는 언제나 고려인의 사회적 지위를 보여주는 바로미터가 되었습니다.

다시 한번 «고려일보»의 85주년을 축하드리며 벌써 10년 넘게 카자흐스탄 고려인 협회의 발행기관으로 애써주신 것에 대해서도 저 개인뿐만 아니라 우리 협회 모두의 마음을 담아 진심으로 감사의 말을 전합니다. 앞으로도 카자흐스탄의 다양한 신문 가운데 가장 우호적이고 영향력 있는 신문으로 발전해 나가시길 진심으로 기원하며 어려운 시기에 모두에게 힘이 되는 신문, 고려인 사회에서 일어나는 중요한 소식을 가장 빠르게 전달하는 신문이 되시길 바랍니다. 또한 이러한 모든 노력들이 고려인의 제 2의 조국인 다민족국가 카자흐스탄 민주주의 공화국의 이미지 제고에도 커다란 역할을 하게 될 것으로 기대합니다.

카자흐스탄 고려인 협회 회장
 김 로만

세 개의 이름과 하나의 운명

1. «선봉»: 러시아 최초의 고려인 신문 등장

러시아 내 고려인 신문의 탄생에 대해 이야기 하기 위해 먼저 고려인의 극동지역 이주가 어떤 원인에 의한 것인지 주목할 필요가 있다. 잘 알려져 있듯 첫 번째 원인은 경제적인 것이었다. 가난에 지친 사람들은 더 나은 삶의 터전을 찾기 위해 두만강을 건너 우수리스크로 이주했다. 최초의 고려인 이주민들은 1863년 티진헤 강에 정착했으며, 1869년에는 이미 4500명 이상의 고려인이 그 곳에 살고 있었다고 한다. 당시 러시아 제국 정부는 이주민들을 아무르강 유역의 포시에타 지역에 정착시키기로 결정한다. 이는 다른 이주민과 마찬가지로 고려인 이주민들이 러시아 극동지역 개발을 촉진할 것이라고 여겼기 때문이었다.

두 번째 원인은 1910년에 자행된 일본의 한일합방 때문이었다. 고려인 이주민들은 일본의 식민지배를 피해 러시아 동부로 탈출했다. 러시아 농업개발등기부에 따르면 10월 혁명이 발발할 즈음 연해주에 살고 있는 고려인의 수는 22만 5천 여명에 달했다고 한다. 고려인의 극동 지역 이주가 점차 확대됨에 따라 이주지에서의 고려인 문화 및 사회 풍속이 발현되기 시작했다. 그도 그럴 것이 이주민들 가운데는 농민뿐만 아니라 일본의 식민지배에 저항하기 위해 이곳에 정착하여 자신의 삶을 바친 지식인 층이 늘어났기 때문이다. 일본제국에 대항한 독립 운동은 다양한 방식으로 진행되었고 여러 민족기구들이 적극적인 활동을 펼쳤다. 그 중 가장 대표적인 기관으로써 1904년 창설된 «군민회»를 들 수 있는데 이 기구는 민족 교육, 수공업 발전, 민족의 독립 및 평등, 나아가 조국의 독립 쟁취를 위해 싸웠다. «군민회»에는 애국심으로 무장한 지식인, 농촌지주, 관리 등이 포함되어 있었는데 1909년부터 이들은 «신한 민보»를 발간하기 시작한다. 이 신문은 빠른 속도로 극동 지역 고려인 사회에 뿌리내렸다. 블라디보스톡 언론 검열기관의 정보에 따르면 1914년 극동지역에서 이 신문 138부가 등록되었다고 한다. 반면 한국에서는 일본 당국의 압박으로 인해 이 신문이 매우 제한적으로 배포되었다.

«신한 민보»는 일본의 압제에 대항한 혁명 전쟁에 조선의 애국자들이 힘을 모을 것을 호소하기 위해 신문에 다음과 같이 투고했다: «단결의 부족은 조국이 일본의 압제 하에 놓이게 된 후 자유를 향해 한 걸음도 옮기지 못한 주 원인이다. 그러나 향후에도 지금의 상황에서 벗어나지 않고 여전히 단결하지 않는다면 우리는

전 세계 모든 국가 앞에서 독립 민족의 권리를 잃고 일본의 노예로 전락하게 된다.»

«신한 민보»는 «영혼을 팔아버린» 매국노에 대해서도 신랄하게 비판하였다. 예를 들어 1911년 8월 한일 병합 1주년을 기념하여 전 총리대신이었던 이완용이 일련의 조선인 관리들과 함께 «베풀어준 성은»에 감사를 표하며 일본 천황에게 송덕표를 보내게 된다. 6개월 동안 이들은 무려 25만 명의 서명을 받아 총 53권의 책으로 묶어 친일신문인 «매일신보»를 통해 일본 신문인 «고쿠민»지 편집실에 보내어 황제에게 전달하였다. «신한민보»는 이를 두고 «송덕표에 적힌 글은 우리 조선인의 귀에 개 짖는 소리만도 못하게 들린다»고 비난했다.

이후 러시아 정부는 «군민회»의 활동을 크게 약화시켰다. 가장 근본적인 원인은 이들과 미국간의 관계 때문이었고, 기구 자체의 영향력이 커짐에 따라 많은 고려인이 반일활동을 계속하며 민족 사회에서 벗어났을 뿐만 아니라 개신교도인 채로 러시아정교에 스며들었기 때문이다.

이후 1911년 11월 블라디보스톡에서 «권업회»가 창설되어 연해주 고려인의 경제 이권을 보호하고 일본제국에 대항한 애국 선전활동을 펼쳤다. 이 기구가 창설될 무렵 회원의 수는 약 300여명에 불과했다. 그러나 1914년 여름 경에는 연해주 내 11개 대도시 및 일구 밀집지역에서 «권업회»의 지부가 문을 열었고 총 회원의 수도 8579명에 달했다.

«권업회»는 활발한 활동 가운데 하나로 블라디보스톡에 도서관을 열어 일요일 마다 고려인과 러시아인을 위한 수업과 토론회를 개최하였다. «권업회»의 하부조직으로 «고려인 청년회»가 조직되어 고려인 민족 학교 운영을 위한 물자를 모았다. 1912년 3월부터 «권업회»는 «권업 신문»을 발행하기 시작했는데 이 역시 고려인들 사이에서 큰 인기를 누렸다. «권업 신문»은 총 126호까지 발행되었다. 이 신문은 1914년 8월까지 발행되다 러시아까지 미친 일본 정권의 탄압 활동에 의해 폐간되었다.

1914년 8월 29일 한일 합방 조약이 공포되었을 때 폐간을 앞둔 «권업 신문»은 민족의 영혼과 자각심을 일깨우고 혁명 전쟁의 필요성을 강조하는 «오늘의 날에»라는 편집 기사를 실었다. 그 기사 내용은 다음과 같다: «조선인들이여! 오늘이 어떤 날인지 아는가? 오늘은 우리의 수 천년 역사가 끊어지는 날이요 수 백만 조선인들에게 노예 굴레가 씌워지는 날이다. 이 날은

우리의 삼천리 강산이 조각나는 날이다. 우리 중 그 누구의 가슴에 피가 끓지 않을 것이요 그 누가 가슴속에 고통을 느끼지 않을 것인가? 적이 우리 조국을 자신의 뒷마당에 가둬놓은 지 벌써 5년이 흘렀다. 만일 빼앗긴 조국에 대해 흘린 애국지사들의 통탄의 눈물이 식기도 전에 우리가 적의 칼 앞에 피 흘리고 쓰러지게 된다면, 용맹한 우리 민족이 가축과 다름없이 왜놈의 채찍에 맞는 신세로 전락하게 된다면, 또한 존재 가치를 잃은 우리 형제들이 세상을 방랑하는 신세가 된다면 그것은 모두 조국이 없기 때문일 것이다.»

1922년 소비에트 고려인 언론 역사에 진정으로 새로운 장이 열리게 되었다. 카자흐스탄 국립대학교 언론 역사학부 학과장으로 재직중인 역사학 박사 사금바이 코즈바예프에 따르면, «고려일보»의 창간시기가 «선봉»지의 발행이 시작된 때(1923년 3월 1일)가 아닌, 1922년 8월, 당시 백군이 점령하던 연해주 우수리스크주 아누친스크 지역 공산당 지도부가 고려인 민족 신문 «붉은기»(제 1호 발행 일은 8월 27일)를 발행하기 시작한 때라고 한다. «붉은기» 신문은 연말까지 총 4회 발행되었고, 블라디보스톡이 해방된 이듬해인 1923년 이 신문은 «삼불 이릴»이라고 명칭을 변경한 뒤 재 발행을 시작했으며, 이후 다시 «선봉»(아방가르드)이라는 이름으로 바뀌었다.

«선봉»은 원래 연해주 위원회 당 지도기관과 연해주 노동자 총 연합 그리고 공산당 총연맹 연해주 위원회의 인쇄물 관장 기관의 이름이었다. 이 신문은 1929년부터 1934년까지 하바로프스크에서 발행되었고 이후 다시 블라디보스톡에서 발행되기 시작했다. 현재 러시아 국립 도서관(구 레닌도서관)에는 «선봉»지 발행본이 보관되어 있다. 1923년 한 해 동안 총 34회에 걸쳐 신문이 발행되었고 1924년부터 한 주에 2차례, 1930년부터 31년까지 한 주에 3차례, 마지막으로 1932년부터 1935년까지는 일간지로 발행되었다. «선봉»지는 1928년에 2000부, 1929년에 3600부, 1930년에는 6900부로 꾸준히 발행부수를 늘려갔으며, 1931년에는 신문 발행부수가 1만부를 넘어섰다.

«선봉» 신문은 과거 민족 신문들의 경험을 토대로 고려인의 정체성 확립에 커다란 역할을 담당했다. 첫 해 신문 제작에 참여한 사람들은 이선, 이박초, 이활, 최호림, 박동희 선생 등이다. 30년대 초 이미 «선봉» 신문은 발행부수와 내용의 질 면에서 기존의 «문화», «새세계», «노동자», «적선», «노동신문», «레닌치», «스탈린의 길», «연해주 어부» 등의 신문을 앞질렀다

«선봉»신문은 의심할 여지 없는 혁신적 신문이었다. 1920년 당시 서울에서 발행되던 «조선일보»와 «동아일보»는 일본식 인쇄방식을 따르고 있었다. «선봉»신문도 초기에는 한국과 일본 신문처럼 기사를 오른쪽에서 왼쪽방향으로 썼지만 이후에는 왼쪽에서 오른쪽 방향으로 쓰는 방식으로 교체하였다. 이는 «선봉»신문의 제작방식이 외국의 것을 차용한 것이 아니라 자립적으로 변화한 것임을 증명한다. 뿐만 아니라 이를 통해 당시 «선봉»신문을 제작했던 편집위원들의 시각이 매우 진취적이었던 것도 알 수 있다. «선봉»신문의 최종호는 고려인 강제이주의 해 9월 12일에 발행되었다. 그 이후 소비에트 고려인 언론 역사는 상상을 초월한 고난기를 맞게 된다.

첫 번째 장을 마치며 극동 지역에 거주했던 고려인 사회가 강제이주 직전까지 7개의 신문과 6개의 잡지를 한국어로 발행하고 있었음을 강조하고 싶다. 이 밖에도 350여 개의 조선인 학교와 1개의 사범대학교, 그리고 수 많은 예술 극단이 매우 성공적으로 운영되고 있었다. 특히 예술극단의 경우 향후 등장하게 될 고려인 극장의 모태가 된다고 할 수 있다. 이처럼 강제이주 전까지 소비에트 고려인의 문화 및 사회적 삶은 매우 다채롭고 풍부했다. 안타깝게도 공식문서나 신문기사 어디에서도 강제이주 전후의 신문 편집부에 관한 정보는 찾을 수 없다. 오로지 일부 노인들의 기억과 증언에 따라 «선봉»신문의 첫 번째 편집장이 이선이었던 것이 전해질 뿐이다. 강제이주가 이루어지던 해 «선봉»신문의 편집국을 대표한 사람은 바로 최호림 선생으로 그는 이 신문의 6번째 편집장이 되었다. 당시 편집국에 근무했던 사람들의 말에 따르면 고려인 강제이주가 발생하기 직전에 최호림 편집장을 비롯한 모든 직원들이 소련 내부인민위원회에 의해 연행되었다고 한다. 하지만 편집국 직원 가운데 황동훈 농업부장만이 살아남아 신문사 재건의 기초를 다질 수 있었다. 그러나 얼마 안 있어 그 역시 스탈린 탄압정책의 희생양이 되었다. 이렇듯 이 시기는 비단 소비에트 고려인 언론사뿐만 아니라 소비에트 고려인 사회 전반에 매우 혹독한 시련을 안겨주었다. 이는 소비에트 중앙정부의 지나친 전체주의 검열정책과 자유로운 의사표현의 금지로 인한 것이었다.

2. «레닌키치»: 가치 있는 삶을 위한 투쟁

고려인이 중앙아시아로 강제이주 된 후 조선인 대학, 조선인 학교 및 라디오 방송이 순차적으로 폐지되었다. 카자흐스탄 이주 초기 고려인들은 남 카자흐스탄 지역(당시의 행정 구획에는 현재의 크즐오르다 지역이 존재하지 않았다)에 3개의 민족

신문을 발행하고 있었는데 하나는 공화국 신문, 나머지 두 개는 지역 신문이었다. 그러나 1938년 3월 크즐오르다 공산당 지역위원회 지도부는 «선봉»신문만을 남기고 나머지 신문들을 모두 폐간시키기로 결정한다. 초반에 «선봉»신문은 «자 리스»로 불렸으나 이후 카자흐스탄 공산당 중앙위의 결정에 따라 «레니키치(레닌의 깃발)»로 이름을 바꾸고 1938년 5월 15일부터 식르다리아 지역에서 매일 15회를 발행하는 체계로 가동되기 시작했다. «레니키치»의 첫 번째 편집장은 서대욱 선생이었다. 등록된 발행부수는 6천부였다고 하나, 실질적 발행 부수는 초기 2천부를 시작으로 4천부까지 늘었으며, 발행횟수는 주 3회였다.

하지만 카자흐스탄뿐만 아니라 우즈베키스탄 전역에 널리 퍼진 고려인에게 신문의 발행부수는 턱없이 부족했으며, 더군다나 한 지역에서만 신문이 발행된다는 사실, 신문크기의 축소, 2면 밖에 안 되는 페이지 수 등은 사람들의 불만을 불러일으켰다. 이에 신문 편집부는 장기간에 걸쳐 신문의 확장문제를 청원 하였고, 1940년 3월 21일 카자흐스탄 공산당 중앙위는 식르다리아 지역에서 크즐오르다 지역 규모로 발행 지역을 확장시켜주었으며, «카자흐스탄 공산당 크즐오르다 지역 및 도시 위원회 부속기구»라는 공식적 지위를 부여하였다.

이쯤에서 당시 고려인 민족 신문들이 어떤 조건하에서 발행되었는지를 상기해 볼 필요가 있다. 당시 고려인의 전반적인 삶과 문화는 그야말로 황폐화 되고 있었다. 수 백 명의 사람들이 소비에트 전체주의 정권의 폭정에 의해 탄압당하고 사라져갔다. 살아남은 사람들은 홍역, 이질, 장티푸스, 괴혈병 등의 끔찍한 질병들로 시달렸다. 이러한 상황에서 고려인 사회의 문화적 가치를 지키기란 거의 불가능한 일이었다. 1938년 9월 1일부터 71개의 소학교 34개의 중등학교 13개의 고등학교 등 총 118개의 고려인 학교가 문을 닫았고 카잘린스크에 있던 사범학교 역시 예외가 될 수 없었다. 1939년에 들어서서는 크즐오르다의 사범학교가 문을 닫았다. 또한 39년에는 극동지역에서부터 매우 소중하게 지켜져 온 조선어 문학작품이 사실상 전소되었다. 그 뿐만 아니라 17,000부의 한국어 교재를 포함하여 약 130여 종의 12만부에 달하는 교과서가 소멸되었다.

여기서 당시의 상황이 잘 묘사되어 있는 유명한 고려인 극작가이자 수필가인 한진 선생의 «공포»(«음력 달력의 페이지들» М. Совпис., 1990)라는 작품을 읽어 볼 필요가 있다. 이야기 속의 남자 주인공은 크즐오르다로 강제 이주된 조선인 사범 학교의 선생님이로 그가 근무하는 학교에 새로운 교장이

초청되며 갈등이 시작된다. 작품 속에 묘사된 그들간의 대화를 옮겨보았다.

«솔직히 말하겠습니다. 우리 학교가 곧 문을 닫을 거라는 소문이 돌고 있는데 그런 소문에 들은 적 있지요? 없나요? ...물론 소문은 사실 무근입니다. 그런데 «리»선생은 왜 이 학교의 교장으로 고려인이 아닌 나를 임명했는지 생각해 본 적 있습니까? 이 학교는 곧 공립학교가 될 겁니다. 차이를 알겠어요? 우리는 이제 국가에서 정하는 프로그램대로 움직이게 될 겁니다. 물론 가르치는 것도 다 러시아어를 사용하게 될 거고요. 어떤 식으로든 독자적인 행동은 용납되지 않을 겁니다...»

«리» 선생의 경우 걱정할 필요 없습니다.- 손 끝으로 파일을 두드리며 교장이 말했다. 당신은 러시아어를 사용하는 대학교를 졸업했고 한국어뿐만 아니라 러시아어도 잘하지 않습니까. 당신은 새로운 학교에서 일 할 수 있을 겁니다. 하지만 러시아어를 못하는 선생님들은 더 이상 우리 학교에 남아있을 수 없어요. 아시겠습니까?...

그래서 선생께 부탁이 있습니다... 분명 불만을 가진 사람이 나오겠죠. 그렇지만 나는 피해를 보는 사람이 최소화 되기를 바랍니다. 그러려면 내가 모든 상황을 예상할 수 있어야 합니다. 그래서 선생께 부탁 드리고 싶은 것이...

선생들 가운데 반대 운동을 선동하거나 문제를 일으킬 수 있는 자에 대해 나에게 미리 알려줄 수 있겠습니까? 진정한 소비에트 국민은 애국자가 되어야 합니다. 우리에게는 수 많은 적이 있고 누구도 절대적 열외는 될 수 없소. 내 말 이해하시겠습니까?»

교장이 이야기하는 동안 «리»는 계속해서 침묵을 지켰고, 대화가 끝난 뒤 완전한 혼돈 속에서 학교를 빠져 나왔다. 그러나 그의 침묵은 동의를 의미했다. 그는 문득 모스크바 대학교를 졸업한 자신의 친구 김선생을 떠올렸다. 김선생은 언제나 성적이 좋고 유능했다. 그러나 그런 그도 한 달 전에 체포 당해 지금은 행방을 알 수 없다. 그런데 이제 자신이 그들을 잡아들이는데 이용되는 밀고자가 되어야 한다니... 그는 문득 예전에 김선생이 자신에게 해준 이야기를 떠올렸다. 그것은 도살장으로 양을 몰도록 훈련 받은 염소의 이야기였다.

«주인은 염소가 양들을 가축 도살장으로 연결된 좁은 복도로 몰아 넣도록 가르쳤다. 양들은 스스로는 피 냄새가 배어있는 도살장으로 절대 들어가려 하지 않기 때문이다. 주인은 염소를 위해 복도 옆에 작은 문을 만들고 염소가 거기까지 양들을 몰아오면 재빨리 문을 열어 염소가 도망칠 수 있게 했다. 염소가 나가면 곧바로 문이 닫히고 복도에 남겨진 양들은 서로를 밀어내며 가축도살장까지 다다르게 되는 것이다.»

문득 «리»는 체포된 김 선생이 아무 의미 없이 이 이야기를 한 게 아니라는 것을 깨닫는다. «리»는 완전한 외로움과 공포 속에서 며칠을 보냈고 주말이 되어 아내와 함께 사람이 적은 이른 아침에 사우나로 향한다. 사우나를 하던 그는 갑자기 어찌면 이게 마지막 사우나가 될지도 모른다는 두려움에 사로 잡힌다.

«그는 자신의 건강한 신체을 보며 다시금 깊은 두려움과 절망감에 빠진다. 만일 무슨 일이라도 생긴다면 자신의 몸도 온전치 못하게 될 것이기에...»

사우나에서 돌아오는 길에 그와 아내는 상점 앞에서 신선한 식르다리아 잉어를 파는 것을 보게 된다. 마침 돈을 놓고 나온 «리»는 아내에게 줄을 서도록 하고 자기는 돈을 가지러 집으로 가는데, 도중에 학교 정문이 조금 열려있는 것을 보고 혹시 아는 동료가 있으면 돈을 빌리기 위해서 학교로 들어간 그는 교무실 안에서 상상치 못한 광경을 보게 된다. 술 취한 보일러공이 오래된 조선어 서적들을 모조리 화로 속에 넣어버리려 하는 것이었다. 그 책들은 고려인 선생들이 극동지역에서 가져온 매우 귀중한 것이었다. 거기에는 수십 권으로 이루어진 조선시대 백과사전 «문헌비고»와 한국의 지리서적인 «동국예지승람», 문법 교재인 «천자문», 이씨 왕조의 법전인 «태전천편» 등이 포함되어 있었다. «김»은 미친 듯이 달려가 그를 제지하며 이건 절대 불가능한 일이라고 설명했다. 그러나 보일러 공은 거친 말투로 이건 교장의 명령이라고 소리친다. 교장의 명령이란 게 이거란 말인가? 이젠 어떻게 해야 하나... 이 긴장된 순간에 보일러공의 아들이 들어와 아버지의 친한 친구인 바샤 삼촌이 길에서 차에 치였다며 다급히 아버지를 찾는다. «리»는 자기가 이 곳을 지킬 테니 다녀오라고 말하고 보일러공은 미심쩍은 눈으로 늘 입에 달고 사는 욕지거리를 내뱉으며 밖으로 나간다.

이후 «리»는 재빨리 모든 책들을 화학 실험실에 숨겨놓은 뒤 어떻게 해야 할지를 고민한다. 결국 그는 이 책들을 무명으로 대형 시립 도서관에 보내기로 결정하고 보일러 공이 아무것도 눈치채지

못하도록 건물에 있는 모든 신문과 종이 상자를 화로 속에 집어 넣는다. 아내는 마침 이웃여자를 만나 그녀에게 돈을 빌려 생선을 산 뒤 집으로 돌아오고 있었다. «리»는 무슨 일이 일어났는지를 아내에게 설명하고 집에 있는 돈을 전부 그에게 달라고 말한다. 이후 그는 커다란 두 개의 상자를 사서 학교 실험실의 소중한 조선어 서적들을 그 상자에 담고 잘 포장한 뒤 시장에 가서 그것을 수레에 싣는다. 이윽고 그는 짐꾼을 찾아 상자를 옮기게 한 뒤 그것을 역으로 보낸다. 화물 담당자인 수염이 덩수룩한 러시아 사내는 교활한 아시아인이 무슨 불법적인 일이라도 저지를까 의심의 눈초리를 보내지만 결국 짐은 무사히 통과되었고 «리»는 자신이 가지고 있는 모든 돈을 지불한다. 그러나 마지막 관문에서 예상치 못한 또 다른 어려움이 발생한다. 화물 발송을 위해서는 신분증이 필요한데 고려인에게 그런 것이 있을 리 없었던 것이다. 그러나 이때 아까 자신을 미심스럽게 훑어 보던 러시아인이 자신의 신분증을 «리»에게 빌려주어 결국 그는 책을 보낼 수 있게 된다.

«리»는 기쁜 마음으로 집으로 돌아왔고 다음날 저녁, 자신의 책들이 열차에 잘 실리는지 확인하기 위해 다시 역으로 간다. 당시 고려인이 역을 배회하는 것은 그다지 바람직한 일이 아니었기에 그는 새로 도착한 이주민들 사이에 몸을 숨기고 짐이 열차에 실리는 것을 바라본다. 창고 문이 열리고 화물트럭은 열차의 화물칸까지 짐을 옮긴다. 그는 자신의 상자가 화물칸 바닥에 옮겨져 묵직하게 쌓이는 것을 확인한다. 이후 화물지기가 손전등 불빛으로 화물이 안전한지를 마지막으로 확인하였고 기차는 서서히 속도를 내며 움직이기 시작한다.

«나의 소중한 친구여! 잘 가시오! 잘 살아야 하오! 우리 다시 만납시다 꼭 다시 만납시다... «리»는 소리 내어 중얼거렸지만 그의 목소리는 귀청을 울리는 기차의 포효 속에 묻혀 버렸다. 열차 마지막 칸의 붉은 불빛이 흔들리다 서서히 사라진다. 사방은 고요해졌고 그를 사로잡던 공포는 지쳐버린 이 고려인을 완전히 놓아주었다.»

이처럼 작가 한진은 우리에게 당시 역사적 문서들의 진실에 관하여 이야기 한다. 그리고 다시금 당시의 우리가 얼마나 치욕적인 삶을 사람들이 살아왔으며 그럼에도 불구하고 그 시기에도 항상 좀 더 가치 있는 것을 추구하며 자신의 후손, 그리고 민족의 밝은 미래를 위하여 모든 불의에 맞섰던 사람들이 있었음을 보여주고 있다.

다시 본론으로 돌아오자. 이처럼 거의 모든 조선 서적들이 일명 «교장의 지시»로 소멸 되었다. 이후 1953년이 되어서야 모스크바에서 «언어초급», «1학년을 위한 한국어 강독교재», «2학년을 위한 한국어 강독교재»가 출판되었고 1965년에는 타쉬켄트에서 «3-4학년을 위한 한국어 교재»가 출판되었다. 이것은 가히 역사적인 순간이라 할 수 있다. 그 이유는 이 책들이 80년대 말 그리고 90년대 초 고르바초프의 페레스트로이카와 소련의 정치변혁, 그리고 CIS 지역에 한국으로부터의 언어 교재가 들어오기 전 까지 소비에트 고려인이 이용할 수 있는 유일한 한국어 교재였기 때문이다. 이와 같이 1938년 고려인 학교를 완전히 폐지한 순간부터 1953년 흐루시초프의 «해빙기»가 시작될 때까지 학교에서는 사실상 한국어를 가르치지 않았다. 우리는 이 기간이 한국어 교육에 있어 얼마나 어두운 시기였는지 주목해야 한다. 왜냐하면 그러한 상황에서 모국의 문화를 접할 수 있는 유일한 방법이 바로 고려 신문이었기 때문이다. 소련시기의 언론 통제라는 커다란 장애물에도 불구하고 고려 신문의 역사적 가치가 큰 것은 바로 이러한 이유에서 이다.

당시의 형편없는 조건 속에서는 정상적인 신문 편집국이 존재할 수 없었고, 만일 존재한다고 해도 매우 형식적인 것일 수 밖에 없었다. 때문에 신문 편집국 «직원들» 사이에서 신문의 발행부수와 횡수, 편집국 직원의 수와 무엇보다도 번역직원의 수를 늘리자는 청원이 빠르게 힘을 얻기 시작했다. 이러한 청원은 1952-1953년에 더욱 커졌는데 바로 그 때부터 소비에트 정치 상황이 변화하기 시작했기 때문이었다. 잘 알려졌다시피 53년 «민족의 아버지»인 스탈린이 사망하고 흐루시초프의 «해빙기»가 시작되었다.

1953년 9월 9일 당시 신문 편집장이었던 남해룡은 매우 중요한 서신을 가지고 카자흐스탄 공산당 중앙위를 방문한다. 그는 편집국의 자료를 기반으로 1953년 신문 보급이 크즐오르다 지역-20%, 탈티코르간 지역 15%, 우랄스키지역 5%, 카쉬켄스키 지역 50%, 기타 우즈베키스탄 지역 10%로 이루어졌으며 이를 통해 80% 이상의 독자가 지역 외에 살고 있다는 것을 알렸다. «우리는 더 이상 다른 지역에 살고 있는 독자의 요청을 무시할 수가 없다»고 남해룡은 서신에 썼다. 고려 신문의 경우 농업분야에서 고려인이 달성한 성과를 선전해야 했기 때문에 편집국장은 이러한 점을 강조했다: «크즐오르다 농민들은 벼농사에 대한 기사를 원하고 탈티코르간 지역의 무재배 농민들은 무재배에 관해, 그리고 우즈베키스탄 독자들은 목화, 삼베(황마), 전규 재배에 관한 기사를 읽고 싶어한다. 그러나 지역신문 «레닌키치»

로는 기사가 여러 지역에 골고루 분포될 수 없다. 뿐만 아니라 2면짜리 신문으로는 역외 독자들의 수 많은 요청을 만족시킬 수 없다. 또한 이 신문은 공화국 및 전 연방 카탈로그에 포함되지 않기 때문에 구독신청이나 신문 배달에 어려움이 많다.» 편지에는 신문을 근본적으로 변화시켜 «레닌키치»를 공화국 혹은 전 연방 신문으로 만들고 크기와 페이지수를 늘리자고 제안되어 있었다.

여기서 우리는 조금 늦은 감이 있지만 당시 정부가 고려인 사회를 어떻게 생각했는지, 그리고 소비에트 사회 속에서 고려인 사회가 어떠한 위치와 기능을 하길 바랬는지 기억해 볼 필요가 있다. 이를 통해 고려인 신문이 당시 어떠한 역할을 해야 했는지 알 수 있기 때문이다. 아래는 당시 카자흐스탄 공산당 중앙위가 «레닌키치»의 활동에 관해 언급한 편지(1953년 7월 4일자)의 발췌문이다.

«카자흐스탄과 기타 중앙아시아 지역에 거주하는 고려인은 농업에 능하다. 때문에 이 신문은 농업발전과 콜호즈 생활 및 농기계 관련 문제에 큰 비중을 두고 있다. 신문은 정기적으로 «가축산업-견고한 식량 기반», «높은 수확률을 달성하자» 등의 표제로 컬렉션을 출판하고 있다. 특집 기사는 집단 농장의 조직 및 경제성 강화, 초원 운작, 농 기술의 효율적 사용, 토양 비옥도 개선 등을 다루고 있다. 신문은 우즈베키스탄과 탈티코르간 지역의 독자들을 위해 목화, 황마, 전구, 사탕무 재배의 모범 사례를 널리 알리고 있다.

또한 신문은 광범한 주제를 다루기 때문에 산업 종사자 및 철도 교통 종사자들도 이 신문을 통해 관련 정보를 찾고 있다. 올해만 해도 이 신문은 여러 기업인들과 노동자에 관한 기사를 실었다.

그러나 «레닌키치» 신문의 큰 단점 또한 존재한다. 이 신문에는 농업 및 농업의 주요 분야인 축산업에 관한 깊이 있는 논의가 부족하며 소비에트 건축에 관련한 문제도 다루이지 않고 있다. 또한 농업 선진일꾼의 경험을 전파하는데 부진하고 농업 조직 정관을 어긴 자에 대한 비판운동이 부족하다. 당 생활 및 이념작업 문제에 관한 자료도 적게 발행한다.»

실 상황은 이와 같았다. 즉 고려인은 당 정부에게 있어 그저 농 기구와 다름없었고 권리를 느끼거나 생각할 수 없이 오로지 일만 하는 존재였던 것이다. 다시 남해룡 선생의 청원으로 돌아가 보자. 남해룡 편집장의 강한 의지로 결국 그 제안이 수락되어 1953

년 11월 11일 카자흐스탄 공산당 중앙위 지도부는 «레닌키치를 지역신문에서 공화국 신문으로 격상»하는 방안을 채택한다. 그 구체적인 내용은 다음과 같다: 공화국 영토 내에 거주하는 고려인의 농업 분야 성과를 알리고 모범 사례를 널리 공유해야 함에 따라 카자흐스탄 공산당 중앙위는 다음과 같이 결정한다. 1954년 1월 1일자로 크즐오르다에서 한국어로 발행되는 신문 «레닌키치»의 지위를 지역신문에서 공화국신문으로 격상시킨다. 발행부수는 7000부로 정하고 발행횟수는 일주일에 5회, 신문 규격은 «프라브다»지의 형식을 따르며 총 4매로 구성되는 것으로 한다.

이것은 고려인 언론이 소련 사회에 속에서 자신의 존재 가치를 지키기 위해 이행한 힘겨운 싸움의 승리와 다름 없었다. 비록 형식상 «무 재배»와 «벼농사»를 내세운 것이었지만 당시 그 이외의 다른 방법은 찾을 수 없었다. 1946년부터 1966년까지 «레닌키치» 편집 조직 내에 전반적인 큰 변화가 일어났다. 바로 신문의 분과가 만들어진 것이다. 실상 1940년대까지는 신문 편집국 내에 분과라는 것이 존재하지 않았다. 처음으로 만들어진 분과는 선전분과와 농업분과였다. 1949년까지 당 생활, 막시즘과 레닌주의 선전, 산업, 교통, 농업, 노동-농업 보도 분과가 만들어졌다. 1954년에는 문화분과가 만들어졌다. 1960년 중반 «레닌키치» 편집실에는 5개의 분과가 존재했다: 당 생활, 선전, 산업과 농업, 문화 와 문학, 서신과 정보가 바로 그것이었다. 또한 신문은 타쉬켄트에 지부를 개설하고 카자흐스탄 북부와 남부 지역 및 우즈베키스탄, 키르기즈스탄, 타지키스탄 공산당의 타쉬켄트, 안디잔, 식르다리아, 쥐작스키, 사마르칸트 지역에 특파원 네트워크를 조직했다. 또한 60년대까지 «레닌키치»지는 한국어를 쓸 수 있는 폭넓은 대외 특파원층을 보유하고 있었다. 동시에 다양한 민족 출신의 러시아어 작가들과의 협력도 강화했다.

그 결과 고려 신문은 소비에트 사회 대내외의 경제, 정치 및 문화적 삶에 대한 다양한 측면을 독자들에게 폭 넓게 알릴 수 있었다. 또한 신문은 당이 요구했던 바대로 당시 콜호즈에서 이름난 뛰어난 일꾼들의 사례를 고려인 사회 내에 적극적으로 알릴 수 있었다. 이 콜호즈에는 크즐오르다 지역의 «아방가르드», «제3 인터네셔널», «기간트»와 탈티코르간지역의 «프라브다», 타쉬켄트 지역의 «정치분과», «들판의 별», «북쪽 등대» 등이 속했다. 또한 농업(벼 재배, 목화재배, 농기계 사용, 채소재배 등) 전문가들의 귀중한 생산 경험을 전파할 수 있었다. «레닌키치»는 농업 분야에서 일어나는 부정적인 면도 보도하여 고려인 사회에

경종을 울리기도 했다. 신문은 게으른 노동자, 함량 미달인 전문가 및 책임감 없는 콜호즈와 솅호즈 경영자들을 매섭게 비판했다.

시간이 지나며 편집국 내에는 또 다른 중요한 문제가 떠오르기 시작했다. 그것은 신문을 공화국 수도인 알마아타로 이전하는 문제였다. 신문 이전을 주장하는 데는 몇 가지 분명한 이유가 있었다. 첫째로 크즐오르다의 인쇄기술이 매우 형편없었고, 둘째로 라디오 혹은 전신을 통해 소 연방 및 국제 정보를 입수하는데 한계가 있었기 때문이다. 이러한 비효율적인 환경 속에서 당시 4면으로 발행되던 신문의 요구사항이 부응될 수 없었다. 전신을 통한 정보는 제때에 전달되기 어려웠고 인쇄관련 문제로 인해 때때로 신문이 일주일에 2회는 4면으로, 나머지 2회는 2면으로 발행되기도 했다. 며칠 동안이나 편집국과 당 중앙 위원회간의 전화연락이 끊기는 경우도 있었다. 이와 같이 1954년부터 1955년까지 «레닌키치» 편집국과 카자흐스탄 공산당 중앙위 간에 «레닌키치»의 알마티 이전에 관한 문제가 서신으로 논의되었다.

결국 1956년 2월 2일 카자흐스탄 공산당 중앙위 지도국은 «공화국 신문인 «레닌키치»를 크즐오르다에서 알마아타로 옮기는 것»에 관한 결정을 채택하였다. 그러나 이 결정은 탁상정책의 폐해로 인해 1978년이 되어서야 실질적으로 이행되었다. 이것은 22년의 세월이 지난 후였다.

다시 신문의 50년대 활동으로 돌아가 보자. 잘 알려져 있다시피 1956년 2월에 혁신적인 제 20차 당 총회가 열렸고 그 해 6월 30일에 당 중앙위는 «개인 및 개인의 행적에 관한 숭배 금지»라는 역사적 결정을 채택하였다. 이것은 내용상으로 국가 및 사회적 삶의 민주화의 시작을 의미하는 것이었다. 이에 따라 «레닌 키치»지의 편집국장인 남해룡은 1958년 4월 14일 카자흐스탄 공산당 중앙위 제 1서기관에게 추가서신을 보내게 된다. 이 편지는 소련 내 고려인 문화의 실상에 대해 이야기 하고 있는데 그 내용은 그야말로 경악할 만한 것이었다.

여기 몇 구절을 옮겨보겠다: «고려인 문화 기관 중 현재까지 남아있는 것은 오로지 크즐오르다의 «레닌키치»지와 작은 마을 우슈토베의 고려인 극장뿐이다. 카자흐스탄 어디에도 한국어를 가르치는 곳이 없고 그로 인해 고려인 후손들은 자신의 모국어를 알 수 있는 통로를 완전히 잃게 되었다.» 서신에는 또한 한국어로 된 라디오 방송과 잡지, 서적이 전무하다는 사실과 문화-교육 분야의 어떠한 행사도 진행된 바가 없다고 쓰여있었다. 실제로 당시 고려인의 민족 문화는 벼랑 끝에 놓여 있는 것과 다름없었다.

이어서 편집장은 서신을 통해 당시 상황을 고려할 때 다소 뜻밖이었던 제안을 한다. 그것은 바로 조각난 고려인 민족들을 집결시킬 수 있는 고려인 문화 센터를 알마아타와 타쉬켄트에 만들자는 것이었다.

남해룡은 계속해서 이 센터 내에는 신문, 라디오, 극장, 오케스트라, 잡지와 교과서 및 기타 문학작품을 출판할 수 있는 출판사 등의 문화 기관들이 설립되어야 한다고 덧붙였다. 또한 한국어를 가르치는 소학교와 중학교를 개설해야 하며 도시와 농촌의 고려인 젊은이들을 위한 한국어 수업을 진행해야 한다고 주장했다. 타쉬켄트와 크즐오르다에 한국어 및 한국문학 사범 학교를 세우고 카자흐스탄 국립대학교 언론학부 내에 한국어 학과를 개설해야 한다고도 언급했다. 다시금 말하지만 고려인의 요구에 대해서는 눈과 귀를 막고 있던 당시의 정권을 고려할 때 이는 가히 혁명적인 제안이었다.

마지막으로 남해룡 편집장은 이렇게 썼다: «나는 소비에트 고려인 문화 발전에 관한 문제가 더 이상 미룰 수 없는 매우 긴급하고 필수적인 것이라고 생각한다. 물론 모든 것을 한 번에 해결할 수는 없을 것이다. 그러나 희망을 가지고 이 편지를 드리는 것은 당이 이 긴급한 문제에 대해 관심을 가지고 적극적으로 협력해 줄 것이라 기대하기 때문이다.» 누구나 예상할 수 있듯, 이 제안들은 고르바초프의 개혁 시기가 지나서야 실현되었다. 그럼에도 아무런 기반도 없던 50년대(스탈린이 사망한 바로 직후)에 이러한 제안을 했다는 사실은 충분히 높은 평가를 받아야 한다.

«레닌키치»는 상기한 문화적, 세계관적 문제를 안고 있었을 뿐만 아니라 기술적인 문제 또한 가지고 있었다. 신문의 기술적인 문제들은 신문의 질과 발행부수에 직접적인 영향을 끼쳤다. 50년대 말부터 60년대 초까지 신문 발행부수가 현저히 줄어들어 당초에 계획한 9000부가 7900부로 축소되어 발행되었다. 카자흐스탄 공산당 문화부 장관의 메모에는 그 이유가 잘 설명되어 있다. ««레닌키치»지는 구식 기계로 인쇄되고 있기 때문에 기술적인 결함으로 인한 불량품이 많고 손으로 일일이 종이를 공급하는 시스템이기 때문에 매우 비효율적이다.» 당시 신문 편집에 참여했던 김선대 선생은 당시의 상황에 대해 다음과 같이 회고한다:

«극동지역에서 크즐오르다 지역으로 이주하면서 편집국 직원들은 신문인쇄를 위한 한국어 활자본을 가지고 왔다. 당시 상황을 고려할 때 이것은 굉장한 의미를 지닌다. 때문에 여기에

참여했던 조봉남, 지 알렉산드르, 채 발렌틴 등에 대한 정당한 평가가 이루어져야 할 것이다. 그들은 모국어 신문을 위해 개인을 헌신한 것이다.»

30년대의 «선봉»신문과 50년대 초의 «레닌키치» 편집국은 한국어 활자와 관련해 많은 어려움을 겪었다. 재정과 기술 기반이 약했기 때문에 인쇄담당 직원들은 말 그대로 가내수공업 방식으로 마모된 활자를 이용해 신문을 찍어냈다. 왜냐하면 그때까지도 자동 주조 식자기를 보유할 수 없었기 때문이다. 시간이 지나면서 활자는 마모되었고 신문의 글자들은 명확하지 않게 인쇄되었다.

또한 손으로 하는 작업은 엄청난 물리적 힘을 필요로 했기 때문에 많은 수의 직원이 요구되었다. 또한 큰 크기(A2)의 신문을 발행할 경우 시간도 많이 소모되었다. 언론을 엄격히 감시했던 소비에트 시절 «레닌키치» 편집국은 기사 내용에 대한 통제 뿐만 아니라 후진적 기술로 인한 어려움을 겪어야만 했던 것이다.

카자흐스탄 공산당 출판부는 1979년이 되어서야 «레닌키치»를 위해 6대의 일본식 사진식자기를 공급했다. 거기에는 인쇄용 제판기와 복사기, 활자인쇄기 등이 포함되어 있었다. 금속 활자를 일일이 손으로 작업하는 것과 비교할 때 사진식자기는 «레닌키치»에게 혁명과도 같은 변화였다.

«레닌키치»는 1980년 3월에 전면 사진식자기 시스템으로 들어갔다. 이때를 기점으로 금속으로 만든 한국어 활자인쇄 시스템은 역사 속으로 사라졌다.»

이렇듯 «레닌키치»는 정보입수의 어려움, 내용검열과 기술적 어려움에 시달렸지만 그럼에도 불구하고 소비에트 고려인 문화의 진정한 중심지였다. 예를 들어 신문은 많은 고려인 시인과 작가들이 자신의 시와 중단편 소설 및 희곡을 연재하며 서로 응집될 수 있는 장을 마련했다. 결국 신문은 정규적으로 한국어와 러시아어로 된 특별 문학지를 발행하기 시작했다. 거기에는 다양한 세대와 문학관을 아우르는 작품들이 포함되었다.

신문은 오늘날 널리 인정받는 여러 고려인 작가들의 양성소가 되었다. 제명희, 제기침, 한 아나톨리, 김기철, 김세일, 강태수, 연선현, 차연, 하장춘, 김광현, 우대국, 한진, 이건진, 명동욱, 양원식, 박현, 이전희, 박 미하일, 강 겐리에타, 강 알렉산드르 등의 작가들이 «레닌키치»의 활동을 통해 자신의 문학세계를 꽃피웠다.

신문은 또한 고려인 사회의 예술분야에 대해서도 보도했다. 발행 횟수가 늘어갈수록 신문 기사에 관한 독자와 예술가, 감독, 극작가간의 생동감 넘치는 대화가 활발히 펼쳐졌다. «레닌키치»는 독자들에게 고려극장 극단의 순회공연 및 «아리랑» 오케스트라의 전 연방 및 중앙아시아, 그리고 카자흐스탄 공연 일정에 자세히 알렸다.

이와 같이 신문이 발전해 감에 따라 내용의 질이 개선됐을 뿐만 아니라 엄격한 검열 속에서도 출판물의 장르가 다양해졌다. 한국어 출판물 장르 형식의 발전은 러시아의 직접적인 영향력 아래에서 이루어졌다. 때문에 신문을 통해 소비에트 고려인 문학언어가 발전하고 러시아 및 기타 민족들의 언어를 흡수하면서 어휘구조를 더욱 풍부하게 만들 수 있었다.

물론 «레닌키치»의 발전에 누구보다도 큰 역할을 한 것은 세자욱, 그리고 여러 번 언급된 남해룡, 송진과, 김중길, 김광현 선생 등 신문 편집장들이다: 이들의 활동은 다양한 메달과 훈장 및 정부 칭호 수여 받는데 큰 역할을 했다. 또한 «레닌키치»의 모든 편집장들은 적극적인 사회-정치 활동가이기도 했다. 예를 들어 남해룡 선생은 수 년에 걸쳐 카자흐스탄 노동당 크즐오르다 지역 노동 위원회의 의원직을 겸하기도 했다.

그러나 동시에 신문은 여러 해결되지 않은 문제들을 안고 있었다. 가장 큰 문제는 신문이 독자층을 크게 잃었다는 것이었다. 이러한 상황에서 편집국은 한국어를 배우고자 하는 독자에게 신문 페이지를 통해서 한국어를 가르쳤다. 그러나 이러한 결정은 소비에트 상황 하에서 제대로 진행될 수 없었고 1988년 3월 5일 «페레스트로이카»시절이 도래해서야 «레닌키치»에 처음으로 한국어 수업란이 실렸다. 비록 신문이 지속적인 독자층을 보유하고 있긴 했지만 신문을 구독하는 사람 중 많은 비율이 습관적으로 혹은 가족 전통에 따라 «레닌키치»를 구독했다. 이는 곧 형식적인 독자의 수가 실질 독자의 수를 훨씬 웃돌았다는 것을 의미한다.

만일 고려인 청장년층을 독자층에 포함시킬 수 있었다면 독자층 감소세는 중단될 수도 있었을 것이다. 그러나 «레닌키치» 편집부에는 청년을 위한 분과가 없었다. 마치 고려인 사회에는 모두 다 노인들만 존재하는 것처럼 말이다. 따라서 신문에는 청년층의 관심을 끌 수 있는 기사가 거의 전무했다.

또한 당시 남사할린에서 발행되던 «레닌의 길» 신문 편집국과의 상호관계도 전혀 이루어지지 않았다. 그들과의 협력이

큰 가능성을 가지고 있었음에도 말이다. 예를 들어 보도 및 번역 기술의 완성을 위한 기술적 경험을 교류하는 형태에서도 양측이 나눌 수 있는 부분은 무한했다. 또한 다른 발행매체와의 교류에도 큰 관심을 두지 않았다. 이것은 자료를 번역할 때 이중작업이 필요하게 만들었다.

시간이 지나가며 «레닌키치»의 가장 큰 문제 중 하나로 떠오른 것이 바로 문학적 한국어를 구사할 수 있는 번역가의 전문적 양성 부족이다. 만일 30-50년대 모든 편집국 직원들이 언론 교육여부에 관계없이 회화뿐만 아니라 문학적 한국어를 구사할 수 있었다면 70년대 초에는 소수의 사람만이 모국어로 글을 쓸 수 있었다. 다음은 언론인 예브게니 최 선생이 어떻게 이 문제를 해결하려 했었는지를 회상하는 글이다.

70년대 중반 신문 편집국은 새로운 기자 및 번역가를 교체하는 작업에서 거의 폐간 직전까지 이르는 매우 어려운 상황을 겪었다. 우리는 백방으로 해답을 찾기 위해 애썼고 사할린에서 새로운 직원을 영입할 수 있었다. 사할린 동포들(잘 알려진 대로 이들은 조금 늦은 시기인 1939-1945년 일본인들에 의해 이주한 사람들이다)에 의해 물론 모든 소비에트 고려인이 부정적인 영향을 받긴 했지만 결과적으로 민족 학교가 더 오래 유지되었기 때문에 모국어가 잘 유지될 수 있었다.

편집국에는 러시아어를 하는 고려인 기자들이 충원되었다. 알마아타로 신문기지가 옮겨진 뒤 알마아타는 모든 고려인 문화의 중심지가 되었다. 즉 극장, 신문 및 라디오가 설립되었고 이 곳을 기점으로 중앙아시아 전 공화국에 특파원 기지망이 설립되었다. 이러한 상황은 고려인 사회의 분리현상을 극복하고 그들의 단결을 이끌었다.»

«레닌키치»의 단점에 대해 말할 때 신문이 당시 소비에트 고려인에게 일어났던 인종문화적 변화를 완전히 반영하지 않았다는 점을 들 수 있을 것이다. 이를 극복하기 위해 소비에트 고려인들의 역사에 관한 학술적 자료를 출판하는 일이 활발하고 집중적으로 이루어졌다. 이것은 역사학자 김승화와 인종학자 좌필가시노바, 이오노바, 언어학자 김 O.M, 유 I. 및 다양한 역사 사회학자들의 연구로 발현되었다.

이전까지 «레닌키치»가 소비에트 고려인 역사에 대해 관심을 가진 것이 단편적인 성격이 강했고 많은 부분 극동지역의 소비에트 정권 수립을 위해 애쓴 유명한 고려인 공산당원들(알렉산드라 김

(스탄케비치), 홍범도 등)의 기념일과 관련된 것이었다. 그러나 60년대부터는 고려인 노동자들의 극동지역에서의 혁명 및 빨치산 운동에 대한 대거 참여, 고려인 농촌의 집단화, 고려인의 중앙아시아 및 카자흐스탄으로의 강제 이주에 관한 자료를 출판해야 한다는 역사적 필요성이 무르익었다. 이에 따라 단일 소비에트 사회주의 국가 속에서 발생한 고려인의 사회-문화적 변화 과정에 관한 연구도 포함되었다.

이제 결론을 내보자. 소련시대를 향한 지나친 향수에 빠지지 않기 위해 과거 신문 편집국 직원이었던 양봉식 선생의 냉정한 반성의 이야기를 전해본다. 그는 우리가 «레닌키치»의 소비에트 시절이라고 명하는 시기가 고려인 작가와 언론인들에게 있어 어떠한 시기였는지에 대해 썼다. «카자흐스탄 고려인 문학에 관하여»라는 그의 기사 발췌문이다:

첫째로 고려인 작가(여기서 «고려인 작가»라 함은 한국어를 구사했던 작가와 언론인을 말한다-작가 주)들은 창작과 주기적인 인쇄 매체(«레닌키치»를 제외한)에 참여하기 위한 가장 기본적인 기회도 가질 수 없었다. 때문에 자유롭게 자신의 작품을 출판할 수 없었다.

둘째로 작가들의 창작을 위해 중요한 방향을 설정해줄 수 있는 한국어 구사 전문 비평가가 존재하지 않았다.

셋째로 고려인 작가와 언론인들의 창작 과정에 언어적인 문제가 크게 영향을 끼쳤다. 한국어로 쓰긴 쓰되 그것을 읽고, 이해한 뒤 정당한 평가를 내려줄 사람은 많지 않았다. 한국어로 잘 쓰여진 작품들도 한-노 번역 전문가의 부재로 인해 러시아어 사용 독자들에게 소개될 기회가 없었다. 독자층의 인정이 없는 작가는 자신의 창작 과정에서 극복할 수 없는 침체기를 맞게 된다. 이것은 모두 기술적인 문제에 의한 것이었다. 기술적인 문제가 그럴진대 고려인 작가 작품의 심의 및 이념적 부분에 대한 검열은 어떠한가?

넷째로, 고려인 작가들에게는 다른 러시아 혹은 카작인 작가들에게 허용되었던 기본적인 권리조차도 허락되지 않았다. 예를 들어 한국어 작가들에게는 «소비에트»라는 수식어가 없는 «조국»이라는 표현이 금지되었다. 만일 고려인 작가들이 이를 어겼을 경우 검열기관은 이를 민족주의 성향의 발현으로 받아들여 조국에 대한 «범죄적» 향수라고 치부했다. 때문에 불운한 고려인 작가들은 소비에트 활동에 대해서만 이야기 할 수 밖에 없었다.

다섯째로 고려인 작가들은 부정적인 인물에 대해서 어떤 성을 달아야 할 때 큰 고심에 빠져야 했다. 만일 고려인 작가의 예술 작품에 나오는 부정적 인물이 러시아 혹은 카작인의 성을 가진다면 이 작품은 심의기관에 의해 각각의 민족에 대한 반발로 받아들여졌다.

때문에 고려인 작가들은 의도치 않은 실수를 저지르지 않기 위해 극도로 조심해야 했다. 이러한 경계는 여러 형태로 작가들의 창작활동을 제한하였고 작품의 사회-철학적 갈등을 유발했다. 이 이유로 인해 고려인 작가의 작품에서는 소소한 생활적 주제나 매우 좁은 가족 드라마 정도만 다뤄질 뿐이었다.

여섯째, 고려인의 운명이 그러했듯이 고려인 작가들의 활동 역시 커다란 자유의 제약을 받았다. 고려인 작가 중 그 누구도 전문 작가로 활동하지 않았다는 것은 고려인 문학을 규정하는 하나의 특징이다. 대부분의 작가는 «레닌키치» 편집국의 문학분과에서 일하거나 고려 극장의 문예부문 담당자로 일했다. 나머지는 대학교, 초중고등학교, 타 신문의 편집국 또는 문화 관련 기관에서 일했다.

결론을 내보자. 이와 같이 압박 받던 고려인 작가들의 내부적 자유의 구속은 기타 주류 소비에트 국민들의 제한보다 훨씬 컸다. 이러한 부자유와 세계관 형성의 제약은 신문을 제작하는 편집위원들의 사고 속에 항상 존재할 수 밖에 없었다는 것이 바로 양봉식 선생이 전하고자 하는 핵심이자 우리가 절대 잊어서는 안 되는 기억인 것이다.

그 이후엔 어떻게 되었을까? 1985년 소련 내에서 고르바초프의 개혁 움직임이 막 시작되었을 때만해도 카자흐스탄에 대한 중앙정부의 전통적인 정책은 변화가 없었다. 이는 곧 1986년 알마아타에서 발생한 12월 사태의 원인이 된다. 이 사태는 공화국 내의 민주화 과정에 기폭제로 작용하였고 결국 공화국은 독립과 주권회복을 맞이한다. 이 상황 속에서 고려인의 민족적인 부활 운동이 시작되었다. 이것은 물론 모든 과거의 꾸준한 노력이 있었기에 가능한 것이었다.

이러한 혁명적인 역사적 배경하에 1987년 4월 20일 공화국간 신문인 «레닌키치» 편집장인 이노켄티 한은 카자흐스탄 공산당 중앙위에 서신을 가지고 찾아간다. 그는 다시금 오랜 역사적 단절을 지나(남해룡이 처음으로 이를 시도 한 건 1958년이였다!)

고려인 문화와 언어의 부활에 관한 문제를 다시금 들고 일어난 것이다. 특히 그는 카자흐스탄의 고려인은 사실상 자신의 모국어를 잊어버렸으며 그로 인해 신문 편집부에 모국어를 배울 수 있게 도와달라는 고려인의 요구가 빗발친다는 점을 강조했다.

«독자들은 이러한 요청을 담은 편지를 편집국에 보냅니다.»-라고 그는 썼다. «왜냐하면 그들에게는 이 외에 다른 방법이 없기 때문입니다» 계속해서 그는 다음의 질문을 던졌다 «카자흐스탄에서 한국어를 배우려면 어떻게 해야 할까요?» 그리곤 스스로 답한다. «방법이 전혀 없습니다! 고려인 어린이들이 있는 어떤 학교와 도시, 그리고 농촌마을에서도 모국어를 가르치지 않습니다. 이미 40년대에 카자흐스탄 내의 마지막 고려인 학교가 문을 닫았습니다. 오늘날 55세 이하의 고려인들은 한국어를 쓸 줄 모르고, 현재 공화국 내에는 한국어 선생님과 교재가 전무합니다»

한 편집장의 편지에는 한국어 교육이 얼마나 처참한 상황에 놓여 있는지 그리고 어떤 방법을 통해서 이 상황을 타개할 수 있는지에 대해 자세히 나와있다. 그는 크즐오르다, 침켄트, 줍불, 알마아타 와 탈티코르간 지역의 학교에 다니는 고려인 어린이들에게 한국어를 가르칠 것을 제안하였고 그것을 위한 한국어 교사 양성의 필요성을 피력했다. 그는 알마아타에 있는 아바이 카자흐스탄 사범 대학 하에서 한국어 교수 양성 그룹을 열 것과 구식 교과서를 개편하여 재 발간할 것을 제안했다. 사실상 그러한 조직은 만드는 것은 신문 편집부의 인력문제 해결에도 도움이 될 수 있을 뿐만 아니라 고려인 라디오 발전문제에도 긍정적인 영향을 끼칠 것이었다. 왜냐하면 그들 역시 인력이 충분치 않았기 때문이다. 모든 현지 특파원들은 러시아어로 글을 썼다. 한국어로 글을 쓰고 번역할 수 있는 기자와 편집부 직원들은 보통 48세 이상의 중년으로 그 수가 총 10명에 지나지 않았다. «5-10년 후에는 이 사람들이 모두 퇴직하게 될 것이다»라고 한 편집장을 썼다. 그는 이러한 상황이 계속될 경우 머지 않아 카자흐스탄 내에서 이 신문을 발행할 수 없게 될 뿐만 아니라 발행하더라도 독자가 사라질 것이라고 강조했다.

또한 그는 한 가지 매우 중요한 문제를 언급했다. 그는 소련 내 고려인이 몇 가지 중요한 역사적 원인으로 인해 한반도의 한국인들과 삶의 방식과 정신, 전통 및 문화적인 부분에 있어 약간의 차이를 가지게 되었다고 말했다. 물론 공통점이 없는 것은 아니지만 말이다. «이러한 변화는 지금도 일어나고 있고 돌이킬 수 없는 흐름입니다. 저희가 볼 때 이 과정은 학문적 분야에서도 굉장히 중요한 가치를 가지는 것입니다. 이와 관련하여 카자흐스탄

공산당 아카데미 내에 2-3명으로 구성된 역사-민족학 그룹을 만들어 이 변화 과정을 연구하는 것이 좋을 것입니다. 더군다나 이러한 문제는 아직까지 소련 공화국 내 어디에서도 이루어지고 있지 않습니다.» 이러한 그의 제안은 구 소련 사회의 고려인 정체성을 찾는 과정에 있어서도 가히 혁명적인 것이었고 이후 전연방 수준까지 올라가 매우 커다란 성과를 냈다.

이 편지에서 언급된 문제들은 카자흐스탄 공산당 중앙 위원회에서 심리되었다. 이후 아카데미와 교육부, 중고급 전문 교육기관부, 공화국 예산부 등의 지시가 내려졌고 그에 기반하여 후속 제안들이 도입되었다. 이 작업은 거의 일년간 지속되었고 29장의 문서자료를 남겨 폐쇄한 상황에 놓여있던 고려인 문화와 언어 문제를 부각시켰다. 이후 고려인 아이들이 공부하는 학교에서 한국어를 가르치는 것에 대한 문제가 제기되었고 그 밖에도 고려인 신문과 라디오를 위한 전문 교사 및 번역가 양성, 한국어 교재 및 문학서적, 카자흐스탄 고려인의 역사, 민족학, 문화를 연구하는 학술팀 구성 등의 문제가 다뤄졌다. 이와 같이 «레닌키치» 편집국장의 편지는 많은 부분에 있어 카자흐스탄 뿐만 아니라 전 CIS권 고려인의 민족적 부활의 신호탄이 되었다고 할 수 있다.

만일 1937년의 이주부터 페레스트로이카가 이루어진 1987년까지 약 50년간의 지난 소비에트 시절을 총괄한다면 전반적으로 이 신문은 소련 사회에서 고려인의 가치 있는 삶과 동시에 모든 제약과 법, 금기 및 가치에 대한 혹독한 그러나 끊임없는 투쟁의 시기라고 할 수 있을 것이다. 결국 «레닌키치»의 이러한 노력은 높이 평가 받아 1988년 민족 우호 훈장을 수여 받기에 이른다. 이윽고 1991년 이 신문은 고려인 국제신문 «고려일보»로 새롭게 명명된다

3. 고려 일보: 자유의 체험

이렇듯 «고려일보»는 다시금 이름을 바꾸고 «선봉»지에서 발전된 소비에트 고려인들의 신문인 «레닌키치»의 후계자가 되었다. 그렇기 때문에 한반도 역외에서 발행되는 동포 신문 가운데 가장 오랜 역사를 가지게 된 것이다. 러시아어로 신문명을 번역하자면 «고려인들의 일간지»라는 의미를 나타낸다. 그러나 «레닌키치»의 발행주기는 일주일에 5회였는데 고려일보의 발행주기는 1달에 4회 정도로 줄어들어 그 명칭을 «고려주보», 즉 «고려 주간지»로 바꿔야 할 상황이다. 이 가운데 매달 발행되는 4호 중 하나는 «고려»라는 이름아래 러시아어로 제공된다. 바로

이 «고려»지의 경우 발행되는 내용과 질 면에서 혁신적인 변화가 있었다. 이것들은 오늘날 고려인 언론사에서 이미 신문장르의 고전으로 받아들여지고 있다.

다시금 이러한 제안들이 보리스 알렉산드로비치 김 기자가 편집에 참여했던 «레닌키치»에서부터 시작되었다는 것을 상기할 필요가 있다. 80년대 말 그리고 90년대 초 고려인은 자신의 역사와 문화, 언어에 대한 관심이 폭발했고 조국에 대해 목말라 했다. 때문에 이 역사적 순간에 신문 편집부 지붕 아래 젊고 대담한 작가들이 모여든 것은 우연이 아닐 것이다. 이 작가들 가운데 몇몇은 이후 자신과 자신의 작품을 전 세계에 알렸다. 바로 이들이 언론인 발렌틴 천, 클라라 임, 알렉세이 반, 타티아나 천, 유리 차, 레라 최, 그리고 작가이자 시인인 미하일 박, 알렉산드르 강, 스타니스라브 이, 학자와 역사, 철학자들 중 게르만 김, 발레리 한, 사진작가 빅토르 안, 화가이자 디자이너인 스바토슬라프 김, 영화평론가 딜라라 타스블라토바 등이다. 이 그룹을 이끄는 것은 보리스 김으로 얼마의 시간이 지난 후 클라라 림이 그 자리를 메꿔 러시아어 판 «고려»의 편집장이 되었다.

보리스 김이 당시가 얼마나 놀라운 시기였는지를 다음과 같이 회상한다:

«고려» 이전에도 신문에 러시아어 지면이 있었다. 이 것이 처음 시작된 것은 1989년 «레닌키치»가 일주일에 5회 A2용지 즉 소비에트 정권의 주요 신문이자 다른 신문들의 절대적 표본 역할을 담당하던 «프라브다»지 형식으로 발행되었을 때이다.

1989년 3월 첫 러시아어 지면이 우리 신문에 등장했다. 그것은 신문의 1/4를 차지했고 한 달에 한 번 실렸다. 그러한 형식이 1991년 신문이 «고려일보»로 명칭을 바꿀 때까지 지속되다가 그 이후 러시아어 신문은 독립된 신문으로 떨어져 나와 매주 토요일마다 주간지 형식으로 발행되기 시작했다.

러시아어 판이 나오기 시작하며 우리 편집부는 독자들로 하여금 엄청난 편지 세례를 받게 되었다. 그 중 이러한 변화에 대해 반대의 입장을 편 사람은 하나도 없었다. 이처럼 1991년 우리 신문 역사에 새로운 페이지가 쓰여졌다. 이 사건에 대한 명확한 평가는 시간이 내려줄 것으로 보이지만 현재까지는 매주마다 발행되는 러시아어 판 신문이 구소련 고려인에게 아주 많은 것을 의미한다고 말할 수 있다.

이 신문은 구세대가 기억하지 못한 것들에 관한 것까지 이야기하기 시작했다. 예를 들어 나의 부모님의 경우 고려인의 강제이주에 관한 질문을 던지면 침묵을 지키거나 이야기를 다른 쪽으로 돌리려고 하셨다. 당시까지만 해도 고려인 이주는 우리 사회에서 금기 시 되는 테마였다.

1991년부터 발행되기 시작한 주간지 «고려»는 일종의 신문 속의 신문으로써 12명의 직원과 편집국장으로 이루어졌다. 그러나 총 관리는 단일한 총 편집국장이 내렸고 그는 «고려»지의 일에 방해하지 않고 토요일 호를 담당하는 자신의 대리자에게 모든 신뢰를 보냈다. 이로써 독립적인 신문의 모습을 하게 된 것이다.

«고려»지는 100호 이상 발행되었다. 이 시간 동안 신문은 커다란 호응을 얻었고 독자들은 한 줄 한 줄 세심하게 기사를 정독했다.

«고려»지에는 젊지만 전문적인 지식을 가진 인력들이 모여들었다. 이 신문에 참여한 몇몇의 이름만 대도 기사의 질을 가늠하기에 충분할 정도라고 생각한다. 바로 이 시기에 유명한 작가이자 수필가인 미하일 박, 알렉산드르 강, 역사학자 게르만 김, 동화작가 젠리에타 강 등의 인사들이 리포터, 전문 통신원, 문학부 기자로 참여했다.»

아래는 «고려»지에 관한 알렉산드르 강 작가의 감성적인 회상이다. 여기에는 당시의 정신, 분위기, 상황들이 잘 전달된다.

«당시 우리는 완전한 자유를 느끼며 신문을 만들어갔습니다. 사실 이런 건 자주 경험하게 되는 것이 아닙니다. 동시에 창조적인 작업에 있어서도 큰 성공을 거뒀습니다. 어찌면 당시의 우리는 이것이 무엇인지 완전히 이해하지 못했을 지 모르지만 우리는 (유교적 의미에서) 가장 수준 높은 자신의 모국의 민족 신문을 만들었던 것입니다. 우리가 늘 추구하는 열정의 절대충분요건이 되는 그것을 말합니다.»

만일 러시아 문학이 고골의 외투에서 시작되었다고 말한다면 러시아어로 쓰여진 고려인 문학과 언론은 «고려»라는 외투에서 시작되었다고 말씀드릴 수 있을 것 같습니다. 개인적으로 저에게 있어 «고려»지에서의 작업은 고려인이라는 세계에 대한 진정한 몰입을 가능하게 했습니다. 물론 소비에트 상황에서 허락된 수준과 방법에서였지만요.

기사와 문예란, 그리고 인터뷰를 통해 저는 이전 세대와의 만남을 가질 수 있었습니다. 그들의 표정과 때때로 알아듣기 힘든 러시아어를 본능적으로 이해해 가며 저는 고려인 역사의 모든 극적인 순간들과 크고 작은 사건을 통해 고려인 사회를 더욱 이해할 수 있었습니다. 현명한 우리의 선조들은 자신의 낮추거나 권력과 부 앞에 비굴해 지지 않으면서 쉽지 않은 삶의 고개를 넘어왔습니다.

물론 그런 삶을 산 분들이 많지 않은 것은 사실입니다. 어떤 민족이든 영웅은 많지 않으니까요. 그러나 이러한 소수의 영웅들 덕분에 (여기에서 영웅이란 모든 것에 맞서 자신을 지키는 자를 포함합니다) 저는 슬기롭고 너그러운 마음으로 가치 있는 삶을 살지 못한 사람들과도 관계하는 법을 배웠고 지금도 그것을 실천하며 살고 있습니다. 그렇습니다. 삶의 지혜가 선사한 포용력이 그것을 가능하게 했습니다. 그것은 누구나 결국에는 어떠한 민족을 만들어 나가는 구성원이라는 사실을 깨닫게 한 것입니다.»

앞서 보리스 김이 언급했듯 «고려»지는 100호를 조금 넘겼다. 즉 그러한 자유로운 정신과 낭만적인 환경의 경험이 그리 오래 지속되지 않았다는 의미이다. 시대가 빠르게 변함에 따라 초기의 낭만적 분위기는 눈 앞에서 사라지고 구 소련의 야생적 환경 속에서 살벌한 생존 경쟁이 시작되었다. 개방 초기의 경제적인 어려움으로 인해 대다수의 정규 및 비정규직 러시아어 작가들은 신문을 떠날 수 밖에 없었다.

일부는 사업가가 되었고 다른 누군가는 카자흐스탄을 떠났으며 나머지, 예를 들어 우즈베키스탄의 통신원들은 소련 붕괴 후 순식간에 «외국인»이 되어 타국 신문의 편집실에서는 공식적으로 일 하기 어려운 처지에 놓였다.. 구 소련 국민의 삶에 있어 경제는 절체절명의 중요한 요소가 되었고 안타깝지만 앞으로 이어지게 될 우리의 이야기는 당시 신문의 심각했던 경제적 어려움을 회상하는 내용이 될 것이다.

실제로도 당시의 상황은 정말 비참했다. 당시에 «고려일보» 편집장을 맡고 있던 서용환은 자유라는 감각에 취해 훗날 실수였음을 깨닫게 된 전략적인 실수를 저지르게 된다. 그것은 바로 국가 보조와 예산지원에서의 완전한 독립을 결정한 것이다. 이 결정을 통해 공식적으로 신문은 완전히 독립적인 매체가 되었다. 당시 모든 소비에트 민족이 그토록 바랬던 언론 독립은, 그러나 어디까지나 독립적인 자금운용을 기반으로 하는 것이었다.

그러나 편집장의 계산방식은(그런 계산이 있었을지 의문이지만) 절대적으로 비합리적인 것이었다. 왜냐하면 당시 편집국에는 아무런 재정적 기반과 여유자금이 존재하지 않았기 때문이다.

독자적인 활동을 막 시작했을 무렵에는 신문의 창립멤버였던 전연방 소비에트 고려인 협회의 부회장 호 운배 선생이 큰 재정적 도움을 주었다. 이로써 «고려일보»는 발행을 이어나갔지만 사실 이것은 완전한 형태가 아니었다. 일주일에 5회였던 발행부수가 3회로 줄어 들었다. 이러한 상황을 타개할 새로운 해결 방안으로써 다시금 매주 토요일 러시아어 주간지를 발행하자는 결정이 내려졌다. 이는 한국어를 못하는 많은 독자들을 고려함과 동시에 과거 «고려»신문이 누렸던 인기를 되찾고자 하는 기대감에 의한 것이었다.

그럼에도 불구하고 당시 90년대 카자흐스탄의 경제 상황 악화로 인해 신문은 점차 불안정해지기 시작했다. 오랫동안 편집국에서 근무하던 직원들뿐만 아니라 한국어를 구사하는 기자 및 번역가들이 신문을 떠났다. 그들은 각각 알마티와 카자흐스탄 혹은 러시아를 떠나 한국 회사, 교회 선교단에 들어가 프리랜서 통번역가로 활동하였다. 그들의 새로운 보수는 그들이 신문 편집국에서 일하며 받았던 액수는 훨씬 웃도는 것이었다. 신문의 발행부수는 재앙적으로 떨어졌고 소련붕괴직전 12000-15000부를 기록했던 것이 1993년 말에는 구독자 수가 400명까지 줄어들었고 실질적인 발행부수는 100-150부 이하까지 떨어졌다.

실상 경제 위기는 소비에트 시기에 발행되던 거의 모든 국가 신문에 악영향을 끼쳤고 많은 신문들이 폐간되었다. 소련의 붕괴와 새로운 독립국가 탄생은 독립국들 사이와 심지어는 한 국가 지역간의 수직, 수평적 관계를 돌이킬 수 없을 만큼 무너뜨렸다. 생활수준의 하락과 신문 가격의 상승, 우편배달체계의 붕괴는 신문 운영에 심각한 피해를 초래했다. 슈퍼인플레이 속에서 발생된 인쇄 비용의 지나친 상승은 신문사의 지급 불능상태를 초래했다. 예를 들어 1991년 초 신문의 발행과 배달 비용이 150만 루블이었다면 그 해 말 이 액수는 10배 이상 상승해 1200-1500만 루블을 기록했다.

물론 이러한 객관적인 이유 외에도 편집국의 자체적인 실수들이 있었음을 인정하지 않을 수 없다. 예를 들어 예전에 신문을 구독하던 회사들은 이후 사실상 모두 구독을 중단했다. 왜냐하면 과거 소비에트 시절의 경우 신문 구독이 일종의 정치적인 참여로

받아들여졌고 성공적인 정치 참여를 위해 각종 회사와 기관들의 책임자들은 엄격하게 이를 관리했다.: 학교에서부터 콜호즈에 이르기 까지 말이다. 그러나 이러한 시스템이 붕괴되자 이들은 자발적으로 새로운 정치선전이나 광고를 하려 하지 않았다.

«고려일보»의 존폐가 걸린 당시의 심각한 상황에서 뜻 밖에도 한국 정부가 도움의 손길을 내밀었다. 고려신문 편집국에 선뜻 10만 달러를 지원한 것이다. 그러나 안타깝게도 이 재정지원은 이전에 개인이나 회사에서 지원되었던 자금과 동일하게 지도부의 비논리적 방식에 따라 사용 되었다. 쉽게 말해 주최측에 의해 비정상적으로 사용된 것이다.

이러한 모든 부정적인 사건들은 신문의 위상과 재정 상황에 악영향을 끼치지 않을 수 없었다. 1992년 말 «고려일보»는 발행을 중단하고 일시적으로 폐간되었으나 그 해 하반기 다시 일주일에 한 번 16면으로 재 발행 되기 시작했다. 신문 내용의 반은 한국어로 반은 러시아어로 인쇄되었다.

다행히 1994년부터 신문활동에도 개선의 움직임이 보이기 시작했고 발행부수도 4000-5000부를 기록하기 시작했다. 그럼에도 불구하고 경제적인 어려움은 여전히 남아있었다. 특히 신문 구독료의 지속적 인상으로 인해 신문 구독률이 매우 낮다는 데 문제가 있었다. 1998년 1월 1일 당시의 신문 구독료는 1742 텡게였다. 예를 들어 80년대 중반 신문의 연간 구독료가 평균 월급의 5%가 안 되는 수준이었다면 10년이 지난 후 그 금액이 월급 혹은 월 연금액의 거의 절반에 달하게 상승한 것이다. 더군다나 1998년부터 신문의 보급이 카자흐스탄 내부에서만 가능하도록 묶어버렸다. 왜냐하면 연방 공화국 간의 우편체계가 완전히 무너져버려서 은행간의 상호결제가 되지 않았고 신문을 배송할 경우 수수료가 지나치게 높게 책정되었기 때문이다.

1997년 하반기부터 16면짜리 «고려일보»(A3규격)가 12면으로 축소 발행되었다. 더군다나 1998년까지 정부는 «고려일보»를 포함한 국가 신문에 일정한 재정 원조를 해왔다. 당시의 정부 보조금은 편집국이 정상업무를 위해 필요로 하는 최소한의 운영비 중 60%를 차지하는 금액이었다. 그러나 1999년 초부터 카자흐스탄 정부는 이 보조금은 큰 폭으로 삭감하여 기존 예산액의 30% 수준으로 감소시켜 버렸다. 이러한 이유로 «고려일보» 편집국은 편집직원의 수를 최소화하고 신문 지면을 12페이지에서 8페이지로 줄였으며 발행횟수도 월 4회에서 월 2회로 축소했다. 이렇게 비정상적인 상태로 신문 발행이 몇 개월간

지속되었다. 그럼에도 불구하고 매달마다 상황은 악화일로로 걸었다: 신문 발행과 건물임대로 인한 부채는 늘어만 갔고 편집국 기자들은 몇 달째 월급을 받지 못했다. 이러한 어려운 상황에서 다시금 한국측에서 지원이 들어왔다. 주 카자흐스탄 한국 대사관의 최승호 대사가 편집국에 적지 않은 자금 지원을 해 준 것이다.

1999년 말 카자흐스탄 문화부는 모든 국가 신문의 사유화라는 결정을 채택하였는데 «고려일보»역시 예외가 될 수 없었다. 이제 신문의 모든 권한이 개인의 손에 맡겨지게 된 것이다. 당시 카자흐스탄 고려인 협회는 «고려일보»를 인수하겠다는 의사를 표명했다. 그러나 신문의 미래를 걱정한 몇몇의 편집위원들은 이러한 제안을 거부했다. 이들이 정부의 결정에 불만을 표한 데에는 몇 가지 이유가 있었다. 첫째로 국가 신문을 사유화 할 경우 신문의 권위가 추락한다는 이유였다. 실제로 «선봉»에서 시작하여 «레닌키치», 그리고 초기의 «고려일보»까지 신문은 전연방 신문이라는 지위를 가지고 있었고 소련 붕괴 이후에는 전CIS권을 아우르는 신문이었다. 만일 이를 사유화 할 경우 신문은 카자흐스탄 고려인 협회의 개인소유물이 될 것이고 그들이 그렇게도 얻으려고 노력했던 독립성을 잃게 될 것이라는 우려였다. 당시 편집위원들은 카자흐스탄 고려인 협회 지도부가 누구를 신문의 총 편집장으로 임명하려 했는지 잘 알고 있었다. 바로 개인 사업자인 김 빅토르였는데 그는 한번도 기자나 대중매체 분야에서 일한 경험이 없었기 때문에 과연 그가 올바르게 그리고 전문적으로 신문사를 경영할 수 있을지 의구심을 가진 것이다. 결국 신문사 편집국은 신문 사유화 과정에서 자신들의 이름으로 공개 입찰에 참여하게 되고 자금 문제는 차후에 해결하려고 했다. 그러나 입찰권을 따내기 위해서는 일정한 재정적 기반이 있어야 하는데 당시 그들에게는 어떠한 재정기반도 없었다. 결국 카자흐스탄 고려인 협회가 입찰에 성공하게 되고 첫 번째 신문 편집국장인 앞서 예상했던 대로 빅토르 김이 임명되었다.

이와 같이 고려인 신문의 험난했던 역사에 새로운 장이 열리게 된다: 2000년 1월 1일부터 «고려일보»는 카자흐스탄 고려인 협회의 소유가 된다. 새로운 편집장은 약 반년의 기간 동안 예정대로라면 24회 발행했어야 하는 신문을 단 5차례 발행하였고 그것도 불필요하게 광택이 나는 종이를 사용한 컬러판 신문이었다. 편집장의 운영 스타일과 방법, 직원을 대하는 태도 그리고 한국어를 비롯해 한국 문화와 역사에 대한 무지는 신문 발행 작업에 부정적인 영향을 끼쳤다. 결국 편집국의 상황은 최악까지 치달아 마지막까지 남아있던 기자들이 모두 신문을 떠나는 상황이 발생한다. 결국 고려인 협회 지도부는 빅토르

김을 편집장의 직위에서 해제하기로 결정한다. 차기 편집장으로 임명된 사람은 알렉세이 반으로 90년대에는 «고려»지에서 이후에는 기타 대표적인 카자흐스탄 신문사에서 일한 경험이 있는 전문 기자였다. 그가 임명된 후 신문사의 상황은 경제적인 부분뿐만 아니라 내용적인 면까지 크게 개선되었고 예전과 같이 매주 한 차례 16매 흑백신문으로 발행되기 시작했다. 그럼에도 불구하고 낮은 발행부수는 해결되지 않았다. 2001년 하반기 신문 발행부수는 더 축소되어 1000부를 겨우 넘기는 수준까지 이르렀다. 이와 관련하여 카자흐스탄 고려인 협회 지도부는 신문 편집국에 신문 발행부수를 향후 2-3년 내에 1만부까지 높이고 이를 통해 신문을 독자적으로 운영하도록 지시한다.

알렉세이 반과 모든 직원들은 이를 위한 계획을 세웠고, 이후 협회 지도부에 그것을 제시해야만 했지만 지도부와 의견의 꺾여 관계와 마침 외부에서 제시된 좋은 제안 때문에 반 편집장은 신문사를 떠나기로 결정한다. 임시적으로 편집장의 직위를 맡은 사람은 알렉세이 반의 대리인이었던 김선대로 한국어를 구사하는 기자이자 과거 편집국에서 일한 경험이 있는 사람이었다.

차기 편집장으로 임명된 사람은 기자인 유리 차로서 그 역시 90년대 «고려»지에서 일한 경험을 가지고 있었다. «고려일보»에 오기 전 그는 카자흐스탄 문학지 «쁘라스토르»의 책임 비서역할을 담당하고 있었다. 부분적이긴 했지만 국가 예산이 꾸준히 지원되었고 카자흐스탄 고려인 협회도 투자를 해준 덕분에 신문사의 경제 상황은 조금씩 개선되었고 신문은 안정적으로 규정에 맞게 발행되기 시작했다.

그러나 신문의 내용은 여전히 지역적 수준을 벗어나지 못했고 재미있지 않았으며 때때로 질이 떨어지는 비전문적 기사나 시기를 놓친 기사가 실리기도 했다. 여기서 주목해야 할 것은 구 소련의 제약으로 인해 피할 수 없었던 고려인 언론의 좁은 세계관과 언어적 문제라는 질병은 완치되기는커녕 더욱 부풀어 올라 유리 차 시기에 와서 신문을 잠식하기에 이른 것이다. 그 결과 발행부수는 카자흐스탄 고려인 협회 지도부가 도저히 용납할 수 없을 만큼 떨어졌다. 그 결과 유리 차 역시 신문의 위상을 높이는데 실패하고 편집장 자리에서 내려오고 말았다.

이후 신문의 편집장 자리에 오른 사람은 조용근으로 사할린의 출신의 문학적 한국어를 구사하는 사람이었다. 그는 오랜 기간 라디오 방송국에서 한국어를 가르치는 프로그램의 담당자로 일했고 그와 함께 러시아어판 카자흐스탄 신문에서 일하던 젊은

기자인 미하일 박이 투입되었다. 이들에게도 역시 동일한 과제, 즉 신문의 수준과 질을 높이고 발행부수를 늘리라는 주문이 들어왔다. 자신의 경험을 토대로 이들은 부분적으로 이 문제를 해결했으나 바로 그 부분적인 것으로 인해 고려인 협회는 여전히 부족함을 느꼈다. 결국 협회는 젊은 기자인 콘스탄틴 김에게 편집장 자리를 맡기고 2009년 말부터 직위를 수행하도록 했다.

소련 붕괴 이후 이렇게 잦은 편집장 교체를 설명하기 위해 한국학 센터장이자 교수 그리고 역사학자인 게르만 김의 논문을 눈여겨 볼 필요가 있다. (Quo vadis «고려 일보»? 전 편집위원이자 애독자의 고찰) 게르만 김은 IREX “중앙아시아 디아스포라 대중매체와 인터넷”이라는 프로그램의 일환으로 고려인 신문을 연구했다. 그는 2004년에 진행된 자신의 연구 논문에서 다음과 같이 썼다.

«1. 신문이 두 개의 언어로 출판된 시점부터 시작합니다. 특히 한국어가 4면, 러시아어가 12면을 차지해 비율적으로 1대 3이 된 시점 말입니다. 한국어로 인쇄를 계속하는 것이 필요한가에 대한 문제는 제가 보기엔 논의할 필요가 없는 주제라고 생각합니다. 아무런 기반 없이 러시아와 우즈베키스탄에서 시작된 새 신문은 이후 러시아어 기사를 인쇄하기에 이릅니다. 우리 신문에는 또 다른 역사가 있습니다. 그것은 이 신문이 한국어로 발행된 가장 오래된 신문 중 하나라는 것입니다. 역설적인 것은 최근 몇 십년간 한국어로 글을 읽을 수 있는 독자의 수가 훨씬 늘어났다는 것입니다. 한국 학부 졸업생과 재학생의 수가 이미 수 백 명이 되어가기 때문입니다. 덧붙여 카자흐스탄에 지속적으로 거주하는 한국인들의 수도 수 백 명에 달해 이들을 신문의 한국어 기사 독자로 포함시킬 수 있습니다. 또한 고려인 1세대들은 한국어를 읽을 수 있습니다. 물론 여기서 짚어볼 문제는 있습니다. 실제로 한국어를 자신의 모국어로 인정한다는 것이 그것을 자유롭게 구사한다는 것을 의미하지는 않는다는 점입니다. 보통 한국어로 글을 읽는 수준과 읽은 것을 이해하는 수준까지는 엄청난 간격이 있다고 합니다. 때문에 한국어로 된 기사는 독자 타겟을 정해야만 한다고 생각합니다.»

이를 고려할 때 «고려 일보»에 한국 신문과 잡지, 인터넷 혹은 박용식씨가 발행하는 «한인일보»에서 발췌한 기사를 싣는 것이 과연 합리적인가 라는 질문을 던져 볼 수 있습니다. 우리 신문의 한국 기사를 읽거나 혹은 읽게 될 한국 독자들에게는 카자흐스탄과 우리 고려인 사회의 역사, 정치, 경제, 문화에 관한 기사가 더 흥미로울 수 있다고 생각합니다.

독일 신문인 «프로인드샤프트»(현재는 «도이체 알게마이네»로 이름이 바뀐)는 소비에트 시절부터 발행되어 현지의 방언과 이야기, 우스갯소리 및 노래를 소개하는데 초점을 두고 있습니다(지금 말하는 것은 신문 전체에 관한 것이 아니라 지면과 표제 등에 관한 것 입니다). 나이든 어르신들은 신문에 쓰여져 있는 것이 «자기의 언어가 아니»기 때문에 이해하기 어렵다고 종종 불평하시곤 합니다. 이것이 바로 제가 편집위원들에게 고려 말로 된 기사를 넣어야 한다고 주장하는 이유입니다. 7-8년 전 저는 로숨 킹 교수님과 함께 고려인 어르신들을 만나 다양하고 재미있는 이야기를 들었던 적이 있습니다. 당시에 들었던 «성취» 콜호즈 출신 아쉬 삼촌의 사냥 이야기 하나만 해도 몇 달치 기사는 충분히 나올 거라고 생각합니다. 더군다나 일상회화에서 쓰이는 고려말은 매우 생동감 넘치고 풍부하다는 것을 기억해야 합니다. 왜냐하면 그 속에는 러시아어와 카작어 단어에서 한국어로 변형된 표현들이 포함되어 있기 때문입니다. 고려 극장 역시 고려 말로 이루어진 무대를 꾸며 관객들의 높은 호응도를 이끌어 낸 경험을 가지고 있습니다. 한국어를 배우는 학생과 일반인들을 위해 저는 두 언어를 동시에 배치하여 마치 카자흐스탄의 러-영 신문처럼 발행하는 방안을 채택해야 한다고 봅니다. 한국어 속담, 격언, 노래 등을 러시아어 번역본과 함께 실어도 좋을 것입니다. 이와 같이 한국어 부분은 기존의 독자와 향후 예상 독자를 3그룹으로 나눠 그에 맞게 편집해야 한다고 봅니다.

2. 다음은 신문의 러시아어 부분에 관한 것인데 아직 다 완성되지는 않았습니다. 여기서 전혀 새로운 무언가를 발명할 필요는 없을 것입니다. 과거 «레닌키치» 편집자들이 각 분과를 농업, 문학, 문화 및 기타로 나눴던 것을 상기해 봅시다: 지금은 이러한 구분이 없는데 저는 특색 있는 분과가 필요하다고 생각합니다. 현재까지 분명하게 고려된 것은 한국 뉴스 만화경과 젊은이들을 위한 페이지 등 두 가지 입니다.

먼저 주요 부문을 정한 뒤 기사를 모으고 인쇄를 준비하는 것이 가장 합리적일 것입니다. 저는 지역문제를 일정 부문으로 할당할 것을 제안한 바 있습니다. 즉 카자흐스탄 고려인 협회 지부 소식을 실어야 한다는 것입니다. 카라간다, 타라즈, 크즐오르다, 침켄트 및 기타 도시에서 편집국으로 현지 고려인의 삶을 담은 기사와 사진을 보내고 그것을 편집해서 실는 것입니다. 고려인이 많이 거주하는 도시의 지역 기사를 포함시키자는 의견도 제안했습니다. 그러나 안타깝게도 그 어떤 제안도 편집국에 의해 실행에 옮겨지지 않았습니다.

또 한가지 지적할 점이 있습니다. 보통 독자들은 습관적으로 신문의 맨 앞장과 맨 뒷장을 먼저 확인하는 경향이 있습니다. 만약 «고려일보»의 맨 앞장이 독자의 관심을 끌지 못한다면 나머지 16면은 아무 의미 없는 페이지가 될 지도 모르는 일입니다. 또한 «책 소개»면은 매 호마다 똑 같은 책을 소개하는 데 이는 매우 성의 없고 무의미해 보입니다. 그 책 외에도 충분히 읽을 가치가 있고 흥미로운 책들이 많이 있을 거라고 생각합니다. 반대로 이 부분을 매달 한 번만 신는 것도 방법이 될 수 있습니다.

3. 무엇을 신문에 담을지 결정하기 위해서는 무엇보다도 자신의 독자를 연구하는 게 필요합니다. 편집국은 최근 한 번도 독자 세미나를 열거나 독자들의 의견을 묻는 앙케이트를 하지 않았습니다. 카자흐스탄 고려인 협회가 사회 활동 차원에서 실시한 앙케이트를 제외하고는 말입니다.

최근 들어 유명한 카자흐스탄 신문과 잡지에서 한국인 기자들의 이름을 자주 만나게 되는데 그럴 때마다 왜 이 사람들이 자신들의 민족 신문에는 글을 쓰지 않는 건지 궁금해집니다. 스스로 원하지 않는 건지 아니면 신문 측에서 제안을 하지 않는 건지... 이해하기가 어렵습니다.

마지막으로 세가지 민족 언론매체의 활동을 지적하지 않을 수 없습니다. 신문과 텔레비전 그리고 라디오를 말씀 드리는 것 입니다. 이들의 활동을 보노라면 크릴로프의 유명한 우화 속 주인공들이 떠오릅니다. 바로 «백조와 가재와 물고기»의 이야기 입니다. 각각의 주인공들은 다른 이를 무시하고 자기 식으로만 문제를 풀어가다 보니 결국 모두의 노력이 아무 소용 없이 끝나게 된다는 이야기 입니다. «고려사람» 프로그램에서 시작된 신문발행 리뷰가 방송이 나간 후 얼마 지나지 않아 슬그머니 자취를 감춥니다. 반면 신문에서는 다음 텔레비전 방송에서 무엇을 다룰지 실린 적이 없습니다.»

이와 같이 김 게르만 교수는 신문의 내용과 효율성에 관한 몇 가지 지적 사항을 도출했다. 새로운 신문 편집국은 여기에 충분한 관심을 기울여야 하며 «고려일보»의 콘텐츠를 분석하는 장기적인 작업을 실행해야 함에 분명하다. 페레스트로이카 이후 그 어느 편집장도 하지 못한 작업을 이제는 해내야 한다는 것이다.

이외에도 독자와 작가 등 고려인 사회를 구성하는 다양한 계층의 사람들이 각각의 제안과 건의를 제안할 수 있을 것이다. 그러나 우리 민족신문의 85주년을 맞이하는 오늘날만큼은 잠시

이러한 자기 반성의 작업을 미뤄두고 가까운 미래와 먼 미래 우리 신문에게 가장 좋은 것이 함께하기를 빌며 «고려일보»의 끊임없는 성장을 기원해 본다.

4. 결론: 세 개의 이름과 하나의 운명

«세 개의 이름과 하나의 운명»이라는 이 글의 제목처럼 역사의 변혁에 따라 우리 신문은 3가지 다른 이름으로 불렸다. 이것은 신문의 힘겨웠던 생존 노력과 모든 금기와 제한에 대한 극복 스토리이자 그것에 대한 진정한 가치 평가를 의미하기에 진정으로 중요한 것이라 하겠다.

이제 오늘을 살아가는 «고려일보»의 독자와 작가들은 우리의 민족 신문에게 무엇을 바랄 수 있을까? 물론 가장 가까운 사람을 대하듯 무병장수를 빌 수 있을 것이다. 이는 곧 스스로에게 그것을 기원하는 것과 다름없을 것이다. 왜냐하면 신문은 역사적 시간과 끝없는 유라시아 공간 속에서 잊혀져 버린 우리 자신, 고려 사람이자 우리의 반영, 즉 우리 고려인 사회의 초상이기 때문이다.

우리 신문의 험난했던 역사적 발자취를 기억하며 이 이야기를 통해 우리 신문에 대한 나의 끝없는 사랑과 애정을 전한다. 진정으로 이 신문이 아름답고 내실 있으며 현대적이고 깊이와 섬세함을 동시에 겸비한 언론으로 거듭나길 바란다. 물론 정신과 물질적인 면에서 모두 부유해지길 기원한다. 그리고 그것을 위해서 신문은 곧 우리이며 우리는 곧 신문이라는 것을 다시금 강조하고 싶다. 우리는 더 열심히 더 효율적으로 일해야 할 것이다.

알렉산드르 강은 «고려일보»에 관한 자신의 의견을 제시하며 우리 민족 신문의 진정한 의미와 역할을 깊이 있고 분명하게 표현하였다.

«나는 우리 민족신문인 «고려일보»의 의미와 역할이 매우 단순한 동시에 복잡하다고 생각한다. 이는 곧 역사적 공간과 시간 속에서 고려인의 진정한 초상을 만드는 일인 것이다. 좀더 본질적으로 말하자면 민족혼의 진정한 형체를 만드는 작업을 의미한다.

따라서 우리가 이렇게 끊임없이 고찰하고 있는 고려인의 길은 세계와 자신, 자신의 지인과 자신의 동포를 만들어가는 길이다.

이는 자신의 영혼과 마음을 고양하고 완성하는 과정을 통해 얻을 수 있다.

바로 여기에서 나는 고려일보의 존재가치와 역할을 찾고 있다. 이것은 신문 스스로를 고려인의 운명과 동일하게 결부하는 것이요 그의 운명을 고려인의 길과 고려인의 심장과 단일한 조국의 심장으로 연결 짓는 것이다.

끝으로 우리는 우리 모두가 고려인의 운명과 고려인의 심장과 고려인의 길을 만들어 가는 요소라는 것을 이해해야 한다. 모든 지위의 높고 낮음, 삶의 기쁨과 불행 여부, 개인의 능력의 유무에 상관없이 모두가 하나를 만들어 가는 것이다. 상기한 가치들은 우리 모두에 의해 얻어지고 또 우리 모두를 통해 지속되는 것이다.

이제 우리는 어디를 향해 가야 할까? 한때 조국의 역사 속에서 분리되어 버린 우리는 어디로 가고 있나? 위대한 시인 노발리스가 노래했듯 인간이 종국에 돌아갈 곳은 바로 고향이다. 그리고 이 길과 이 그리움, 형성과 극복, 쓰러린 상실감과 행복한 성취감, 그리고 결국 집으로의 회귀하는 이 모든 과정은 끝없는 것이리라!»

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Уважаемые коллеги!

От всей души поздравляю одно из старейших в Казахстане изданий - газету «Коре ильбо» с 90-летием! Это значимое событие не только для корейской диаспоры и национальной газеты, но и для всего журналистского сообщества. Единицы отечественных изданий могут похвастаться такой богатой, интересной и в то же время трагической историей.

Ваша газета прошла непростой путь, но она смогла сохраниться и выжить. Судьба газеты «Коре ильбо» является примером стойкости, верности своему народу.

90 лет – это очень солидный срок, но за все это время газета «Коре ильбо» не утратила своей значимости, она развивается в профессиональном плане. Сегодня «Коре ильбо» - яркий представитель национальных средств массовой информации Казахстана.

Желаю всему коллективу редакции «Коре ильбо» творческих успехов, новых свершений и верных читателей!

*Сагымбай Козыбаев,
президент Академии журналистикъ Казахстана*

Дорогие коллеги!

Искренне желаем, чтобы нынешняя энергичная и талантливая команда «Коре ильбо» оставалась на высоте, продолжая традиции старейшего корейского печатного издания на пространстве СНГ.

Сегодня на Вашу долю выпала ответственная и увлекательная миссия – помочь Ассоциации корейцев Казахстана в осуществлении новой концепции деятельности общественного объединения, направленной на укрепление авторитета, уверенности в своем будущем на земле Казахстана наших соотечественников.

Уверен, что у Вас это получится - журналисты газеты, чье дело Вы продолжаете, всегда были предвестниками всего нового в обществе.

Желаем, чтобы газета «Коре ильбо» всегда радовала читателей своей актуальностью, содержательностью, оригинальностью и просто профессионально выполненной работой!

*Валентин Чен,
главный редактор газеты «Российские корейцы»*

Рожденная в бурное для страны время

Поздравляю вас со знаменательной датой - 90-летием со дня выхода в свет первого выпуска газеты «Коре ильбо».

Рожденная в бурное для страны время, пройдя вместе с ней через победы и свершения, трудности и испытания, газета всегда оставалась уважаемым и авторитетным изданием, которому верят, чей свежий номер с нетерпением ждут каждую неделю.

Сегодня, как и много лет назад, ваша редакция «Коре ильбо» является одним из важнейших источников и носителей информации и бесспорно играет важную роль в жизни граждан Казахстана. И это закономерно, ведь на страницах газеты всегда есть место для различных точек зрения и свободной дискуссии по самым важным проблемам современности. Такая популярность и общественная значимость издания - заслуга серьезной, подлинно творческой работы команды талантливых профессионалов, которые понимают свою ответственность перед читательской аудиторией и хорошо знают цену печатному слову.

В день юбилея желаю коллективу корейской газеты и, конечно, ветеранам крепкого здоровья, успехов и всего самого доброго.

*Ирина МАЛИКОВА,
директор дирекции информационных программ
агентства «Хабар»*

Дорогие юбиляры!

Делать газету в наши дни невероятно сложно. Особенно это касается диаспорных масс-медиа: слишком большая у газеты развивается зависимость от собственного читателя. Другое дело, когда речь идет о «Коре ильбо» - издании с 90-летней историей, газете, которая, являясь без малого ровесником Советского Союза, сумела перестроиться и пережить своего зачинателя. Таких СМИ, признаюсь, знаю не очень много.

Но тем ценнее тогда подшивка вашей газеты. Газеты, страницы которой видели не только факты, новости и комментарии, но и живую, настоящую историю. За 90 лет у газеты должен был сформироваться собственный кругозор, взгляд на те или иные исторические события. Поэтому сегодня, когда история перестала иметь первостепенное значение для наших СМИ, газета «Коре ильбо» стоит особняком, как аксакал в кругу молодых и амбициозных джигитов. И не так важно, сколько физических сил или влияния есть у молодых акул

пера. Аксакал всегда остается аксакалом – в его глазах есть мудрость прожитых лет и один только жизненный опыт ставит его выше других. Я хочу, чтобы вы, делая вашу газету, всегда помнили об этом и старались хотя бы поэтому не обращать внимания на конъюнктуру, какой бы она ни была. С праздником вас!

*С уважением, главный продюсер
информационного видеопортала «Stan.tv»
Александр ГАБЧЕНКО*

*Журналистам, сотрудникам редакции, всем, кто создает
газету сегодня*

От всего сердца поздравляю коллектив «Коре ильбо» с 90-летием!

Редкое издание может гордиться такой богатой, непредсказуемой и в какой-то мере приключенческой историей своего существования. Созданная на заре XX века, наша газета неизменно была на острие всех событий, волнующих корейскую диаспору. Не только писала о них, переживала вместе со всеми. Восемь с половиной десятилетий газета являлась и продолжает являться гордостью и достоянием корейского народа, вместе с ним она пережила депортацию с Дальнего Востока в Среднюю Азию, с ним продолжает идти по сей день. Именно это основа того большого и заслуженного авторитета и уважения, которыми давно и по праву пользуется «Коре ильбо», для кого-то больше знакомая как «Ленин кичи».

И, конечно, главной ценностью «Коре ильбо» был и остается творческий, поистине преданный коллектив редакции, который не просто рассказывает о важных событиях, судьбах, людях. Он заставляет размышлять, задумываться о вечных ценностях: свободе, уважении к старшему поколению, традициях и родном языке.

Журналистам, сотрудникам редакции, всем, кто создает газету сегодня, и тем, кто работал в прежние годы, слова искренней благодарности за труд. Желаю новых инициатив и творческих удач, остроумного пера и растущего числа благодарных читателей!

*С уважением, редактор отдела «Компании и рынки»
делового еженедельника «Капитал.kz» Динара ЦОЙ*

Уважаемые коллеги!

Я думаю, что любая газета с такой историей, как у «Коре ильбо», вправе гордиться. Не только своим прошлым, что очевидно. Она должна гордиться своими авторами, которые формируют неизменный стиль газеты. Своей подшивкой, которая при должной обработке может вполне заменить учебники по истории диаспоры. И, наконец, своими читателями – ведь благодаря им газета благополучно шагала из одной эпохи в другую. Я промолчу про целую плеяду редакторов, которые, уверен, должны были стать патриотической элитой своего народа. Промолчу, потому что редакторы такой газеты наверняка должны быть очень скромными людьми, которые с высоты своего интеллекта видели будущее своего любимого детища.

У корейцев в Казахстане очень сложная и трогательная судьба. Депортированные с Дальнего Востока, они здесь были вынуждены открывать самих себя заново. И наверняка газета, которая делила вместе с диаспорой все трудности первых лет, была единственным в своем роде помощником, который поддерживал самых отчаявшихся в самые трудные периоды. Одно только это делает честь вашей газете. 90 лет стоять на страже диаспоры – это всегда чего-то да стоит. Берегите газету.

А вообще мне всегда нравились корейские девушки. Но называть я их, разумеется, не буду.

*Редактор ежедневного выпуска газеты «Время»
Вадим БОРЕЙКО*

Газета «Коре ильбо» полностью соответствует пословице

Совсем недавно я с большим удивлением узнал, что корейской газете «Коре ильбо» исполняется 90 лет. Нет, о существовании газеты, я, безусловно, знал. Предполагал я и возраст газеты. Как выяснилось – несколько ошибался. Дело в том, что корейская национальная газета очень похожа на диаспору, которую она представляет. Это значит: тихо, спокойно, без излишнего пафоса и скандалов работает, вкладывает свою душу в любимое дело и не выпячивает лишний раз свои достоинства. В «Коре ильбо», как и в корейском народе, очень много конфуцианского. Такого, что невозможно выправить никакими депортациями.

«Седлай быка» - так говорят старые, умудренные жизнью корейские старейшины. Долгое время я не мог понять сути этой фразы. И только когда узнал поближе наших братьев корейцев, выяснил все

про их мировоззрение и миросозерцание, я понял, что означают эти слова. Газета «Коре ильбо» полностью соответствует пословице. А значит, все у нее будет хорошо. Тем более что самые сложные свои годы она прошла с честью и достоинством, многим нашим газетам не присущими. От всей души поздравляю коллектив газеты и корейскую диаспору с этим важным для вас всех праздником!

*С уважением,
заместитель главного редактора
республиканской ежедневной
общественно-политической газеты «Литер»
Асыл САГИМБЕКОВ*

«Коре ильбо» 90 лет!

И каждый, кто так или иначе сопричастен ей, кто отдавал ей часть своего труда, души, сердца, может считать ее своей.

За 13 лет работы в «Коре ильбо» (тогда еще «Ленин кичи») я многому научилась, приобрела не только профессиональный, но и жизненный опыт. 85 и для человека то сегодня не много, а для газеты - тем более. А значит, впереди, еще много надежд, много возможностей стать талантливее, мудрее.

Конечно, было немало трудностей, а может быть, и ошибок. Но недаром говорят, что дорогу осилит идущий. И газета жила, преодолевая трудности.

Огромное спасибо людям, которые стояли у истоков, которые создавали ее, растили, вели. Первым всегда трудно. И если они падали, уходили, знамя подхватывали приходившие им на смену молодые.

И вот ей сегодня 85 лет. Конечно, она выросла за это время, меняла не только свой внешний облик, содержание, но даже имя. Но самое главное - свой стержень, она старалась сохранять всегда. Глубокий поклон тем, кто до сих пор, остается верен ей и служит ей – Нам Ген Дя, Сон Владимиру, Нам Ирме.

Благо у нас в Казахстане есть все условия, чтобы сохранить газету. И особо примечательно, что такая газета живет и здравствует именно у нас в стране! Этим мы можем гордиться по праву. Многие лета тебе, «Коре ильбо»!

Светлана КИМ, ветеран газеты «Ленин кичи»

Честно говоря, навскидку я могу вспомнить только одного ровесника газеты «Коре ильбо» - это открытая годом раньше «Казахстанская правда», издание, которое уже много лет является самым главным патриотом нашей страны. Мне кажется, что один только этот факт характеризует вашу газету гораздо больше, чем нынешний ее формат, авторский костяк и даже ее политические взгляды. Я глубоко убежден, что СМИ с такой богатой и насыщенной историей просто обязано иметь консервативные взгляды, тем более что даже президент нашей страны неоднократно подчеркивал, что корейская диаспора является неотъемлемой частью казахстанского народа.

Друзья! 90 лет в печати – это огромный праздник. Праздник, который касается не только диаспоры или, быть может, редакции. Это дата, о которой должна помнить вся пишущая братия. Потому что газета «Коре ильбо», даже являясь диаспорным изданием, тем не менее составная часть истории журналистики в Казахстане. Один только этот факт делает 90-летие газеты значительным событием. С праздником вас. Долгих лет жизни вашему изданию.

*Директор дирекции информационных программ КТК
Даурен МЕРКЕЕВ*

Уважаемые коллеги!

Ассоциация немцев Казахстана «Возрождение» и республиканская немецкая газета «Deutsche Allgemeine Zeitung» поздравляет коллектив и читателей корейской газеты «Коре ильбо» с 90-летним юбилеем.

Мы пережили с Вами общую трагическую судьбу, и поэтому нам близки Ваши стремления в сохранении своей этнической принадлежности. Мы с глубоким уважением относимся к пройденному Вами историческому пути и выкристаллизовавшейся в результате этого солидарной ответственности друг за друга. Ваш народ выжил, сохранил высокие моральные идеалы и дух.

Наши газеты на сегодняшний день являются важным рупором в реализации государственной политики мира и межнационального согласия в нашей республике.

В этот знаменательной не только для вашей газеты, но и всего корейского народа день желаем Вам процветания, творческих успехов. Никогда не останавливаться на достигнутом!

Служит делу укрепления дружбы народов

*Коллективу Республиканской газеты
«КОРЁ ИЛЬБО»*

Уважаемые коллеги!

От имени коллектива Республиканской газеты «Українські новини» примите наши искренние поздравления и самые добрые пожелания по случаю знаменательного юбилея – 90-летия со дня основания Республиканской еженедельной газеты «КОРЁ ИЛЬБО»!

Искренне желаем всему Вашему творческому коллективу и всем, кто причастен к выполняемой Вами благородной миссии, – новых творческих успехов, больших достижений на журналистской ниве, благодарных читателей и подписчиков!

Пусть и в дальнейшем Республиканская еженедельная корейская газета «КОРЁ ИЛЬБО» – одна из старейших в Республике Казахстан – служит делу укрепления дружбы народов, воспитания казахстанского патриотизма и остается столь же интересной, читаемой и почитаемой!

*С уважением и наилучшими пожеланиями
Главный редактор Тарас ЧЕРНЕГА*

Редакции «Коре Ильбо»:

Выражаю свое почтение самой первой национальной корейской газете, основанной в 1923 г на Дальнем Востоке. Эта газета отражает дух и бытность корейского народа, проживавшего на территории СССР, а ныне в Республике Казахстан. Какие бы времена не наступали, какое бы название она не носила: «Сенбон» (с 1923 г.), «Ленин Кичи» (с 1938 г.) или «Коре Ильбо» (с 1991 г.) – суть остается та же – она всегда была и остается искрой, поддерживающей пламя корейской культуры на постсоветском пространстве: языка, традиций, обрядов...

*Главный редактор газеты «Ильчи» (Кыргызская Республика)
Ли С. В.*

ИНТЕРВЬЮ И ВОСПОМИНИЯ

ПОД КРЫЛОМ ПРАМАТЕРИ КОРЕЙСКОЙ ПРЕССЫ
СНГ

Кызылорда встретила невероятно ярким ‘ солнцем, желто-серыми домами и противным ветром, бьющим в лицо солоноватой пылью.

Редакция газеты «Ленин кичи» располагалась в небольшом обветшалом здании. Впрочем, редакция корейской газеты, которая, хотя и называлась межреспубликанской, относилась к категории областных, и не могла рассчитывать на лучшее.

Тогда, весной 1978 года, меня в газете притягивала не национальная идея (это пришло позже), а возможность поработать ее собственным корреспондентом по Узбекистану. Работать собкором - мечта каждого журналиста, а уж для начинающего это было верхом желаний. Правда, позже выяснилась и другая сторона собкоровского хлеба, в особенности, если этот хлеб газеты нацменов. Но это было потом, а тогда, что немаловажно, был предложен более высокий оклад, более высокие гонорары. Вообще надо признать, что в этом плане собкоры «Ленин кичи» не были обижены. К тому же мы не упускали возможность подработать в местных газетах. И в среде ташкентских журналистов нас относили к числу если не высокооплачиваемых, то, во всяком случае, выше среднеоплачиваемых.

Редактор Ким Кван Хен встретил меня как старого знакомого, хотя мы виделись лишь раз в Ташкенте. Представил сотрудникам редакции, угостил обедом в тесной мрачноватой столовой, где подавались стандартные во всем бывшем Союзе блюда: борщ, котлеты с вермишелевым гарниром, компот из сухофруктов, правда, с особым провинциальным привкусом. А на вечер он передал меня вместе со своим служебным «уазиком» на попечение более молодым сотрудникам редакции Тен Дян Гиру и Юн Су Чану. Они недавно прибыли из Сахалина и с их знанием языка стали ценным приобретением для корейской газеты. Их семьи еще оставались на Сахалине, так что на момент моего приезда в Кызылорду они холостяковали и, естественно, вечер прошел бурно. До какого-то момента компанию поддерживали Ри Ден Хи, Ким Хва Дя и еще кто-то, к сожалению, не помню, потом они разошлись, а оставшиеся еще долго знакомились с ташкентским гостем.

На следующий день редактор вручил мне электрическую пишущую машинку «Горизонт» и отправил в Ташкент. Машинка эта была старенькая, громоздкая и... До сих пор обидно!.. В поезде чуть ли не спал с ней - инвентарь-то казенный и к тому же дорогостоящий. И такую тяжесть тащил с вокзала домой, потом из дома в корпункт, а она

оказалась нерабочей, вернее, мотор ее так тарахтел, что рука невольно тянулась к кувалде, а литеры насквозь пробивали даже третий экземпляр. Мастер же просто резюмировал: «Дешевле купить новую». В общем-то так мы и поступили, правда, уже осенью.

Так состоялось мое вхождение в уникальный коллектив - редакцию единственной на весь бывший Союз газеты на корейском языке (если не считать сахалинской областной газеты «Ленины килло»).

Любопытна предыстория создания ташкентского корреспондентского пункта «Ленин кичи». В конце семидесятых руководство Узбекистана возбудило ходатайство перед Москвой о передислокации редакции газеты в Ташкент. Такая передислокация в общем-то была бы вполне логичной: в Узбекистане проживала почти половина корейцев СССР, а уж Ташкент еще со времен «великого» переселения стал неформальной столицей советских корейцев.

Это ходатайство, как мне думается, появилось с подачи Ки Сек Пока, человека, хорошо известного не только в кругу корейской элиты Узбекистана. Филолог по профессии, директор средней школы по должности, он после освобождения Кореи наряду со многими советскими корейцами был направлен туда для оказания помощи в строительстве нового государства, естественно, советской ориентации. Занимал там весьма высокие посты: начальника военной академии (у него был чин генерал-лейтенанта Корейской народной армии), главного редактора газеты «Но дон синмун» - органа Трудовой партии Кореи. Однако вскоре впал в немилость к Ким Ир Сену, подвергся критике в одной из его статей за «раболепие перед иностранцами и иностранной культурой». Под «иностранной» имелась в виду советская - в тот период наметилось похолодание в отношениях между СССР и Китаем, в Китай был самым близким партнером КНДР. К тому же некоторые из советских корейцев, занимавших высокие посты в партийных и государственных органах, представляли реальную угрозу для Ким Ир Сена в борьбе за власть.

Ко всему этому Ки Сек Пок был лично знаком с бывшим тогда 1-м секретарем ЦК Компартии Узбекистана Шарафом Рашидовичем Рашидовым - они учились на одном курсе в Самаркандском университете. Возможно, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в благосклонности узбекистанского руководителя к корейской газете.

Москва отреагировала положительно. Но тут всполошились в столице Казахстана. Мол, как это понимать? Нашу газету - и вдруг в Ташкент?! Словом, «Ленин кичи» осталась в Казахстане, но ее дела пошли круто в гору. Во-первых, осенью 1978 года редакция в полном составе была переселена в Алматы, где ее сотрудникам тут же выделили необходимое количество квартир. Это был воистину царский подарок, если учесть жилищную проблему тех лет. Во-вторых, для газеты была закуплена за рубежом фотонаборная техника

- для этой цели было выделено 350 тысяч инвалютных рублей. «Ленин кичи» первой среди газет советской Центральной Азии перешла на фотонабор.

Ташкент тоже умаслили: было принято решение создать здесь корпункт в составе пяти человек. Столь многочисленный состав во всем бывшем Союзе имело лишь ленинградское отделение газеты «Правда». Для корпункта «Ленин кичи» выделили помещения в редакционно-издательском корпусе издательства ЦК КП Узбекистана (ныне концерт «Шарк»), служебную «Волгу».

Так что в любом случае инициатива узбекистанского лидера имела для корейской газеты исключительно положительные последствия.

Во время формирования корпункта в Ташкент приехал редактор «Ленин кичи» Ким Кван Хен. Для собеседования были приглашены почти все журналисты-корейцы, работавшие в русскоязычных газетах столицы Узбекистана. Тогда и состоялось мое знакомство с Ким Кван Хеном. В результате собеседования Вячеслав Ли и я стали собкорами газеты. Возглавил корпункт вышеупомянутый Ки Сек Пок. К сожалению, через полтора года он скончался, и его заменил

**Ташкентский
корпункт 1980-х
годов**

ныне покойный Хе Хак Чер, который также работал собкором. Чуть позже пришел в корпункт фотокорреспондент Виктор АН.

Сотрудники корпункта «Ленин кичи» входили в состав партийной и профсоюзной организаций ташкентского отделения газеты «Правда» - так официально называлось территориальное объединение корреспондентов и представителей центральных средств массовой информации, работавших в Узбекистане. Такого объединения не было ни в одной республике бывшего Союза. В него входили собко-

ры и представители газет «Правда», «Известия», «Комсомолка», «Социндустрия», «Сельская жизнь», «Красная звезда», «Литературка», «Советская культура», «Советский спорт», «Медицинской газеты», «Строительной газеты», «Гудка», журнала «Огонек», издательства «Колос», Центрального телевидения, радио и других СМИ - всего около 90 человек. Общение с ними дало много полезного для сотрудников «Ленин кичи» как в плане творчества и профессионального роста, так и получения нужной информации.

Следует сказать, что сборки «Ленин кичи» не потерялись в этом достаточно «крутом», если придерживаться сегодняшней терминологии, сообществе. Тот же Ки Сек Пок избирался секретарем партбюро, что было объективным показателем уважительного отношения к нему коллег-журналистов. После смерти Ки Сек Пока корпункт возглавил Хе Хак Чер, а на его место пришел Владимир Наумович Ким. В качестве собкора был принят также Леонтий Юрьевич Ким. Сборки были распределены по регионам Узбекистана. Заведующий брал на себя Ташкент и Ташкентскую область, Вячелав Ли - Каракалпакию и Хорезмскую область, Владимир Ким - Сырдарьинскую область, Леонтий Ким - Самаркандскую, Бухарскую и Кашкадарьинскую области. Мне достались три области Ферганской долины, откуда я родом.

Вячеслав Ли на республиканском конкурсе короткого рассказа занял третье место, причем конкурс проводился анонимно, то есть члены жюри рассматривали работы, не зная имен их авторов. Владимиру Киму одному из первых в республике было присвоено звание заслуженного журналиста Узбекистана. За годы работы в корпункте Виктор АН вырос от фотографа-любителя до известного в республике и за ее пределами мастера художественной фотографии. Владимир Тен явился автором пьесы «Тридцать седьмой - транзитный». Владимир Ли пришел в корпункт после многолетней работы ответ секретарем ангренской городской газеты, уже достаточно известным журналистом в кругу коллег. Заведовал корпунктом, правда, непродолжительное время, кандидат философских наук Валерий Хан. Материалы наших собкоров охотно публиковались в республиканской и всесоюзной периодике.

Была от этого сообщества и выгода чисто меркантильного характера. По праздникам профсоюзные активисты организовывали распродажу дефицитных в то время продуктов по государственным ценам, а время от времени - импортной одежды и обуви. Механика доставания дефицита была проста. На фирменном бланке «Правды» или «Известий» писалось письмо в адрес директора магазина и руководителей горторга... Кто бы в те годы осмелился не выполнить просьбу представителей этих газет! Таких в принципе не было. И в праздники мы были обеспечены лучшей водкой и лучшими винами, икрой черной и красной, красной рыбой, цитрусами и прочим дефицитом, чего нельзя было купить в обычных магазинах. Так что

соброрам «Ленин кичи» тоже доставались крохи от привилегий, которыми пользовались власть имущие. Сейчас это может показаться нелепостью, но в то время это было существенным подспорьем для нашего отнюдь не обильного стола.

**Ташкентский корпункт
газеты «Ленин кичи»
конца 1980-х**

Частыми гостями корпункта были бывшие работники «Ленин кичи» Ма Ген Тхя, Ким Ту Чир, Мен Воль Бон, Сон Дин Фа, Пай Константин. Наиболее колоритной была фигура Ким Ту Чира, о котором среди корейцев 50-х и 60-х годов сложены целые легенды. Вот одна из них. В командировках прежде чем брать интервью, он имел обыкновение спрашивать у интервьюируемого: «Послушай, дорогой, чем ты сегодня будешь кормить меня? Только не надо плова. Мне бы хороший спряги со свининой и тубу и кашу из чаипсаль, впрочем, сгодится и кенчжо». Хозяин, естественно, звал его к себе домой и исполнял его заказ. Потом отдавал хозяину паспорт с просьбой купить обратный билет на самолет. Мало кто заикался, мол, а деньги? Заикнувшегося ожидал грозный взгляд из-под густых бровей и презрительно сжатые губы, а возможно, еще что-нибудь похлеще. Ким Ту Чир своими высказываниями, нередко сопровождавшимися сочным корейским матом, вводил в шок не одну компанию, не одну женщину бросал в краску. И, что интересно, многим, особенно молодым, нравились его манеры.

Сон Дин Фа многие годы стоял у руля «Ленин кичи» в ее кызылординский период. Обладал уникальными знаниями, которыми он щедро делился с нами. Он научил нас, например, не просто разбираться в лунном календаре, но и рассказал, откуда пошли те или иные корейские национальные праздники.

Ки Сек Пок тоже обладал большим опытом и знаниями, однако он редко рассказывал что-либо из своей жизни, из своего пребывания в Корее. Он был чрезвычайно деликатным, то есть прямой противоположностью Ким Ту Чира, но они были друзьями.

Много интересного узнали мы от Ма Ген Тхя, который, как оказалось, бывал за рубежом, выполняя спецзадания. До самого своего конца он выписывал нашу газету, прочитывал ее, как говорится, от корки до корки, потом делился с нами своими впечатлениями о той или иной статье.

Частыми гостями корпункта были нештатные корреспонденты Тянь Ен Дин, который сотрудничал в газете еще с приморского периода ее истории, музыкант Николай Давыдович Ли, поэт Угай Де Гук, руководитель ансамбля «Ченчун» Петр Тин, Федор Ма-гай, бывший председатель Ташкентского городского культурного центра Владимир Ким, активно сотрудничали с газетой ферганка Ада Кан, нукусец Алексей Тюгай, ветеран колхоза «Политотдел» Моисей Хван и другие. Добрые слова хочется сказать в адрес председателя Ферганского областного корейского культурного центра Ревмира Ляна, Бухарского ОККЦ Виталия Чжена, Наманганского ОККЦ Алексея Цая, главврача Самаркандского роддома № 3 Владимира Цоя, других наших соплеменников, которые оказывали всемерную поддержку нашей газете.

Размеренность будней корпункта нарушалась в период подписных кампаний. Начинался период требований и окриков из Алматы и «жалкий лепет оправданий» ташкентских собкоров.

Само существование «Ленин кичи» в тот период, когда из 12-15 тысяч подписчиков лишь 10 процентов, если не меньше, могли читать на корейском языке, было аномальным явлением, если судить по нынешним, рыночным меркам. Оставшиеся 90 процентов выписывали газету лишь из чувства национального патриотизма или же по разнарядке вышестоящих органов.

Многие уже понимали, что газета в том виде, в котором она выходила в тот период, была обречена на вымирание. Зависимое положение газеты делало невозможным ее реформирование, хотя еще в начале 80-х были предложения хотя бы страницу, хотя бы часть страницы давать на русском языке и тем самым учесть реалии, сложившиеся в языковой среде советских корейцев. Однако сверху дали понять, что корейская газета на русском языке - абсурд. Этого мнения придерживались и некоторые работники редакции. Непризнание исторических реальностей было характерной чертой политики бывшего Союза, что в общем-то и привело его к печальному концу.

То есть к тому времени сложилась такая ситуация, когда «Ленин кичи» была не столько жизненной необходимостью 389-тысячной общины советских корейцев (по переписи 1979 года), сколько данью «мудрой ленинской национальной политике партии». Я отнюдь не иронизирую по поводу «мудрости» этой политики. Ее идея в принципе была великой и действительно мудрой, однако в условиях тоталитарного государства она превратилась в суррогат. Этим и можно объяснить тот факт, что собкоры в период подписных кампаний нередко были вынуждены обращаться даже за поддержкой так называ-

емых «сандемаг» - общинных бюро по организации похорон. Потому и один из наших ташкентских коллег назвал «Ленин кичи» «газетой теней». Лишь в конце 80-х, в разгар горбачевской перестройки, появились шансы сделать газету такой, чтобы она действительно стала нужной читателям, но уже было поздно. Последовавшие вскоре события, которые уже не зависели ни от редакции, ни от соборов, разом перечеркнули все наши надежды и планы. А они были грандиозные, особенно в период существования приложения «Коре», которое прорвалось ярким метеором на небосклоне истории корейской газеты.

Конечно, сегодня можно говорить о недостатках газеты того периода, но объективно «Ленин кичи», будучи одной из немногих очагов нашей национальной культуры, сыграла поистине выдающуюся роль в сохранении и развитии родного языка, пробуждении национального самосознания корейцев бывшего СССР. Это особенно ощущаешь сегодня, когда у людей появился огромный интерес к своим корням, своим истокам.

Наши отношения с Алматы складывались в общем-то вполне доброжелательно. Особенно была по душе традиция приглашать соборов на ежегодные сборы в Алматы, которые превращались в настоящие праздники, во всяком случае, для нас, ташкентцев. Редактор, заместители редактора да и рядовые сотрудники редакции организовывали для нас тусовки в семейном кругу, культурную программу. Эти сборы сближали ташкентцев и алматинцев не только по профессиональной принадлежности, но и на чисто человеческом уровне. Именно в атмосфере редакции сам воздух был пропитан корейскими запахами, обрусевшие и обузбечившиеся соборы проникались национальным духом, чувствовали себя истинными корейцами. К сожалению, постепенно эти традиции были утрачены, и это, как мне думается, сыграло не последнюю роль в постепенном отчуждении корпункта от редакции.

Но как бы то ни было, два десятилетия работы в «Ленин кичи» - «Коре ильбо» были для меня счастливыми. Здесь я вырос как профессиональный газетчик. Газета открыла для меня мир нашей национальной культуры, пробудила во мне национальный дух. И я бесконечно благодарен ей за это. Мы пытались хоть как-то реформировать традиционные методы проведения подписных кампаний. Используя свои журналистские связи, накануне подписной мы публиковали на страницах большинства областных газет материалы рекламного характера. В Ферганской долине были созданы общественные корпункты, которые должны были содействовать как в проведении подписки, так и в организации авторских материалов. В Бозском районе Андижанской области и Фергане были проведены читательские конференции, которые освещались в областных газетах. А в конце 80-х в ташкентском парке имени Тельмана был проведен грандиозный праздник газеты «Ленин кичи» с участием профессиональных

и самодеятельных ансамблей, с корейскими национальными блюдами. Для подписки в парк были приглашены сотрудники городской «Союзпечати». По существу это было первое в истории корейцев Узбекистана крупное национальное мероприятие такого масштаба, явившееся предвестником нынешних праздничных акций культурных центров.

Все это, конечно же, повышало имидж газеты, имидж корпункта. Не случайно именно наш корпункт был штаб-квартирой оргкомитета по созданию первого на территории бывшего Союза корейского культурного центра. Здесь разрабатывались и печатались его уставные и программные документы. Именно в актовом зале издательства ЦК КП Узбекистана (ныне издательско-полиграфический концерн «Шарк»), где мы арендовали помещения, проводилось первое собрание корейской общественности Узбекистана по формированию оргкомитета, а тогдашний завкорпунктом Владимир Ким был избран зампредом этого комитета.

Но результаты подписных кампаний ухудшались с каждым годом. Даже введение страницы на русском языке уже не давало необходимого эффекта. Всплеск интереса к газете вызвало появление приложения «Коре», но газета, а она уже стала называться «Коре ильбо», по существу была потеряна для узбекистанских читателей. Это стало очевидно после развала СССР, а затем и введения новыми независимыми государствами собственных валют. В силу разрушения единой системы распространения газета стала поступать к читателям с опозданием на 10-15 дней. Были и другие факторы, например, чрезмерная дороговизна «Коре ильбо» для подписчиков. Цена на нее была выше даже, чем на местные ежедневные газеты. Да и собкоры, надо честно признать, стали меньше писать, реже выезжать в другие регионы, меньше уделять внимания подписной кампании из-за отсутствия средств на эти выезды.

В этих условиях закономерным стало рождение новой газеты - «Коре синмун», которая заменила узбекистанским корейцам «Коре ильбо». За считанные месяцы новая газета сумела завоевать свою нишу в информационном пространстве республики. К середине апреля 1998 года было выпущено 15 номеров (регулярный выпуск начат с 10 января 1998 г.), тираж - 10 тысяч экземпляров. Ассоциация «Матбуот таркатувчи» (преемница «Союзпечати») в январе взяла на реализацию всего лишь 500 экз., да и то неохотно - газета новая, никому не известная, к тому же с ярко выраженной национальной направленностью. Но уже с конца марта от нее поступил заказ на 5000 экз. При этом она предложила передать ей эксклюзивное право распространения «Коре синмун» - случай, довольно редкий для узбекистанской прессы. Оставшаяся часть тиража распространяется по подписке как через почтовые отделения, так по прямым договорам, а также через частных реализаторов.

«Коре синмун» намерена продолжать традиции «Ленин кичи» - «Коре ильбо», установить тесные связи и активно сотрудничать с праматерью национальной прессы корейцев СНГ.

*Бругт Ким,
главный редактор газеты «Коре синмун» (Узбекистан)*

ЯЗЫК И ГАЗЕТА

Перестройка конца 80-х и последовавший за ней распад СССР в начале 90-х повлекли за собой пробуждение самосознания всех нацменьшинств, в том числе и советских корейцев. Наглядным свидетельством этому служит деятельность созданных повсеместно национальных культурных центров. Основной целью культурные центры всех уровней ставят возрождение самобытности, национальных обычаев, традиций и языка. Наряду с театром, радио, телевидением газета как один из очагов культуры призвана не только нести информационный заряд, но содействовать и способствовать этому возрождению.

Однако весь парадокс заключается в том, что встает вопрос: содействовать и способствовать возрождению какого языка? Неосведомленные люди могут недоуменно сказать «Как, какого? Естественно, корейского» и в какой-то мере будут правы. Но в том-то и дело, что в силу исторических обстоятельств советские корейцы, называющие себя не чосон сарам, как, скажем, в КНДР, и не хангук сарам, как в Республике Корея, а коре сарам, представляют из себя ныне совершенно уникальный этнос со своей разновидностью праязыка коре маль, отличающейся от корейского языка Севера и Юга Корейского полуострова, от языка американцев, китайцев, японцев корейского происхождения. Не случайно признавали это известный зарубежный кореевед Росс Кинг, специально приезжавший в Алматы для знакомства с особенностями коре маль, а также ныне покойный профессор Хельсинкского университета Ко Сонг Му, на протяжении доброго десятка лет с интересом изучавший жизнь советских корейцев по газете «Ленин кичи». И нельзя не согласиться с утверждением, что «в связи с развалом союзного государства, суверенизацией республик возникает необходимость в новом термине, который, на мой взгляд, уже существует - «коре сарам».

Говоря о языке советских корейцев и роли газеты, призванной удовлетворять их духовные запросы, необходимо, на наш взгляд, хотя бы бегло оглянуться на 75-летнюю историю нашей газеты (без претензий на фундаментальное научное исследование), без чего было бы невозможно представить как степень и состояние развития

коре маль, так и саму роль корейской газеты на современном этапе в постсоветский период. Думается, для большего удобства в понимании было бы правомерным деление всей этой истории на три этапа: до насильственного переселения советских корейцев, после депортации и период после распада СССР. Тем более, что такое деление оправдывается, во-первых, самой хронологией истории советских корейцев, а во-вторых, это напрямую связано с изменениями в названии газеты: «Сенбон», «Ленин кичи», «Коре ильбо».

Первый этап, естественно, начинается с появления на Дальнем Востоке России первых корейских поселений, когда за реку Туманган, на север, в поисках лучшей доли потянулись первые переселенцы - безземельные крестьяне, а затем устремились те, кто спаслись от чужеземных захватчиков, и завершается насильственным переселением в 1937 году, когда корейская диаспора в России представляла из себя уже довольно внушительную цифру в несколько сот тысяч человек (вспомним, депортировано было в республики Средней Азии и Казахстан около 200 тысяч).

Конечно же, обживание новых мест, интегрирование корейцев в хозяйственную жизнь России шло в очень непростых условиях. Люди были вынуждены терпеть невероятные лишения, унижаться перед чиновниками всех мастей, но, поскольку и царское правительство, а затем и органы советской власти были заинтересованы как в заселении необжитого и неосвоенного края законопослушными корейцами, так и в их закреплении в этих местах, людям удавалось налаживать более-менее сносную жизнь, лучшую, чем на родине, и это привлекало в эти края все новых и новых переселенцев. Благодаря компактному проживанию стали возможными открытие школ и вузов на родном языке, функционирование театра и культпросветучреждений, выпуск нескольких газет и журналов. И вопросы сохранения языка, национальных обычаев и традиций, развития культуры не перерастали в проблемы. Хотя жизнь в России на новой почве, все углубляющиеся и расширяющиеся контакты с русскими естественным образом накладывали свой отпечаток. Приобщение к русской культуре, само участие в общественно-политической и хозяйственной жизни русского общества формировали корейца иного склада, уже отличного от корейцев с исторической родины: меняется круг интересов, закладываются основы нового жизненного уклада. В то же время связь с Кореей поддерживается почти регулярная. Это облегчается и близостью границы, и постоянным притоком новых переселенцев и беженцев из Кореи, вынужденных спасаться от притеснений японских властей (последняя оккупация, как известно, продолжалась с 1910 г. по 1945 г.).

Большой интерес вызывает язык советских корейцев - коре маль. Сейчас, когда благодаря неустанному труду целой плеяды наших ученых (Хан Г.Б., Пак Б.Д., Ким П.Г., Ким Г.Н., Кан Г.В., Мен Д.В. и др.) шаг за шагом, на основе документальных материалов «стирают-

ся «белые пятна» истории коре сэрам, дойдет, наверное, очередь и до глубокого, научного исследования коре маль - уникальнейшей разновидности праязыка. А пока же в данной статье делается попытка привлечь внимание к самой сути коре маль, хотя бы и поверхностно рассмотреть его основные этапы развития.

В большинстве своем носителями коре маль являются выходцы из северных провинций Кореи, в частности, провинции Хам-ген, и диалект этих провинций с его лексикой и нормами орфоэпии, со специфическими суффиксами категорий вежливости - ду (-дунг), - кума (-кома) - лег в основу коре маль. А изолированность, оторванность от процессов становления литературного корейского языка на Корейском полуострове в целом обусловили его консервативное развитие в дальнейшем.

Первые трансформации, которым подвергся корейский язык, были, по всей вероятности, связаны с фамилиями при регистрациях корейцев на новых местах, когда появились такие, как Лигай, Когай, Угай, Югай, Магай, Тигай и т.д. Объясняется это тем, что, когда при регистрации новоприбывших чиновники спрашивали о фамилии, те, как и принято у корейцев, добавляли к своей фамилии суффикс - га, означающий род, фамилию: Ли + га, т.е. я, мол, из рода Ли, моя фамилия Ли. Позже у корейцев стали появляться русские имена. Это вполне закономерно: русским корейские имена непривычны для слуха и тяжелы для произношения, и они переименовывали их на свой лад, чаще по созвучию, а затем и сами корейцы начали нарекать детей как корейскими, так и русскими именами. По мере же углубления процесса обрусения и естественной смены поколений корейские имена все больше стали вытесняться русскими. Так появились такие сочетания, как Ким Борис Александрович, Лигай Владимир Сергеевич, Угай Дмитрий Иванович либо Пак Борис Ухенович или Нам Санам Борисович, когда при корейской фамилии имя и отчество представляют смешанный тип.

Происходят заметные изменения и в самой лексике коре маль. Во-первых, она расширяется за счет слов, которым нет эквивалента в корейском, таких, как колхоз, совхоз, трактор, пионер, а также имен собственных, географических названий, наименований учреждений и т.д. А во-вторых, в лексику коре маль все чаще стали вкрапливаться многие обиходные и потому часто употребляемые русские слова. Это видно на примере таких слов, как спички - бидикэ, ведро - медре, шапка - сакэ. Что удивительно, слова эти постепенно вытесняли корейские эквиваленты, а впоследствии, спустя много десятилетий, стали даже восприниматься как слова корейские. Разумеется, в национальных школах и вузах, открывавшихся в большинстве случаев на рубеже XX века и особенно после революции 1917 г., обучение велось на нормативном корейском языке, на этом же языке шло развитие литературы и искусства, издавались журналы и газеты, в том числе и «Сенбон» («Авангард»), основанная в 1923 г. Таким обра-

зом, в этот период фактически обозначается «трещинка» между нормативным корейским языком и коре маль, поскольку нормативный используется как книжный, а коре маль - как разговорный. Между ними нет резко очерченного «водораздела», ибо общей являлась подавляющая часть основной лексики, но «трещинка» эта, как показала история, имела тенденцию к расширению. Второй этап - после депортации до распада СССР - условно можно было бы разделить на два больших периода:

а) с момента расселения в Казахстане и республиках Средней Азии до 1954 г.;

б) с 1954 г. до распада СССР.

Пожалуй, первый период, совпадавший по времени с военными и послевоенными годами, выдался для переселенных корейцев наиболее драматичным. Необходимость адаптироваться к непривычным климатическим условиям и новой среде обитания требовала концентрации воли и мужества, невероятных усилий и определенных жертв. Выстоять и выжить - другой дилеммы не было. Расселенные в основном в рисоводческих, овощеводческих и рыболовецких хозяйствах, а в военные годы мобилизованные на трудовой фронт (шахты и рудники, лесоповалы), жестко ограниченные в передвижении, советские корейцы являли примеры исключительной приспособляемости и выживаемости. Компактное проживание - в районах расселения были созданы сотни самостоятельных корейских колхозов - обеспечивало привычную среду общения, возобновили работу театр, радио, стала выходить и газета, только уже под другим названием - «Ленин кичи» («Ленинское знамя»). Каждый приезд в хозяйства театральной группы превращался в настоящий праздник, номера газеты бережно передавались из рук в руки - столь огромную роль играли они в жизни многострадальных корейцев на пока еще чужой земле.

Вместе с тем именно эти почти два десятилетия стали для коре сарам тем роковым моментом, когда процесс обрусения принял обвальный, почти необратимый характер, моментом, когда упомянутая выше «трещинка» стала принимать угрожающие размеры «разлома» и началась почти окончательная потеря целым этносом родного языка. Открытые в первый год после переселения национальные корейские школы менее чем через год были реорганизованы и переведены на русский язык обучения. Только в Казахстане таких реорганизованных начальных, неполных средних и средних корейских школ насчитывалось 118, был ликвидирован пединститут. Дети репрессированных и те, которые родились уже здесь, сразу пошли в русские школы. Это и понятно: к тому времени в Среднюю Азию и Казахстан депортировались уже десятки тысяч людей самых разных национальностей, и для каждой из них создавать национальные школы было бы практически невозможно. Напротив, по мере обустройства на новых местах росла необходимость в одном языке - языке межнационального общения, и таким языком мог стать только русский.

Не случайно, что в этот период общее настроение в среде корейцев меняется. Ностальгировавшие на первых порах по родным краям и даже втайне лелеявшие надежду на возвращение, теперь уже они сами поощряли учебу в русских школах и даже говорили детям: «Учите русский. Только он откроет дорогу к знаниям, а получите знания - не пропадете...». В школах с корейским контингентом учащихся были введены уроки родного языка, но отсутствие единых программ обучения, учебников и наглядных пособий, дефицит квалифицированных учительских кадров придавали этим урокам факультативный характер и в конечном итоге способствовать сохранению письменного языка не могли. В лучшем случае дети могли лишь научиться писать и читать по слогам.

Коренные изменения стала претерпевать лексика коре маль. Широким потоком «хлынули» в нее русские слова: названия учебных дисциплин, слова из школьного обихода и бытовой лексики. И хотя в целом еще сохранилась своя языковая среда общения, заметное увеличение русских слов с одновременным вытеснением корейских эквивалентов и их постепенным забвением приводило к естественному формированию смешанного корейско-русского языка. Газета же продолжала выходить на нормативном литературном языке (что вполне закономерно), но надо признать другое - стал расти разрыв между читателями и газетой, т.е. стало уменьшаться число действительно читающих людей, стал падать сам интерес к газете. Листаешь, скажем, подшивки «Ленин кичи» за 1954 г. и (конечно, с высоты сегодняшних дней) видишь, до какой степени газета была заидеологизирована и политизирована, понимаешь, в каких «ежовых рукавицах» держала ее партийная цензура, когда даже тираж, периодичность выхода, формат газеты, суммы дотаций - все определялось «сверху». А публикация одних лишь партийных документов и выступлений партийных вождей, почти полное отсутствие корейской тематики с ее острыми проблемами делали газету только рупором партийной агитации и пропаганды.

Эти тенденции - все большее вытеснение русскими словами корейских эквивалентов и увеличение разрыва между газетой и читателями - получили, к сожалению, дальнейшее развитие на последующем, более длительном, охватывающем три с половиной десятилетия, отрезке - с 1954 года до развала СССР. Естественно, это не могло не тревожить передовых людей корейской диаспоры, особенно представителей интеллигенции. Они чувствовали эту угрозу - угрозу потери советскими корейцами родного языка. И еще в те далекие 50-е годы они уже обращались в различные инстанции с предложениями-просьбами о предоставлении автономии, об увеличении сетки часов родного языка в школах, вынашивали идеи создания культурных центров, в задачи которых входило бы сохранение языка. Но их голоса либо оставались лишь «гласом вопиющего в пустыне», либо принимались полумеры, в силу своей ограниченности не способные

кардинально изменить что-либо. Увы! История распорядилась иначе...

В 1954 году, после смерти «отца народов», наконец-то были сняты ограничения в передвижении и корейцы получили возможность не только выезжать за пределы района, области, но и переселяться в другие республики. Конечно, подавляющее большинство не думало, да и не могло покинуть более-менее обжитые места, но вначале поодиночке, а затем десятками семей корейцы стали расселяться (по свидетельству многих, в поисках более пригодных для рисосеяния регионов), причем чаще внутри областей, в пределах республики. Особенно большие возможности открылись перед молодежью, и следующие два десятилетия в жизни корейской диаспоры характеризуются тем, что наблюдается настоящая «вузовская лихорадка». Еще не выкарабкались из нужды и едва сводили концы с концами, но каждый родитель-кореец считал своим долгом дать детям образование, и непременно высшее, почти в каждой семье можно было слышать слова-заклинания: «Мы натерпелись лиха, хлебнули горя. Пусть хоть доля детей будет счастливее нашей». И для молодого корейца, только что получившего аттестат зрелости, не было распутья как такового - поступать в институт, вопрос заключался лишь в одном: в какой город ехать и в какой вуз подавать документы. И если сейчас мы по праву гордимся тем, что по количеству людей с высшим образованием на душу населения советские корейцы занимали одно из ведущих мест среди нацменьшинств в бывшем СССР, с гордостью называем имена десятков видных общественных и политических деятелей из числа корейцев, а также имена сотен крупных специалистов и ученых почти по всем отраслям наук, то начало этому было положено как раз в те 50-е годы.

Но нет худа без добра. Возвращающихся в родные хозяйства дипломированных специалистов-корейцев было мало. Возвращались лишь те, кто освоил профессии агронома, зоотехника, ветеринара, педагога, а подавляющая часть молодых специалистов уезжала по назначению, где и оседала, и уже к концу 80-х почти не было ни одного крупного или малого города на всем огромном пространстве СССР, где бы не проживали корейцы. Так началось «рассеивание» корейцев. Этому в немалой степени способствовало и то, что с середины 50-х годов корейцы увлеклись «сезонным земледелием». Так называемые «гектарники» в поисках лучшего заработка (а впоследствии - в погоне за «длинным рублем») стали выезжать на Кавказ, Украину и южные области России, где почва была плодородной, климатические условия - более подходящими, а условия аренды земли - более выгодными, и, что греха таить, с годами это увлечение «сезонным земледелием» приняло массовый характер. Когда же весенне-осенние переезды стали слишком обременительными, многие стали оседать там же. И на сегодняшний день на Северном Кавказе, в Крыму и южных областях Украины, в Ростовской, Астраханской областях России проживают

десятки тысяч корейцев - вчерашних выходцев из Средней Азии и Казахстана.

«Рассеивание» обусловило уменьшение корейского населения в первоначально организованных корейских колхозах, заметно стала сужаться языковая среда. В школах преподавание корейского языка постепенно прекращалось из-за отсутствия педагогических кадров. Подготовка в начале 60-х годов на базе Ташкентского пединститута около 70 преподавателей корейского языка, разовое издание ограниченным тиражом учебника корейского языка для 3-4 классов (автор Ким Нам Сек) уже не могли переломить обвальный характер обрушения: уровень квалификации учителей был низок (он и не мог быть высоким в те годы и в тех условиях), из-за чего работать по профилю могли лишь считанные единицы, да и введение корейского языка затруднялось все тем же отсутствием единой программы обучения и учебников, а также продолжающимся сокращением корейского контингента учащихся. Подчеркнуть необходимо и угасающий интерес к языку среди самих корейцев. Уже в 60-70-х годах для корейских детей, молодежи языком общения прочно стал русский, а коре маль использовался только в среде старшего и среднего поколения. Полная изолированность за «железным занавесом» тоталитарного режима и еще большая удаленность от исторической родины, направленность партийной политики на формирование новой нивелированной общности - советского человека - все это обрекло коре маль на медленное, но верное вымирание. Пестрое смешение русских и корейских слов, причем с тенденцией все большего преобладания русских, причудливое подчинение слов одного языка правилам и нормам грамматики другого делали коре маль таким, что его не мог бы понять ни один кореец, кроме самих коре сэрам. К тому же развитие языка без письменной параллели лишь в устной форме вело к тому, что многие даже чисто корейские слова коверкались и искажались до неузнаваемости настолько, что об их истинном смысле можно было лишь догадываться. Все это сказалось на «Ленин кичи» самым непосредственным образом. Неразрывно связанная с самой историей жизни советских корейцев, на каждом этапе этой истории редакция газеты испытывала сходные проблемы, отличающиеся разве лишь своей специфичностью. На первых порах было достаточно первоклассных переводчиков, прекрасно владеющих не только обоими языками, но и пером, штатные и нештатные корреспонденты обеспечивали связь между читателями и газетой. Но катастрофическое уменьшение числа умеющих читать по-корейски делало невозможным обратную связь, а с течением времени, с естественным уходом прежних специалистов эта связь становилась все меньше и меньше. Между читателями и газетой образовалась целая пропасть, когда корейцы жили сами по себе, а их газета выходила как бы «сама для себя». На допотопном типографском оборудовании с ручным набором, на мизерной госдотации, нередко в тяжелейших ночных бдениях корейские пере-

воды объемных отчетных докладов и материалов съездов партии выходили наравне или днем позже, чем в русских газетах, но этот поистине титанический труд желаемого результата не давал - читатели предпочитали знакомиться с ними на русском языке.

В то же время в 50-60-х годах вопрос о тираже не стоял столь остро, как в последующие годы. В периоды подписных кампаний через парткомы хозяйств и предприятий по разнарядке (по количеству корейских дворов или по количеству лиц корейской национальности), в добровольно-принудительном порядке наблюдался «заботливо» определенный «сверху» тираж. По нерадивости почтовых работников или по другим объективным причинам люди получали газету пачками раз в неделю или в две недели и чаще всего использовали как оберточный материал. Были довольны лишь «власть предержащие»: была видимость сохранения этносом родного языка. Изменение статуса газеты - областная, республиканская, межреспубликанская - сути фактически не меняло: не решалась кардинально языковая проблема, «болезнь», как говорится, лишь загонялась глубже. И находились люди, причем немало, из числа даже образованных корейцев, кто откровенно говорил о ненужности газеты, считая, что дни ее сочтены...

Но газета жила. Пережила и тяжелейший этап - середину 70-х годов, когда из-за необеспеченности естественной сменой поколений журналистов газета действительно оказалась на грани закрытия. Лихорадочные поиски выхода привели к тому, что новые кадры были найдены на Сахалине. Благо, сахалинские корейцы (как известно, силой и обманом они были перевезены японцами из Южной Кореи в более поздний период - в 1939-1945 годах), хотя и подверглись все тому же влиянию, что и все советские корейцы, благодаря дольше функционировавшим национальным школам лучше сохранили родной язык. Пополнили ряды редакции и русскоязычные журналисты-корейцы. Последовавший затем перевод газеты в Алматы, сосредоточение в столице всех основных очагов культуры - театра, газеты и радио, создание разветвленной сети корреспондентских пунктов во всех республиках Средней Азии способствовали преодолению разобщенности и консолидации сил лучших представителей корейской диаспоры.

В стране подул ветер перемен, обусловивший период открытости, гласности и перестройки. Он коснулся и газеты. Поиски путей сближения с читателями стали настоящей необходимостью, велением времени. На страницах продолжали, как и раньше, публиковаться официальные материалы, но все больше места стали занимать интересные рассказы, очерки, зарисовки о корейцах - передовиках производства, ученых, художниках, людях искусства, регулярной стала литературная страница. Вначале робко, с оглядкой (все еще сказывалась боязнь прослыть националистами), но затем все настойчивей и смелей поднимались острые проблемы, связанные с

вопросами сохранения самобытности и языка, развития культуры и нравственного воспитания молодежи. Материалы о жизни корейских диаспор в Корее, Японии, США, о событиях на Корейском полуострове, воспоминания ветеранов войны и труда, первые полосы на русском языке с корейской тематикой, серии уроков корейского языка на страницах газеты - все это были шаги, направленные навстречу читателям. Новой формой общения с ними стали читательские конференции, выездные заседания редколлегии. Это не замедлило сказаться на результатах: тонкими нитями, но восстанавливалась связь с регионами проживания корейцев. И если к моменту краха социалистической системы и неудержимого обвала тоталитарного режима в конце 80-х годов корейская диаспора была готова к пробуждению национального самосознания, то немаловажная заслуга в этом, несомненно, принадлежит и газете.

Бесспорно, самый мощный импульс к пробуждению национального самосознания коре сэрам дала Сеульская Олимпиада-88, когда не только перед нами, но и перед всем миром во всем великолепии предстал «азиатский дракон». Советские корейцы не могли не проникнуться чувством гордости за своих соплеменников, за короткий исторический срок сумевших сотворить «экономическое чудо» и выдвинуться в ряд наиболее развитых стран мира. Когда же рухнул «железный занавес» и к нам зачастили корейцы-миссионеры, бизнесмены из Кореи и США, когда сами получили возможность побывать на земле предков, советские корейцы воочию смогли увидеть, что это вовсе не «страна загнивающего капитализма», где люди влачат жалкое существование, как это долгие годы преподносила советская пропаганда. И, возможно, впервые советские корейцы - в общем-то лишенные комплексов, своим исключительным трудолюбием, природной скромностью и неприхотливостью в быту снискавшие всеобщее уважение - почувствовали свою «ущербность», когда вынуждены были преодолевать языковой барьер и общаться с соплеменниками только с помощью переводчика. И именно это чувство ущербности, а также все возрастающий интерес к своей истории, к истокам своей культуры ускорили пробуждение чувства национального достоинства. Убедительным свидетельством этому является создание именно в этот период во всех корейских общинах национальных культурных центров.

С этого момента начинается новый, нынешний этап истории коре сэрам. Новый этап начался и для газеты. Новое название - «Коре ильбо» - означало не смену вывески, она изменилась и внешне, и внутренне. Освобождения от пут партийной цензуры, ставшая независимой, газета наконец-то смогла полностью повернуться лицом к читателю. Выпуск на двух языках - корейском и русском, публикации материалов с учетом интересов и запросов читателя сделали «Коре ильбо» действительно газетой о корейцах и для корейцев. На страницах газеты широко освещается жизнедеятельность казахстанских

коре сэрам во всем ее многообразии, даются исчерпывающие информации из обоих корейских государств. Привлекают внимание кроссворды, рекламные объявления, а особенно ценны и просто необходимы коротенькие легенды, сказки, которые даются рядышком на двух языках: они являются неплохим дидактическим материалом и сослужат хорошую службу изучающим корейский. Однако распад СССР и суверенизация республики, особенно болезненная интеграция только поднимающегося на ноги молодого государства в мировой рынок ставят газете нелегкие проблемы. Острая нехватка корейскоязычных журналистов, крайняя стесненность в финансах не позволяют более полно использовать широкие возможности. И только тогда, когда газета станет объектом повседневной заботы и внимания со стороны культурных центров всех уровней, общественных и частных организаций, благотворительных фондов, она сможет внести достойную лепту в благородное дело возрождения нашего языка.

Как без прошлого нет настоящего, так и без настоящего нет будущего. Что же из себя представляет настоящее, хотя бы в общих чертах? Какова судьба коре маль - причудливого конгломерата корейского и русского языков? И здесь в самую пору вернуться к вопросу, с чего и началась, собственно, статья: «О возрождении какого языка идет речь?»

Конечно же, речь идет о возрождении у коре сэрам того, чисто корейского языка, на котором говорят и пишут на нашей исторической родине. Коре маль же, на наш взгляд, вступил в последнюю стадию своего существования и обречен на вымирание: на нем говорят лишь представители старшего поколения (на кухонно-бытовом уровне), те, кому сейчас 60-70 лет. Как раз они детьми вместе с родителями были депортированы 60 лет назад или родились уже здесь в первые годы после переселения. Уйдет это поколение - отомрет и коре маль, станет историей, поскольку среднее поколение, не говоря о младшем, практически не владеет им. В таком случае может возникнуть другой вопрос, о возрождении языка какой части Кореи идет речь: Севера или Юга? И вопрос был бы правомерным. Существование на одном полуострове двух корейских государств с разными политическими системами и их полувековое противостояние предопределили разные пути развития одного и того же языка. В Республике Корея, ориентированной на США (это и военное присутствие, и то, что полуторамиллионная корейская диаспора в США - это выходцы из Южной Кореи), английский язык оказал и продолжает оказывать на корейский такое мощное влияние, что в лексике корейского языка слова-заимствования из английского составляют уже довольно значительную часть. А в продолжающей сейчас оставаться закрытой КНДР язык в своем развитии почти не подвергался чужому влиянию. И различия в языке Севера и Юга столь очевидны, что в некоторых южнокорейских газетах даже публикуют толковые словарики с непонятными северокорейскими словами. И если иметь в виду чистоту

языка, ориентиром, думается, следует избрать северокорейский вариант.

А возрождение языка возможно и необходимо, ибо без него невозможны ни возрождение самобытности, национальных традиций и обычаев, ни развитие культуры, литературы и искусства. Оно возможно, потому что достаточно главного - осознания самими коре сэрам, особенно молодежью, необходимости изучения родного языка. Молодые задумываются: «Кто я? Я не казах, не русский, но и корейцем себя не чувствую». И верится, что ими будет принято правильное решение. Возрождение возможно, ибо залогом этому - активная деятельность культурных центров, научно-технических обществ и обществ ветеранов, открытие корейских групп и курсов в вузах и корейских школ при церквях, организация детских и юношеских ансамблей, традиционные празднования Нового года по лунному календарю, Дня освобождения Кореи и праздника Чусок, консолидация усилий в этом направлении театра, газеты, радио и телевидения, нарощение нового сословия - сословия предпринимателей, успешно налаживающих деловые связи с бизнесменами - корейцами из Китая, Японии, США и самой Кореи, огромная помощь посольств КНДР и Республики Корея в Казахстане, а также Корейского центра просвещения. Возрождение языка возможно, потому что мы уже слышим, как малыш из детского садика еще чуть застенчиво, не очень уверенно, но старательно выговаривает: «Харабоди, анненхасимника».

И в конце-концов, ведь сумели евреи в Израиле не только ожить уже «умерший» иврит, но и возвести его в ранг государственного языка!

Евгений Цой, ветеран газеты «Ленин кичи»

НАМ ЛИ БЫТЬ В ПЕЧАТИ

Особенности работы корейской редакции

Почти век существует корейская газета, и каждый кореец все эти годы знает, что у его народа есть собственный печатный орган. Кто же они, те люди, которые писали летопись газет «Сэнбон», «Ленин кичи», а потом и их правопреемницы – «Коре Ильбо»? Об этом нашему корреспонденту рассказывает бывший сотрудник редакции Вячеслав Сергеевич Тен.

- Вы приехали с Сахалина в Казахстан, разницу в жизни здесь и там почувствовали большую?

- Сколько было разговоров о 1937 годе, о том, что нас переселяли на правах второсортных людей, как неблагонадежных, как шпионов и т.д. Все это мне очень понятно на уровне сознания, я все это испытал на своей шкуре.

Ведь нас, сахалинских корейцев, японцы затащили насильно. Они выбирали молодых и крепких ребят, которые впоследствии работали на шахтах, на лесоповале, для того чтобы обеспечить промышленные нужды Японии, которая в то время вела активную войну в Тихом океане. В подобных условиях наше поколение росло на Южном Сахалине, хотя нет такого официального названия как Южный Сахалин, просто его тогда в народе так называли, потому что, тогда Сахалин поделили после поражения России в русско-японской войне в 1904-1905 годах. Северная часть Сахалина оставалась в распоряжении России, Южную часть пришлось отдать японцам, туда же вошли и Курильские острова. Помните, у Чехова есть такое выражение «Своей щедрости мы захватили через край, мы отдали двадцать два острова». Он имел в виду гряду Курильских островов, в которую входят 22 острова. В 1945 году после поражения Японии во Второй мировой войне, когда Советский союз по просьбе союзников-американцев денонсировал с Японией пакт о ненападении, на рассвете 9 сентября в районе советско-маньчжурской границы советские войска начали вести наступление. Вот тогда и был освобожден Сахалин. Все японцы покинули эту территорию, а корейцы остались, тогда их там было не меньше сорока тысяч.

Когда я уезжал из Сахалина в Казахстан, там оставалось 43000 корейцев. Из этого количества людей некоторые приняли гражданство КНДР, некоторые - советское гражданство, тогда еще была такая возможность, это было в 1959 году. Основная масса так и оставалась бывшими подданными, т.е. лицами без гражданства.

Нам выдали паспорта, в которых было написано, «Вид на жительство в СССР для лиц без гражданства».

Сахалин – это остров, с этим паспортом далеко не уедешь. Мы не имели права уезжать дальше четырех километров от черты города. Тем более Сахалин - это пограничная полоса, тогда были очень жесткие условия. И все-таки у меня появилась возможность вырваться оттуда, и в конце 1976 года я все-таки получил советский паспорт. Мне рассказывали, что в тот год такие паспорта получили не больше двадцати человек. Как только мне в руки попал этот паспорт, это был конец декабря, я сразу же поехал на вокзал покупать билеты в Казахстан. Я шел по городу и видел, как люди готовятся к Новому году, это все происходило в канун семейного праздника.

Я прибыл в Алма-Ату, потому что всегда думал, что редакция корейской газеты находится именно там. О том, что редакция находилась в Кызыл-Орде, я узнал после того, как приехал сюда. Ехать в Кызыл-Орду мне не очень хотелось, потому что город был периферийным. Пришел в корейский театр, меня туда сразу взяли,

так как я хорошо владел корейским языком. Тогда директором театра был Те Ден Гу, он, оказывается, хорошо знал руководство газеты. Те Ден Гу договорился с редакцией, и я стал работать в корейской газете.

- Вячеслав Сергеевич, расскажите подробнее о своей работе в «Коре ильбо».

- На самом деле я там работал недолго. Сейчас, вспоминая то время, понимаю, как трудно нам приходилось. Те люди, которые приходили после нас, были готовыми журналистами с дипломами, а в то время, когда я работал, людей отбирали согласно уровню знания корейского языка, и тогда неважно было кто ты по образованию - географ, строитель, биолог. В общем, в редакции работали люди, которые совершенно не были знакомы с журналистикой. Тогда мало кто знал корейский язык в совершенстве. Многих приходилось учить практически с самого начала. У нас было только два журналиста, которые были дипломированными, и они были русскоязычными. Из-за этого было очень сложно работать. Бывали такие ситуации, когда ты подходил к человеку с самыми добрыми намерениями и пытался тактично показать ему на ошибки, а тебя воспринимали в штыки.

Вот вы ходите на разные мероприятия, записываете интервью, в наше время такого не было. Наша редакция в основном занималась переводами, потому что в то время не было специальных переводчиков. Мы сидели и переводили с утра до вечера, дошло до того, что люди сидели и просто занимались строкогонством. У нас был план – каждый должен был сдать не меньше двухсот пятидесяти газетных строк.

У нас было много авторов, которые приносили материалы, а в редакции люди занимались только переводами этих самых материалов. Это было характерной чертой для корейской печати.

Я помню, когда только начинал работать, тогда редакция находилась в Кзыл-Ординской области. Мне нужно было куда-то поехать и сделать материал про одного интересного человека. В этот же момент я узнал, что туда приезжают космонавты. А для журналиста упустить такой случай никак нельзя. Я пошел к этим космонавтам, написал материал, сфотографировал их, в общем, сделал все как нужно. В редакции посмотрели, похвалили меня за то, что я не упустил такой возможности. Через две недели я получил серьезнейший выговор. Оказывается, в то время был негласный запрет, никто не имел права писать о космонавтах, тем более фотографировать их.

- Чем вы занимались до того, как пришли в редакцию?

- Преподавал, я был учителем корейского языка. Так как я родился и вырос на Сахалине, я успел окончить корейскую школу, то есть обучение с 1 по 10-й класс у нас велось на корейском языке, а русский язык считался иностранным. Потом наступил такой период, когда закрыли все корейские школы и после этого сразу же закрыли и корейский институт.

Помимо этого, сколько помню себя, я всегда рисовал. И это мне пригодилось в жизни, одно время я работал художником-оформителем-декоратором в театре, в доме культуры, во дворце культуры, в народном театре им. М. Горького.

- За время работы в театре происходили какие-то курьезные случаи?

- Когда я работал в театре, ко мне приходили из горкома партии и говорили: «Ты срочно должен написать большой портрет Брежнева, пять метров в высоту и три метра в ширину - для галереи. Чтобы завтра к девяти утра все было готово и к моему приходу все висело на стене. А снизу должна быть красная полоса, на которой яркими желтыми буквами напишете какую нибудь цитату Брежнева». Я с коллегами сделал все, как мне сказали, снизу написали желтыми буквами цитату. Утром пришел начальник, посмотрел на это все и стал жутко кричать, причем даже разными ругательствами: «Я же вам сказал написать ярко-желтыми буквами, а вы что сделали, что за непонятный грязно-серый цвет?». Мы смотрим друг на друга, понять ничего не можем. А потом выяснилось, что начальник наш дальтоник и не видит желтый цвет. Вот такой вот случай.

Цой Ен Гын, главный редактор газеты «Коре ильбо»

ОТ РУЧНОГО НАБОРА ДО КОМПЬЮТЕРА

Производство газеты и производство любой печатной продукции представляет собой сложный технический процесс. Это в равной степени относится и к газете «Коре ильбо», начиная с ее предшественницы «Сенбон», впоследствии «Ленин кичи» Не вдаваясь в тонкости полиграфического производства, отмечу, что газета в полиграфическом исполнении на корейском языке ничем не отличается от тысяч газет, издающихся в мире на других языках. Печатание газеты возможно в любой типографии, имеющей следующие производственные циклы: набор (ручной или машинный), цинкография (изготовление клише - печатных форм для воспроизведения иллюстраций), изготовление копии наборов и клише в виде монолитных и рельефных отливов-стереотипов и, наконец, само печатание.

В случае с нашей газетой в этом производственном цикле отличие состояло в том, что при ручном наборе применялись корейские шрифты. Наличие корейских шрифтов сделало возможным выпуск газеты «Сенбон» в типографиях Владивостока и Хабаровска, а после переселения в 1938 году под названием «Ленин кичи» в районной типографии Сыр-Дарьинского района Кызылординской области, с марта 1940 года в областной типографии КП Казахстана Кызылор-

динской области и, наконец, в связи с переездом редакции газеты в Алматы в издательстве ЦК КП Казахстана (в настоящее время издательство «Дэуір»).

По словам ветеранов нашей газеты, при переселении с Дальнего Востока в Кызылординскую область работники редакции сумели сохранить и перевезти с собой корейские шрифты. Первоначально в Кызылорде выпуск газеты производился в старом здании бывшей духовной семинарии. Вспомним добрым словом работников наборного цеха. Это Цой Бон Нам, Тигай Александр и Те Валентин, которые отдали много сил родной газете.

К сожалению, мы не располагаем документальными сведениями о происхождении корейских шрифтов, с помощью которых набирались газеты «Сенбон», а впоследствии «Ленин кичи». Но, судя по трудам российских ученых и по изданиям на корейском языке, выходившим в России в конце XIX века, можно сделать вывод, что в то время существовали корейские шрифты, неважно, привезенные или собственного изготовления.

К сведению: первые металлические шрифты в мире появились именно в Корее и датируются XIII веком. Они появились на 200 лет раньше, чем в Европе. В 1434 году металлическим шрифтом была напечатана книга под названием «Сангджонг гогым емун» («Древние и современные обряды и этикет»), но она, к сожалению, не сохранилась до наших дней. А вот самая первая книга, напечатанная в 1377 году металлическим шрифтом, находится в одном из музеев Парижа. Пробразы современных металлических шрифтов хангыл появились в 1447 году во время правления короля Седжонга, который в 1443 году создал современный корейский алфавит хангыл.

По газетам «Сенбон» 30-х годов и «Ленин кичи» до начала 50-х годов можно догадаться, что в то время редакция испытывала большие затруднения с корейскими шрифтами. Имея слабую материально-техническую базу, типографским работникам приходилось буквально кустарным способом переливать изношенные литеры, ибо тогда еще не было буквоотливных машин. Литеры были изношены, и потому очко (выпуклое изображение буквы или знака на типографской литере) отпечатывалось нечетко.

Для размещения и хранения шрифтов имелись наборные шрифты-кассы, которые представляли собой плоские деревянные ящики с определенным количеством гнезд (клеток), разделенных перегородками, в которых размещались буквы, цифры, пробельный материал и т.д.

Основным инструментом наборщика была верстатка. В нее при наборе ставили в определенной последовательности литеры и пробельный материал. Для установки набора, выставяемого наборщиком из верстатки по мере ее заполнения, а также для переноски и временного хранения набора служили так называемые уголки и средники, представляющие собой металлические пластины разных раз-

меров с двумя или тремя бортами. Наконеч для изготовления пробных оттисков (гранок) с набора имелся ручной печатный станок.

Необходимо подчеркнуть, что ручной набор был сопряжен с тяжелым физическим трудом и требовал большого количества рабочих, а также много времени при издании газеты большого формата (А2). Особенно это сказывалось в советские времена, когда публикация официальных материалов стояла на первом плане при строжайшем контроле партийных органов и литцензуры.

Тяжело было, конечно, и переводчикам, но прежде всего наборщикам, которым приходилось вручную, за короткое время набирать тексты выступлений и докладов с партийных съездов и пленумов.

Как правило, по закону подлости, когда требовалась срочность нередко были случаи, когда рассыпались литеры в начале и в конце строк, рассыпались целые строки и гранки. И все это приходилось заново восстанавливать. Несмотря на трудности в работе наша газета вплоть до перехода на фотонабор так и не смогла перейти на машинный набор, который позволил бы значительно облегчить труд наборщиков и сэкономить время.

Необходимо отметить, что работники наборного цеха работали со шрифтами, изготовленными из гарта - сплава свинца и сурьмы. Гарт вреден для здоровья, но несмотря на это все газеты, в том числе и наша, так и не перешли на безвредные пластмассовые шрифты, о которых так много говорила пропаганда советской полиграфии.

С этой точки зрения большим облегчением для наборщиков стал переход на фотонабор. Издательство ЦК Казахстана приобрело для газеты «Ленин кичи» в 1979 году 6 японских фотонаборных машин.

В комплект входили провяочная и копировальная установки, множительный аппарат, шрифтоносители. Монтаж и наладку фотонаборных машин осуществили японские специалисты. Двое работников издательства были откомандированы в Москву для обучения работе на фотонаборных машинах. По сравнению с ручным набором металлических шрифтов фотонабор представлял революцию в организации печатания «Ленин кичи».

Газета «Ленин кичи» перешла полностью на фотонабор в марте 1980 года. Таким образом корейские шрифты, изготовленные из металла, ушли в историю.

В 1991 году «Ленин кичи» была переименована в «Коре ильбо», которая выходила с еженедельным приложением «Коре» на русском языке. Приложение форматом А3 версталось фотонабором до 1993 года.

С 1991 года для создания собственного компьютерного центра наша редакция начинает приобретать компьютерную технику. Так в конце 1991 года были приобретены два компьютера и два принтера для набора русского текста.

В том же году правительство Республики Корея выделило нам компьютерный комплекс «Seoul system», куда входили два компьютера для набора корейского текста с принтером и один компьютер для графической работы. Для обучения работе на этих компьютерах два сотрудника редакции были отправлены на стажировку в Сеул.

В 1993 году с приобретением еще двух компьютеров, предназначенных для набора русского текста и верстки русской полосы, стало возможным выполнять верстку «Коре ильбо» на 16 полосах форматом А3.

В настоящее время верстка корейских и русских полос производится на компьютерах. Полосы распечатываются на двух листах формата А4, которые потом склеиваются.

Таким образом, за последнее время технология набора и верстки нашей газеты претерпела большие изменения. К сожалению, в последнее время из-за ограниченных финансовых возможностей не удастся полностью внедрить передовые технические средства, которые позволили бы значительно улучшить качество нашей газеты.

75-летняя история существования нашей газеты показывает, что как бы ни было тяжело газете, всегда старались изыскивать средства на укрепление и модернизацию технической базы редакции.

Хочется выразить надежду, что сотрудники нашей редакции приложат все силы для улучшения дизайна и качества газеты, чтобы радовать своих читателей.

Ким Сен Де,

ветеран газеты «Ленин кичи»-«Коре ильбо»

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С ГАЗЕТЫ

В начале 80-х годов журналистская судьба распорядилась так, чтобы моя карьера корреспондента Хабаровского отделения ТАСС продолжилась в Казахском телеграфном агентстве (КазТАГ). Из холодного дальневосточного Хабаровска в одночасье я переехал в

знойную Алма-Ату, о которой до этого знал только то, что там очень жарко, растут самые вкусные яблоки и выпускается единственная в СССР газета на корейском языке.

Всё совпало один к одному. В первый день моего выхода на работу в конце марта 1982 года светило яркое солнце, температура воздуха достигала отметки 26 градусов. Но я не ощущал жары ни тогда, ни в течение последующих нескольких лет, настолько «пропитался» холодом в прежних местах, где минус 26 обычная температурная норма.

Я застал время, когда яблок в пригородных совхозах было так много, что урожай к первым заморозкам не успевали собрать, и тогда сады открывали для свободного доступа населения – уносили, кто сколько мог. Я тоже побывал там, и до сих пор перед моими глазами стоит почти сюрреалистическая картина – огромные красные яблоки, свисающие с деревьев и упавшие на белоснежный покров первого снега в предгорьях Заилийского Алатау.

Но с первых недель моей новой жизни меня как магнитом тянуло в район Зеленого базара, где на разных этажах издательско-редакционного корпуса соседствовали республиканские газеты - «Казахстанская правда», «Огни Алатау», «Вечерняя Алма-Ата», «Ленинская смена» и «Ленин кичи». Собираясь в дальнюю дорогу, узнал от родителей и их знакомых, что в Казахстане живет, хотя и не самая большая по численности, но, во всяком случае, наиболее образованная и продвинутая часть советских корейцев. Что, по всей видимости, и определило в свое время местонахождение корейского театра и газеты, в выходных данных которой, кстати, значилось - межреспубликанская. Она изредка попадала мне в руки еще в Хабаровске, но в период почти тотального незнания родного языка вызывала одинаковую ответную реакцию – скрытого удовлетворения от принадлежности к некоей значительной в масштабах великой державы национальной общности.

... Октябрь 1988 года. Небольшая комната секции корейской литературы Союза писателей Казахстана. Молодые подающие надежды литераторы Михаил Пак, Станислав Ли, музыкант Геннадий Ким, ваш покорный слуга и руководитель секции писатель Хан Дин в ожидании встречи с Василием Ивановичем Ли. Сейчас, по происшествии времени, уже трудно вспомнить всех, кто тогда был поименно, что конкретно предшествовало встрече и кем она была инициирована. Важно было другое - в стране зрела эпоха перестройки и гласности, и то, что еще вчера находилось под строжайшим табу, уже становилось возможным. К этому разряду принадлежала и информация, которую невозможно было скрыть – с 17 сентября по 2 октября 1988 года в Сеуле состоялись XXIV летние олимпийские игры, в которых принимали участие советские спортсмены. Брешь была пробита – центральное телевидение транслировало многие события с арен олимпиады. Все живыми и здоровыми, многие триумфаторами,

олимпийскими чемпионами, вернулись из страны, на которую до этого на долгие годы наклеили ярлык ортодоксального носителя загнивающей западной идеологии, к тому же противостоящего верному союзнику СССР на восточных рубежах – КНДР. Но многое по-прежнему оставалось за кадром.

Нам не терпелось узнать, что же нам расскажет побывавший в Сеуле в качестве переводчика делегации Василий Иванович, о котором было известно только то, что он был возможно единственным советским корейцем среди спортсменов и сопровождающих, что он работал в органах госбезопасности и владел родным языком. Последние два обстоятельства, видимо, стали решающими при утверждении его кандидатуры...

Перед нами появился пожилой, подтянутый человек, сразу расположивший к себе простотой и искренностью вопреки его роду деятельности. С первых же слов рассказчика стало ясно, что он пришел к нам, чтобы поделиться выводами, которые находились в полном противоречии с официальными пропагандистскими установками. Ни одна из них не совпала с тем, что увидел собственными глазами на исторической Родине Василий Иванович. Чувствовалось, он был растерян, обезоружен, лишен твердого чекистского стержня. Но кому он мог выплеснуть переполнявшие его чувства? Вряд ли в силу своей скрытной профессии Василий Иванович много общался со своими единокровными в Казахстане. Пока не настал этот момент истины.

Именно олимпиада в Сеуле пробила брешь и в нашем закомплексованном пятой графой сознании. Ощущение небывалой гордости за принадлежность к нации победителей родилось у нас осенью 1988 года. Наверное, схожие чувства испытывали тогда наши соотечественники в Москве и Таллине, Ташкенте и Хабаровске, Фрунзе и Свердловске, Душанбе и Харькове, Целинограде и Караганде, Уральске и Талды-Кургане ...

На волне эйфории появилось неосознанное желание общаться, кроме родственников и друзей, с другими своими соотечественниками. Потом, предчувствуя либерализацию режима, эмоции плавно стали перетекать в поступки. Та же группа творческой интеллигенции, что раскрыв рты внимала Василию Ивановичу, вскоре решила образовать инициативную группу для создания некоего корейского общества, где мы могли бы встречаться, узнавать больше о том, что стало нам крайне интересным.

Тогда мы плохо представляли возможности общественной деятельности, когда все еще было подконтрольно власти, а любая инициатива могла рассматриваться как вызов системе. Сделав первый шаг, мы не спешили со вторым. Просто внимательнее, чем прежде стали анализировать ситуацию, отслеживать малозаметные подвижки, происходившие в обществе и психологии людей. А самое главное собирать информацию о наших соотечественниках. И здесь стало открываться много интересного и любопытного. Естественно, в

первую очередь в поле зрения стали попадать персоны первого ряда – самые известные наши земляки, которых я лично рассматривал как потенциальных лидеров корейской диаспоры. В тот период истории на виду находились представители самых заметных в обществе сфер: науки, образования, культуры, спорта. Не считая, естественно, представителей номенклатуры. В конце 80-х в аппарате ЦК Компартии Казахстана работал единственный кореец – лектор отдела пропаганды Борис Хван. Но более был известен другой яркий оратор – профессор высшей партийной школы при ЦК Гурий Борисович Хан, которого мне в самых лестных эпитетах живописал хорошо знавший его мой коллега по журналистскому цеху Альберт Садыков. Гремело в то время имя одного из самых авторитетных корейцев начальника Казглавселезащиты Алексея Юрьевича Хегая. Уже была харизмой сама по себе фамилия Юрия Андреевича Цхая, неизменно ассоциировавшаяся с успехами боксера Серика Конакбаева.

Тогда мне казалось, что кто-то из них должен непременно стать лидером движения, чтобы сразу же придать ему солидность и авторитет в глазах как власти, так и корейцев. Я познакомился с Алексеем Юрьевичем, Юрием Андреевичем, сказал им о своем видении перспектив. Они соглашались, но от ответа на главный вопрос дипломатично уходили. Теперь, я прекрасно понимаю, что только время расставляет все по местам. А тогда, вы помните, в стране было только предчувствие больших перемен. И все, что происходило, было как бы подготовкой к тому, что будет иначе. Когда-нибудь, но будет.

Ничто не препятствовало легализации Корейского культурного центра в Алма-Ате. Акт регистрации и получения статуса юридического лица состоялся буднично и незаметно. Это случилось осенью 1989 года. Об этом уже мало кто помнит.

Так же как и том, что культурный центр делал свои первые шаги в редакции газеты «Ленин кичи». Тогда газета, входившая в число республиканских изданий, размещалась в престижном здании издательства ЦК Компартии Казахстана возле Зеленого базара и занимала чуть ли не полэтажа. Главный редактор газеты «Ленин кичи» Со Ен Хван разрешил временно использовать одно из редакционных помещений в качестве офиса. Тогда я был целиком погружен в дела культурного центра и искал единомышленников, естественно, в первую очередь, среди собратьев по журналистскому цеху. Общественные начинания получили поддержку в лице моих друзей сотрудников газеты: всегда невозмутимого и корректного корреспондента Бориса Кима и неподражаемой заведующей отделом Светланы Ким. Светлана Григорьевна согласилась стать ответственным секретарем Корейского культурного центра, и это было хорошим выбором – она обладала и, надеюсь, сохранила редкое человеческое качество выстраивать отношения с людьми. Вообще круг активистов центра на первых порах состоял в основном из представителей интеллигенции, поскольку бизнесмены как социальный класс еще не существо-

вали. Большая моральная поддержка исходила тогда от нынешнего вице-президента АКК а тогда от аспиранта КАЗГУ Германа Кима, музыканта Геннадия Кима, киноведа Клары Лим, моего коллеги по народному контролю Виктора Пака, покойного Петра Пак-Ира, литераторов Михаила Пака и Станислава Ли, начинающего предпринимателя Павла Ли. Все эти люди были к тому же активными внештатными авторами «Ленин кичи».

Культурный центр того состава успел сделать немного. Самое памятное - встречи с нашими соотечественниками в корейских колхозах Алматинской области и Уральске, организация поездки делегации алмаатинцев и самодеятельных артистов колхоза «Уштобинский» в Пхеньян.

В марте 1989 года я решил, что пора вернуться к делу, которое является моей единственной профессией. Тем более, что большие перемены зрели и в единственной на тот момент в стране газете «Ленин кичи». Вероятно, понимал это и главный редактор Со Ен Хван. Тем более, что у газеты в 1990 году появился издатель в лице харизматической фигуры московского писателя и общественного деятеля Хо Дина, имевшего тогда колоссальный авторитет в Южной Корее. Именно ему «Коре ильбо» во многом обязано своим новым рождением как реальной газеты, учитывающей характер читательской аудитории.

Я уже работал в штате «Ленин кичи», когда Со Ен Хан поручил мне заняться перерегистрацией газеты. Было принято решение зарегистрировать в Министерстве печати СССР два издания – газету «Коре ильбо» и еженедельное приложение на русском языке «Коре». Обновленное издание впервые стало разговаривать с диаспорой наряду с корейским на русском языке. Сохранившиеся и ставшие раритетными экземпляры еженедельника «Коре» на русском языке удивительным образом передают атмосферу того времени. Я думаю, благодаря, прежде всего, талантливой россыпи ярких авторов. Удалось собрать команду из практически всех профессиональных журналистов и литераторов, фотомастеров и художников Казахстана и Узбекистана: Александра Кана, Владимира Кима, Владимира Ли, Генриэтту Кан, Михаила Пака, Станислава Ли, Владимира Сона, Бориса Кима, Клару Лим, Татьяну Чен, Брутта Кима, Алексея Пана, Цой Ен Гына, Лаврентия Сона, Дмитрия Ли, Виктора Ана, Виктора Кима.

Блестящих интеллектуалов, профессионалов своего дела сплотил единый порыв создать достойное издание. И это удалось. Мне кажется, и сегодня «Коре» образца 1990 года с интересом читалось бы многими.

*Валентин Чен,
главный редактор газеты «Российские корейцы»,
заслуженный работник культуры Российской Федерации*

ТАШКЕНТСКИЙ КОРПУНКТ В 1994-1995 ГГ.

Так случилось, что мой отец, Сергей Михайлович Хан, доктор философских наук и ректор Ташкентского государственного института культуры, стал одним из основателей корейского движения в годы перестройки. В 1988 г. он был избран председателем Республиканского оргкомитета по созданию корейских культурных центров. Таким образом, я оказался свидетелем многих событий, связанных с корейским движением в Узбекистане. В те же годы мой старший брат, Александр Хан, профессиональный гитарист, создал группу «Инсам», исполнявшую корейские народные песни в джаз-роковой обработке. И снова же, я оказался вовлечен в деятельность этой группы, как в виде автора «философии» программы и аннотаций к ее номерам, так и в качестве слушателя, постоянно находящегося на репетициях группы в Доме культуры колхоза «Политотдел» и сопровождавшего ее на концертах. Так у меня стал просыпаться интерес к корейской «теме».

Как и многие ученые-корейцы гуманитарного профиля, на рубеже 80-х – 90-х годов я стал интересоваться корееведческой тематикой, особенно после знакомства с профессором Хельсинского университета Ко Сонг Му, автором известной книги «Корейцы в советской Центральной Азии». Как-то во время его пребывания в нашем доме я высказался по поводу своего понимания целей и задач развертывавшегося корейского движения, причем в моем видении этого вопроса имел место значительный критический запал в отношении деятельности корейских культурных центров. Ко Сонг Му эти высказывания показали интересными, и он предложил мне написать статью для создаваемого нового научного журнала «Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии». Вскоре моя статья **«Парадигмы и проблемы национальных движений: социально-философский анализ»** вышла в первом номере этого журнала. С этого момента я и включил корееведение в область своих научных интересов.

Тогда же я познакомился с газетой «Корё Ильбо» и ее субботним приложением «Корё». Я и раньше знал о существовании ее предшественницы, «Ленин Кичи», но поскольку она издавалась на корейском языке, то в силу его незнания меня газета особо не интересовала, разве что я периодически подумывал что-нибудь послать туда для публикации. И лишь когда «Корё Ильбо» стала издаваться с русскими полосами, я непосредственно познакомился с ней, хотя в связи с проблематичностью подписки после распада СССР, удавалось прочитать лишь отдельные номера. Особое впечатление на меня оказало приложение «Корё». Будучи философом, я не мог не оценить глубину и нестандартность поднимаемых в нем вопросов, дух свободной дискуссии и стилистику языка, близкой к философской публицистике.

Как-то в 1993 г. я приехал по приглашению Ко Сонг Му в Алматы. Там я познакомился с Германом Кимом, историком-корееведом. Вскоре я снова приехал в Алматы на международную научную конференцию, организованную японцами, где Герман Ким познакомил меня с Александром Каном, писателем. Оба тогда работали в «Корё Ильбо».

В один из дней моего очередного визита в Алматы мы с Германом Кимом заехали в редакцию газеты. Он завел меня в отдел русской редакции, представил как философа из Ташкента и пошел по своим делам по другим кабинетам.

Отдел возглавляла Клара Лим. Как я узнал позже, ее в газете немного побаивались. Умная, великолепно разбирающаяся в литературе и искусстве, всегда модно и со вкусом одетая, прямая и принципиальная, с тонким и несколько саркастическим чувством юмора, способная тягаться с мужчинами в любом застолье, она не особенно церемонилась с ними, не упуская случая поддеть их мужское самолюбие. Я не стал исключением.

– Значит, философ? Ну, ну. – Клара с едкой улыбкой и при этом, ангельскими глазами посмотрела на меня, сжимая зубами фильтр сигареты. – А вот я знаю только двух философов – Сократа и Монтеня. Ты что, один из них?

– Нет, я другой.

– Не уж-то, третий?

– Просто другой. А если говорить о философских авторитетах, то мне ближе Платон, Гегель и Маркс, а из современников – Эрих Фромм, Эвальд Ильенков и Заид Оруджев.

Наш философский диспут прервал Александр Кан, который принес гранки интервью, предназначенного для публикации в газете, под заголовком «Корейская диаспора сегодня», где я и Саша размышляли о проблемах корейского движения, о сути и судьбах корейской диаспоры на постсоветском пространстве.

В ходе чтения интервью я стал править гранки. Как потом, призналась Клара, она была очень удивлена, поскольку Саша, будучи профессиональным литератором и уже известным писателем, не позволял править после себя, что он и высказал мне. Я объяснил, что дело не в стилистике, а в уточнении (аутентичности) того, что я высказал в интервью. В конце концов, он согласился с правками.

Именно после этих правок Клара предложила мне попробовать себя в качестве собкора, поскольку посчитала, что привлечение ученого-гуманитария, интересующегося корейскими вопросами, будет на пользу ташкентскому корпункту. Дополнительные аргументы Германа и Саши убедили меня, хотя в то время я уже работал в трех местах: преподавал в Ташкентском экономическом университете, в Институте повышения квалификации при ТашГУ и являлся советником председателя компьютерного консорциума «Технезис-Инфо». А вскоре я получил предложение возглавить корпункт.

После знакомства с делами корпункта, я выявил для себя следующие его основные проблемы.

Самой главной проблемой была подписка. Введение собственных национальных валют в Казахстане и Узбекистане и разрушение единого подписного пространства привели к тому, что подписка стала проблематичной. Как мне тогда сказал Брутт Ким, последняя подписка составляла чуть более 300 человек из 180-ти тысячного населения. Думаю, что настоящая цифра была ниже. Проблема усугублялась тем, что отношение сотрудников корпункта к распространению газеты было пассивным, и ограничивалось пропагандой и реализацией газеты на массовых корейских мероприятиях. Традиционная подписка на «корейские» колхозы по разнарядке прекратила свое существование. А постоянная адресная работа с областными, городскими и районными корейскими организациями, центрами компактного проживания корейцев и целенаправленный диалог с корейскими бизнес-структурами не были освоены.

В итоге газета ввозилась из Казахстана небольшими тиражами. Но и эти партии не удавалось в полной мере реализовывать из-за резко упавшей покупательной способности населения в начале 90-х годов, что было уже другой проблемой. Газету покупали лишь те, кто заходил в корпункт – в силу отсутствия подписки и галопирующей инфляции корпункт не мог взять на себя обязательства по доставке газеты.

В результате отсутствия выручки перед корпунктом постоянно стояла проблема оплаты за аренду комнаты и телефонов. Главная редакция отказалась осуществлять эти оплаты. За зарплатой специально надо было ехать в Алматы, или ждать, что кто-нибудь ее привезет.

Еще одной проблемой было то, что читательская аудитория газеты состояла из корейцев старшего поколения, читателей бывшей «Ленин Кичи». Несмотря на то, что половина полос «Корё Ильбо» перешла на русский язык, аудитория газеты так и не пополнилась корейцами среднего возраста, не говоря уже о молодежи.

Я отдавал себе отчет, что традиционные методы распространения газеты не дают должного эффекта, и что расширению спроса на нее должен способствовать новый тип маркетинга, что предполагало финансирование в этом направлении и изменение стратегии распространения. Причем ситуацию надо было менять коренным образом и в короткие сроки, поскольку нужно было уложиться в 1-2 месяца подписной компании 1994 г. – головной офис из-за перманентной инфляции никак не мог определиться с подписной ценой. А у нас в потенциальных подписчиках было не более нескольких десятков человек. Единственным выходом было привлечение внешних средств, причем значительных. Как это сделать?

Я рассказал ситуацию Виталию Моисеевичу Паку, председателю консорциума «Технезис-Инфо», который включал в себя 17 фирм – 14 ташкентских, одну российскую, одну казахстанскую и одну аме-

риканскую, и попросил помочь. Виталий Моисеевич пошел на встречу, и чтобы спасти кампанию решил подписать на бесплатной основе 2000 корейцев Узбекистана.

Что стало со спокойно-ленной атмосферой корпункта? Каждый день – десятки звонков в областные, городские и корейские организации и просто знакомым корейцам. Появилась обратная связь: узнав, что идет бесплатная подписка на «Корё Ильбо», люди стали звонить и приходить к нам, чтобы их подписали. Был составлен внушительный список организаций, имен, адресов, который ежедневно обновлялся. Многие звонили по несколько раз: то имя не так записано, то адрес изменился, а то и просто еще раз удостовериться, что данное имя действительно в списке и что настоящая подписка – на самом деле реальность.

В конечном счете, мы справились и за месяц подписали 2000 человек, превысив в несколько раз показатели по Казахстану. Это был успех.

В моем домашнем архиве сохранились письма благодарности в адрес В. М. Пака за этот почин. Вот выдержки из письма от О. Н. Юна из г. Ургенча:

«Уважаемый Виталий Моисеевич!

Приношу огромную благодарность за Ваш подарок – 15 экземпляров «Корё Ильбо», для корейской общественности Хорезма. В этом году подписная компания проводилась в столь короткие сроки, что действительно

многие из желающих подписаться просто не успели этого сделать. Благодаря

Вашему патриотическому почину наши ветераны получили возможность читать свою любимую газету. Все 15 экземпляров были переданы обществу «Ноин Хе» и распространяются среди его членов. Гордимся тем, что еще в нашей корейской среде есть люди способные пожертвовать немалыми материальными ценностями ради возрождения национальной духовности, культуры. Со своей стороны сделаем все, чтобы подписная компания 1995 года прошла на хорошем уровне. Поддержим все вместе единственную корейскую газету на территории бывшего Союза, которая еще связывает нас – братьев единокровных! Еще раз огромное спасибо.

По поручению корейской общественности г. Ургенча Океан Николаевич Юн».

После подписной компании мой статус заведующего ташкентским корпунктом был заменен соответствующим приказом на заместителя главного редактора по Узбекистану. Данное решение было давно назревшим, поскольку по численности корейская диаспора, а значит и читательская аудитория, в республике была самой большой в СССР и на постсоветском пространстве.

Сотрудничество с «Технезис-Инфо» не ограничилось подпиской. Компания взяла на себя оплату комнаты, арендуемой корпунктом и

телефонных переговоров. На один из праздников всем сотрудникам газеты, включая головной офис в Алматы, от имени компании была выплачена значительная по тем временам премия. Еще одним направлением сотрудничества и одновременно материальной помощи работникам газеты были заказы на создание творческих и рекламных проектов. Так, В. М. Пак заказал газете и казахстанской телепрограмме «Коре сарам» 20-минутный фильм о компании. Три сотрудника «Корё Ильбо» (Клара Лим, Александр Кан и Юрий Цай), а также оператор «Коре сарам» приехали в Ташкент. Фильм прошел по казахстанскому и узбекистанскому телевидению.

В процессе обсуждения дел и проблем газеты с В. М. Паком стало ясно, что сделать газету самокупаемой, не говоря уже о прибыльности – очень проблематично. Тупиковым был и путь, когда газета находится на постоянной донорской игле – исчезают естественная мотивация борьбы за читателя, стремление к обновлению стратегии маркетинга в условиях конкуренции на рынке средств массовой информации. Необходимы были новые методы и формы работы, о чем говорил упавший до предела уровень подписки. Ведь это не нормально, что на 450 тысяч корейского населения СНГ (только в центрально-азиатских республиках проживало 350 тысяч корейцев) подписка охватывала лишь несколько сот человек. В поисках выхода из сложной ситуации постепенно стала рождаться идея медиа-холдинга на базе «Корё Ильбо», который бы стал с одной стороны, основным донором корейской газеты, а с другой – новой формой ее развития. Идея нашла отклик у ряда сотрудников алма-атинской редакции – Клары Лим, Александра Кана, Германа Кима, сотрудников ташкентского корпункта (Брута Кима, Вячеслава Ли, Виктора Ана).

Однако эта идея была негативно воспринята, а может быть и неправильно понята, руководством газеты и Республиканской ассоциации корейских культурных центров Казахстана – отчасти, потому что представители старшего поколения смутно представляли рыночные подходы на рынке масс-медиа, а может быть, потому что не видели себя в новой структуре, а также из-за боязни обретения независимости и возможного благополучия газеты, которая до последнего времени зависела от всех и вся, и которую легко было контролировать.

Вот выдержки из письма президента РАККЦ Гурия Борисовича Хана на имя министра печати и средств массовой информации РК А. С. Сарсенбаеву:

«Пишу об этом, потому что я имел беседу с гражданином суверенного Узбекистана Пак Виталием Моисеевичем, который, как Вам известно, изъявил свое желание оказать некоторую финансовую помощь редакции газеты и стать ее одним из соучредителей. По его словам, он хочет распространить акции на газету и содержать ее за счет средств акционеров. Трудно верится в реальность данной идеи, ибо газета «Корё Ильбо» нерентабельна и есть предположение, что

Пак В. М. хочет со временем перебазировать редакцию газеты из Казахстана в Узбекистан.

... Республиканская ассоциация корейских культурных центров Казахстана убедительно просит Вас принять максимум мудрости в сложившейся конфликтной ситуации в редакции газеты «Корё Ильбо», сохранить ее как национальную газету корейской диаспоры суверенного Казахстана, уберечь ее от лично-корыстных интересов сомнительных и безответственных соучредителей. Наше мнение – газета «Корё Ильбо» и впредь должна базироваться на благодатной интернациональной казахской земле и находиться под опекой Правительства Республики».

Я уже говорил о возможных причинах неприятия идеи медиа-холдинга, но меня поразило то, что данное письмо принципиально исказило существующее положение дел и предлагаемую идею.

Во-первых, В. М. Пак не просто «изъявил свое желание оказать некоторую финансовую помощь редакции газеты», а уже оказал таковую, в виде подписки 2000 человек, премии всему коллективу газеты, оплаты аренды помещения и телефона ташкентского корпункта, помощи в доставке заработной платы для сотрудников корпункта.

Во-вторых, говоря о невозможности акционирования газеты и ее принципиальной нерентабельности, руководители «Корё Ильбо» и РАККЦ расписались в том, что они не имеют представлений об иных методах управления газетой (современном менеджменте), нежели те, что сделали ее нерентабельной, или вернее, стали не эффективными в условиях рынка и распада «корейских» колхозов. Проведенные тогда расчеты показали, что выход на 8-10 тыс. экземпляров подписки (реализации) делает газету самокупаемой, а все дальнейшие тиражи являются чистой прибылью. Конечно, для руководства газеты и РАККЦ, представленного старшим поколением, далекого от предпринимательской жилки, сама идея применения бизнес-подходов к масс-медиа была не реальной. Именно поэтому цифра в 8-10 тыс. экземпляров (при диаспоре в 450 тыс. человек!) была для них из области фантастики.

В-третьих, в письме идея медиа-холдинга была подменена идеей выпуска акций «Корё Ильбо». На самом деле речь шла о создании медиа-холдинга в виде акционерного общества. Площади, оборудование и творческий потенциал коллектива «Корё Ильбо» при дополнительном финансировании можно было использовать для создания других изданий, быстро окупаемых и рентабельных (например, рекламных), предоставления журналистских, дизайнерских и полиграфических услуг. Часть выручки от медиа-холдинга в этом случае должна была направляться на развитие «Корё Ильбо». Это был смелый проект в духе современных рыночных подходов к периодической печати. И жизнь на рынке масс-медиа убедительно доказала правильность этого направления. Иждивенческая же, по советской привычке, постановка вопроса об «опеке правительства» (финанси-

рования по остаточному принципу) лишала газету всякого маневрирования в условиях рынка и обрекала на скудное прозябание.

В-четвертых, В. М. Паком никогда не ставился вопрос о перебазировании редакции газеты из Казахстана в Узбекистан. Попытка приписать ему эту идею была просто дезинформацией. Дело в том, что помимо того, что в алма-атинской редакции сложился слаженный профессиональный коллектив, ситуация на казахстанском рынке масс-медиа была более благоприятной (наличие конвертации, отсутствие нескольких курсов валюты, более высокий уровень свободы прессы, меньшие ограничения, более профессиональная реклама и т. д.), нежели в Узбекистане.

А патриотический пафос о «благодатной интернациональной казахской земле» только усиливал дезинформацию.

В-пятых, Г. Б. Хан пишет о необходимости сохранить «Корё Ильбо» «как национальную газету корейской диаспоры суверенного Казахстана», в то время как мы мыслили ее как газету корейцев СНГ. Если речь идет о казахстанской газете, то тогда не понятно, зачем надо было перед корпунктом ставить задачи по увеличению тиража в Узбекистане.

И, в-шестых, если «Корё Ильбо» изначально нерентабельна, как пишет Г. Б. Хан, а значит, газета не дает никакой финансовой отдачи, а лишь требует постоянного финансирования извне, то в чем тогда заключались «лично-корыстные интересы» В. М. Пака?

Вопрос о медиа-холдинге расколол редакцию.

Другим вопросом, по которому возникали разногласия, была фактическая подчиненность газеты южнокорейскому посольству. Главного редактора постоянно вызывали в посольство, после чего он озвучивал полученные там указания. Как-то журналист корпункта Вячеслав Ли дал маленькую информацию о каких-то событиях в КНДР. Клара Лим пропустила ее, поскольку она носила нейтральный, сугубо информационный характер. По этому поводу главный редактор был вызван «на ковер» в южнокорейское посольство, где ему было поставлено на вид, о чем мы были проинформированы. В связи с этим у меня состоялся неприятный разговор с главным редактором.

Разность взглядов на пути развития газеты привели к тому, что Клара Лим написала заявление об уходе из газеты. Аналогичные заявления подали я, Александр Кан и Герман Ким.

Судьба ташкентского корпункта усугублялась еще тем, что Брутт Ким, опытный журналист, стал приходить к идее о создании собственной корейской газеты в Узбекистане при помощи местных корейских бизнесменов. Эта идея нашла понимание в южнокорейском посольстве, которое стремилось вывести узбекистанскую диаспору из под казахстанского «влияния». В связи с этим представители посольства неоднократно говорили о том, что «Коре Ильбо» должна быть казахстанской газетой, а узбекистанские корейцы должны

иметь свою газету. В итоге Б. Кимом была создана «Корё Синмун». С ее созданием «Корё Ильбо» перестала распространяться в Узбекистане.

*Валерий Хан в 1994-1995 гг.
заместитель главного редактора «Корё Ильбо» по Узбекистану.*

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Среди изданий, выписываемых в свое время моим дедом, наравне с пхеньянской газетой «Родон синмун» и журналом «Корея», «Ленин кичи» занимала особое место. В жизни его современников она также играла важную роль. Сейчас, став привычным атрибутом корейской семьи, особенно в Казахстане, газета, казалось бы, прижилась и воспринимается как нечто обыкновенное, если не обыденное. Вместе с тем, на ее долю выпали все те перипетии, которые легли на плечи всего народа. Не зная ее судьбу, сложно оценить ее роль.

В 1937 году газета могла погибнуть. В огне репрессий был уничтожен почти весь коллектив «Сэнбона». Но ее спасли. Редакционный типографский свинцовый набор — духовный наследник корейского металлического шрифта, появившегося задолго до Гуттенберга, — выжил вопреки всему, тайно проделав в товарном вагоне тот же путь с Дальнего Востока в среднеазиатские степи. Люди, сохранившие литеры с хангылем с риском для жизни, были уверены в одном: газета должна жить.

Довольно часто приходилось нам слышать, что в советское время «Ленин кичи» исполняла исключительно информационные запросы ЦК КПСС и служила рупором партии для населения, говорившего на корейском языке. Вместе с тем, газета — это уникальный исторический источник, хранящий эксклюзивную информацию по истории советских корейцев. Источник, запечатлевший картины трудового подвига, минуты радости и трагедии корё сарам. Газета была свидетелем и активным участником корейского общественного движения в постсоветский период. И несмотря на то, что об издании уже много сказано и написано, уверен, основное исследование газеты как исторического феномена еще впереди.

В начале 1990-х годов, на волне возрождения корейского общественного движения, газета стала центром корейской журналистики на всем постсоветском пространстве. Несмотря на то, что редакция находилась в Алма-Ате, московские корейцы публиковали в «Корё ильбо» свои статьи так же активно. В издании печатались писатель Анатолий Ким, профессор Дипломатической академии МИД Владимир Ли, депутат Верховного Совета Ким Ен

Ун, ректор Московского корейского университета Хо Дин, президент Общества потомков борцов за независимость Кореи Валентин Цой и все, кто так или иначе принимал участие в корейской общественной жизни.

Одной из первых газета подняла тему возникновения и становления корейского молодежного движения. Молодежное движение корейцев Казахстана публиковало в газете свои материалы. Рубрика стала постоянной, а тема, продолжая быть актуальной, нашла свое отражение и в других корейских газетах. На страницах издания юные акулы пера делали свои первые шаги. Для многих ребят моего поколения газета «Корё ильбо» стала путевкой в профессиональную журналистику.

Не так давно, в процессе подготовки книги о корейцах-ветеранах Великой Отечественной, я столкнулся с тем, что материалы об участниках войны, опубликованные на страницах газеты, сейчас остаются едва ли не единственным источником, сохранившим о них сведения. Уходят люди, вещи, теряются исторические документы, исчезают выцветшие фотографии, и стираются записи диктофонных лент. Газетные статьи же до сих пор хранят рассказы и предания о людских судьбах и биографиях.

Многое еще предстоит сделать для сохранения культурного наследия газеты. Чрезвычайно важной была бы работа по сбору архива издания со дня основания до момента депортации. Ведь не секрет, что полной подшивки газеты «Сэнбон» за 1923-1937 гг. нет ни в одном архиве, ни в одной библиотеке, ни в одной частной коллекции. Разрозненные экземпляры газеты можно найти в Москве и Владивостоке. И тот, кому удастся не только восстановить и опубликовать утраченный архив, внесет неоценимый вклад в сохранение культурного наследия корё сарам. Время разбрасывать камни прошло, пришло время собирать камни.

Современные технологии позволяют более эффективно хранить имеющуюся информацию. «Корё ильбо» и здесь стала первопроходцем среди других корейских изданий стран СНГ. В 2007 году под руководством профессора КазГНУ Германа Кима была проделана уникальная работа — весь редакционный архив газеты за 1938-2002 гг. был полностью оцифрован. Таким образом окончательно решился вопрос с сохранностью архива за данный период. Кроме того, появилась возможность читать, изучать материалы газеты в удобном, доступном варианте.

В мае 2008 года, во время празднований 85-го юбилея газеты, в Алматы развернулась выставка, на которой было представлено старое редакционное оборудование: печатные машинки, фотоаппараты, магнитофоны... Посреди экспонатов на скромной, потертой синей бархатной подушке лежал Орден Дружбы народов — награда, заработанная трудом и здоровьем нашего старшего поколения. Как на-

поминание о высокой степени ответственности и преемственности традиций корейской журналистики.

Сердечно поздравляю коллектив газеты с 90-летием, желаю эксклюзивных, незабываемых материалов, талантливых авторов, преданных читателей. Творческих успехов и новых побед!

Дмитрий ШИН
Главный редактор Информационного портала
корейцев СНГ ARIRANG.RU

ЖИВУЩАЯ В СЕТИ

В силу ряда причин – например, полного на тот момент отсутствия грамотных веб-разработчиков, которые бы могли представить хотя бы собственное портфолио, - разработка интернет-газеты со специфическим названием «Коре Ильбо» не получила хода. Кстати, отчасти разработке мешала и специфика издания – дизайнеров, работавших с корейскими шрифтами, в Казахстане попросту не было.

Не способствовало продвижению идеи и почти полное отсутствие казнета – внутренний контент находился еще только на стадии формирования. Даже крупные компании, которые могли себе позволить заказать «пагу» «на стороне», у иностранных разработчиков, к концу 90-х годов еще сами с трудом распознавали общепринятую рекламно-брендинговую терминологию, едва отличая publicity от public offer. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что Казахстан, еще не вкусивший всех прелестей брендостроительства, не торопился устраивать инвестиционный бум в Казнете.

Нельзя сказать, что в 2000-е ситуация изменилась коренным образом. Однако, внезапно, может быть, для многих, получили мощные стимулы к развитию два сегмента в казахстанском секторе интернета - информационный и финансовый. На причинах, побудивших инвесторов вкладывать средства в интернетизацию Казахстана, мы останавливаться не станем. Оговоримся лишь, что увеличение числа провайдеров резко удешевило стоимость подключения к всемирной сети и наша республика резко прибавила в количестве пользователей. Естественно, приток на потенциальных потребителей обратили внимание маркетинговые службы и Казнет просто был вынужден пополниться собственными ресурсами – начиная от имиджевых, заканчивая развлекательными.

- Естественно, мы учитывали поголовную интернетизацию масс-медиа, - заверяет главный редактор «Коре Ильбо» Михаил Пак, - Абсолютно в любом деле есть своего рода предел, граница

игнорирования. Можно год, другой не обращать на развитие телекоммуникационного рынка и в итоге внезапно для себя оказаться в роли папуаса, использующего тамтам вместо сотового телефона. К тому же, так уж получилось, что отработавая различные проекты в сфере общекзахстанских масс-медиа, я оказался в своего рода эпицентре развития информационно-аналитического сегмента Казахстана – почти все заказы, которые я получал, как журналист, так или иначе касались развития интернет-проектов. Поэтому в определенный момент мы были просто вынуждены дотягивать «Коре Ильбо» до общего уровня. Корейская газета почему-то до сих пор многими воспринимается, как «районка», использующая дедовские методы работы с информацией. Сайт был необходим, как всего лишь один из рычагов, пусть и самый важный, призванный сломать этот странный стереотип.

Разработка сайта длилась около полутора месяцев – мизерный срок, если учесть, что одной из долгосрочных целей редакции является СМИ портального типа. На практике это означает, что «Коре Ильбо» в интернете будет представлено по всем общепринятым правилам веб-комильфо. Технически сайт будет представлять из себя набор «фишек» и инструментов, которыми может похвастать далеко не каждое веб-представительство. Например, на острие моды сегодня находится динамично развивающееся так называемое веб-телевидение, которое еще даже не пришло в Казахстан. Однако ряд интернет проектов, в том числе и «Коре Ильбо» заложили среди своих возможностей просмотр видеофайлов в интернете. Между тем, Казахстан еще только начинает пользоваться сервисами таких видеопорталов, как YouTube или RuTube – у провайдеров республики еще нет технической возможности предоставлять подобные сервисы в полной мере своим пользователям. Тем не менее, разработчики «Коре Ильбо» заложили технические возможности для того, чтобы уже меньше, чем через полмесяца читатели газеты могли позволить себе увидеть наиболее драматичные фрагменты из мероприятий Ассоциации корейцев Казахстана.

- Технически сайт не очень сложен, - скромничает главный разработчик, руководитель дизайн студии «A'Pertsev design» Александр Перцев. – К тому же мы еще не закончили техническое оснащение сайта. Да, он современен, отвечает большинству общепринятых трендов. Самое главное – он нисколько не хуже, а по ряду моментов даже лучше, чем многие современные казахстанские, да и российские сайты. Да, я думаю, можно сказать, что газета «Коре Ильбо» получила в свои руки очень хороший, но не слишком «тяжелый» ресурс.

Главный разработчик сайта «Коре Ильбо» «A'Pertsev design studio» - имеет колоссальный для Казахстана опыт – реализовав, например, сайты газеты «Бизнес и Власть», телевизионной кабельной сети «Алма ТВ», компании «Темир Жолы», компании «БТА иншуранс», «31 канала», телекомпании «Алматы», информационного

агентства «Казахстан тудей» и многих других (всего в списке около 300 работ), компания сегодня работает на перспективу – например, прорабатывает собственную баннерную сеть banex.kz, что для условий Казнета – все еще новшество. Сейчас компания мониторит работу сайта «Коре Ильбо», все еще отстраивая работу – полтора месяца на подготовку и полную реализацию сайта порталного типа, еще и отвечающего современным трендам электронных СМИ – срок катастрофический малый. Многие вещи «обкатывались» буквально на ходу, когда технические решения принимались в ходе разработки.

- Для того, чтобы делать сайт для средств массовой информации, - считает главный редактор «Коре Ильбо» Михаил Пак, - Необходим подрядчик, который мыслит на перспективу и способен принимать нестандартные решения на ходу. Особенно – если дело касается такой специфической газеты, как «Коре Ильбо». Я с самого начала выступал за гибкую структуру сайта, чтобы многие его части были взаимозаменяемы. Например, на сайте существуют блоки, куда можно вставить, что угодно – рекламу, информацию, опрос или флеш-ролик. Для этого не потребуется снова звать дизайнера с программистом и нарушать целостность оболочки. При этом важно, что структура сайта такова, что с управлением сможет справиться даже ребенок. Понимаете, мы же газета, а не, скажем, нефтяная компания, где можно один раз выставить информацию и потом менять только цифры. Нам необходима максимально трансформируемая структура. Думаю, что мы этого уже почти добились.

Фактически, сайт газеты «Коре Ильбо» уже работает. Если, к примеру, брать уровень работы некоторых других порталов, то даже незаконченная совместная работа редакции и студии уже сейчас превосходит многие веб-странички по техническим возможностям, скрытым за глянцевой обложкой дизайна. Однако при этом оба разработчика умолчали о главном достоинстве сайта – даже в законченном виде он будет напоминать своего рода конструктор, к которому будут присоединены новые проекты. Таковые уже имеются – например, проект социальных сетей, получивших развитие за последний год. Или – развитие сотрудничества с диаспорными СМИ СНГ.

- Однако это, - оговаривается главный редактор, - быть может, реализуем уже даже не мы. Нам необходимо сейчас заниматься хотя бы развитием собственно сайта. Иначе, зачем мы его создавали? Сейчас мы имеем предварительную договоренность с одной московской компанией – им интересно заняться продвижением сайта в интернете. Их интерес – сегментированные СМИ. А есть ли издания более сегментированные, нежели диаспорные? Сомневаюсь.

*Михаил Пак,
главный редактор «Коре Ильбо» (2006-2009)*

СЛУЖИВШИЕ НАРОДУ И ГАЗЕТЕ

*Главные редакторы и журналисты, в разные годы
работавшие в редакции газеты
«Сенбон», «Ленин кичи», «Коре ильбо»*

1. Ли Сен	12. Ким Хон Дин
2. О Сен Мок	13. Хан И.П.
3. Ли Бек Чо	14. Со Ен Хван
4. Ли Гвал	15. Ян Вон Сик
5. Ким Дин	16. Юрий Цай
6. Цой Хо Рим	17. Алексей Пан
7. Со Де Ук	18. Виктор Ким
8. Нам Хе Рен	19. Валерия Ли
9. Сон Дин Фа	20. Михаил Пак
10. Ким Дюн Гил	21. Константин Ким
11. Ким Кван Хен	

Состав редакции газеты «Ленин кичи», 1954 г.

1. Ответственный редактор - Нам Харен
 2. Заместитель редактора - Ким Кук-чен Секретариат редакции:
 3. Ответственный секретарь - Хан Санук
 4. Зам. отв. секретаря - Цхай Валентин
 5. Литературный сотрудник (2 шт.единицы) - не укомплектованы
 6. Выпускающие - Ким Дин-Тай, Хан Хевон.
- Отдел агитации и пропаганды Марксизма-Ленинизма:
1. Зав. отделом, он же зам.редактора - не укомплектовано
 2. Литсотрудник 1шт.единица - не укомплектовано
- Отдел партийной жизни
1. Зав. отделом - Ем Саир
 2. Литсотрудник - Кан Ен-хван
- Прмышленный отдел:
1. Зав. отделом - Цай Пен-До.
- Отдел сельского хозяйства и животноводства:
1. Зав. отдлом - Ем Дон-ук
 2. Литсотрудники - Кан Сен-мун, Ким Ун-Сек.
- Отдел совстроительства:
1. Зав. отделом - Тем Чер-сон.
- Отдел культуры и быта:
1. Зав. отделом - Ким Кван-хен
 2. Литсотрудник (1 шт. единица), не укомплектовано

Отдел внутренней информации:

1. Зав. отделом - Ким Гир-сен
2. Литсотрудник - Дон Чер

Отдел союзной и международной информации:

1. Зав. отделом - Лим Константин
2. Переводчики - Хе Вон-чен, Хан Афанасий. 1 шт. единица не укомплектована

Отдел писем трудящихся:

1. Зав. отделом - не укомплектовано
2. Литсотрудник 1 шт. ед. - не укомплектовано
3. Учетчик - Хон Любовь

Отдел корреспондентской сети:

1. Зав. отделом - Де Ман-гым
2. Собкорры по Кзыл-Ординской - Цой Ун-хак
- по Южным областям - Ким Яков
- по Алма-атинской и Талды-Курганской обл. - Ли Гван-хе
- по Ташкентской обл. - Ким Дючир
- не укомплектовано 3 шт. единицы.

Техперсонал:

1. Художник-ретушер - Ким Хен-нюн
2. Фотокорреспондент - пак Николай
3. Ревизионный корректор - Огай Тамара
4. Корректор полосной - Тянь Ин-дек, Дон Чер
5. Корректоры - Лим Лидия и Пак Нина
6. Подчитичики - Пак Вера, Ким Мария, Тянь Оксун
7. зав. спец. частью - Ким Давид
8. Машинистка - Сон Надежда
9. Радистки - Баканова К., Шмоница
10. Тех.спекретарь - Ли Ольга
11. Курьеры - Ким Ден-хи, Шамсудинова
12. истопник 1 шт. единица - не укомплектована
13. Шофер грузовой машины - Рыбалкин И.Е.
14. Завхоз - Ким Павел А.
15. Уборщица - Толстова К.

Итого - 57 человек. Из них некомплектовано: литсотрудники - 5 человек переводчик - 1 человек завотделом - 2 человека собкорры - 3 человека.

Редактор: Нам Харен

ЦГАНИ РК Ф.708,оп.27,д.1430,л.66-68

Список сотрудников редакции «Ленин кичи» (1956 год).

1. Нам Ха Рен - редактор
2. Ким Кук Чен - зам.редактора
3. Хан Сун Ук - ответственный секретарь
4. Хан Бен Нен - зам.отв.секретаря
5. Ким Чер Су - лит.сотрудник
6. Хан Хе Вон - выпускающий
7. Ким Дин Тай - выпускающий
8. Ем Са Ир - зав.отделом
9. Ким Ун Сек - лит.сотрудник
10. Тен Чер Сон - зав.отделом
11. Кан Ен Хван - лит.сотрудник
12. Цой Бен До - зав.отделом
13. Ем Дон Ук - лит.сотрудник
14. Кан Сен Мун - лит.сотрудник
15. Ли Чун Гын - лит.сотрудник
16. Ян Ман Чун - зав.отделом
17. Ким Кван Хен - зав.отделом
18. Ким Дон Чер - лит.сотрудник
19. Цой Ден Ок - лит.сотрудник
20. Лим Константин - зав.отделом
21. Чагай Вон Чер - переводчик
22. Хе Вон Нен – переводчик
23. Пак Петр - переводчик
24. Когай Петр - зав.отделом
25. Хан Тамара - лит. сотрудник
26. Хон Л.П. - учетчик писем

27. Де Ман Гым - зав.отделом
28. Цой Ун Хак – соб.корр.
29. Ким Я.Я. – соб. корр.
30. Ким Ду Чир - собкорр.
31. Магай Ген Тхя - собкорр.
32. Тянь Д.И. - собкорр.
33. Югай Чер Ге - собкорр.
34. Огай Хен Чер - собкорр.
35. Ли Моисей - художник-ретушер
36. Дон Чер - корректор
37. Тянь Ин Дек - корректор
38. Огай Сун Хи - корректор
39. Пак Николай - фоторепортер
40. Ним Лидия - корректор
41. Пак Чу Ок - корректор
42. Пак Мария - подчитчица
43. Тянь Ок Сун - подчитчица
44. Пак В.А. - подчитчица
45. Ким Д. - зав. спецчастью
46. Богатова А.Г. - машинистка
47. Баканова Ж. - радистка
48. Шмоница Е. - радистка
49. Ча Ен Сук - технический секретарь
50. Ким Ден Хи - курьер
51. Абзалов А. - истопник
52. Маханов А. - завхоз
53. Голикова Н. - уборщица
54. Ахметхозин Т. - курьер
55. Ким Дюн - литсотрудник
56. Озеров М.И. - шофер

ГМК-00, ф.491, оп.2, д.9, л.24-25

Список членов Союза журналистов Казахстана – состав редакции республиканской газеты «Ленин кичи» (1964 год).

1. Нам Ха Рен	8. Лим Гир Сен
2. Ким Кван Хен	9. Лим Константин
3. Ли Чун Гин	10. Чагай Вон Чер
4. Ем Дон Ук	11. Цой Ун Хак
5. Хан Сан Ук	12. Магай Ген Тхя
6. Ем Са Ир	
7. Кан Сен Мун	

Коллектив редакции газеты «Ленин кичи», 1966 г.

Редакция газеты «Ленин кичи» в 1970-е годы в Алма-Ате

Состав редакции «Коре ильбо» 1998 г.

1. Ян Вон Сик - гл. редактор
2. Ким Борис Александрович - зам. гл. редактора
3. Ким Сен Дё - ответственный секретарь
4. Кан Чун Сон - корреспондент
5. Пак Ген Нам - корреспондент
6. Ца Юн Хи - корреспондент
7. Ю Елена - корреспондент
8. Лосукова Светлана Петровна - корреспондент
9. Ли Вячеслав - собкорр. (Ташкент)
10. Сон Владимир - собкорр. (Астана)
11. Ан Виктор Иванович - фотокорреспондент
12. Ли Александр - дизайнер компьютерной графики, художник
13. Когай Лев - собкорр. (Кызылорда)
14. Цой Валентин - собкорр. (Москва)

Состав редакции «Коре ильбо» 2008 года

Главный редактор - Михаил Пак

1. Евгения Ли - зам главного редактора
2. Нам Ген Дя - редактор корейской части
3. Ирма Нам – наборщица
4. Воробьев Владимир – верстальщик

5. Елена Зяблова – корректор
6. Наталия Пак – корреспондент
7. Владимир Сон – корреспондент
8. Владимир Третьяков - корреспондент

Состав редакции «Коре ильбо» 2010 г.

Главный редактор - Константин Ким

1. Вячеслав Плошай - зам. главного редактора
2. Нам Ген Дя - редактор корейской части
3. Ирма Нам – наборщица
4. Воробьев Владимир – верстальщик
5. Владимир Сон - корреспондент,
6. Ольга Ким – корреспондент
7. Елена Хегай - корреспондент.

Нынешний состав редакции «Коре ильбо»

Главный редактор - Константин Ким

1. Ирина Сен - зам. главного редактора
2. Нам Ген Дя - редактор корейской части
3. Воробьев Владимир – верстальщик
4. Владимир Сон - корреспондент,
5. Надежда Ким – корреспондент

Список далеко не полный. Приносим извинения всем, кого мы не вспомнили, упустили.

90 лет
